

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2016

№ 1 (149)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2016

№ 1 (149)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Сулов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

В. В. Макерова,
канд. филос. наук, доц.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА	
<i>Лобовиков В. О.</i> Аксиоматическая система эпистемологии	5
ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ	
<i>Камьнин В. Д.</i> Теоретическое осмысление проблем развития современного исторического знания	20
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Замощанский И. И., Конашкова А. М., Красавин И. В., Пырьянова О. А.</i> Научные коммуникации: ученый в современном обществе.....	30
<i>Саралиева З. Х.-М., Захарова Л. Н., Власкин В. Ю.</i> Профессиональное самоопределение и организационные ценности военнослужащих срочной службы.....	41
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ	
<i>Астафьева Е. М.</i> Нациестроительство в гетерогенном обществе: проблема выбора пути	52
<i>Табаринцева-Романова К. М.</i> Культурная политика Европейского союза в Средиземноморском регионе	67
<i>Замов Э. А.</i> Два пути политической мысли современной Турции.....	74
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Валиахметова Г. Н.</i> Сирийский кризис как отражение трендов развития глобальной энергетической политики ...	81
<i>Ковалев Ю. Ю.</i> В завершение саммита ООН по климату в Париже: неустойчивость территориальных систем и новые риски регионального развития	91
<i>Мухаметов Р. С.</i> Эволюция российско-украинских отношений.....	108
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Звиревич В. Т.</i> Вергилий-философ в представлении Макробия.....	117
<i>Кондрашов П. Н.</i> Концепция историчности экзистенциального бытия в философии Карла Маркса.....	125
<i>Козырева О. А.</i> Проблема взаимоотношения истории философии и философии в работах Ж. Делеза.....	138
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ	
<i>Пивоваров Д. В.</i> Пространство и граница... 152	
ИЗ ИСТОРИИ ДЕПАРТАМЕНТОВ	
<i>Савцова Н. И.</i> Из истории аспирантуры кафедры диалектического материализма философского факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.....	165
НЕКРОЛОГИ	
Даниил Валентинович Пивоваров.....	177
Галина Борисовна Кораблева.....	178
Авторы номера	179
Summагу	181

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 165 +168.3 + 1(091) + 17 + 340.1+ 51-7

В. О. Лобовиков

АКСИОМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Предлагается система аксиом философской теории знания, дающая возможность осуществить логически непротиворечивый синтез рационалистического априоризма и эмпиризма. Единая концептуальная схема, совмещающая в себе рационализм и сенсуализм путем точного формального определения и разграничения сфер их применимости, графически моделируется с помощью логического квадрата и гексагона оппозиции эпистемических модальностей: «знание, что р», «априорное знание, что р», «эмпирическое знание, что р», «незнание, что р».

К л ю ч е в ы е с л о в а: бытие, знание, априорное, эмпирическое, необходимо, случайно, истинно, доказуемо, хорошо, обязательно.

1. Связь истинности и доказуемости: Г. В. Лейбниц, А. Тарский, К. Гёдель. Историко-философский и собственно логический аспекты проблемы

Начнем с историко-философского аспекта. В трактате «Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин» Г. В. Лейбниц писал: «Ложное вообще я определяю как то, что не есть истинное. Итак, чтобы утверждать, что нечто является ложным, необходимо, чтобы... в случае доказательства было бы невозможно доказать его истинность, сколь бы долго не продолжался анализ» [8, 587].

«Всякое истинное предложение может быть доказано» [Там же, 589].

«Истинное предложение есть то, которое может быть доказано» [Там же, 603].

«Следовательно, истинно то, что может быть доказано, т. е. основание чему может быть приведено через разложение» [Там же, 604].

«Всякое истинное предложение может быть доказано, потому что предикат находится в субъекте, как говорит Аристотель, т. е. понятие предиката включается в совершенно осмысленное понятие субъекта, и всегда есть возможность доказать его истинность разложением терминов на их значения, т. е. на термины, которые они содержат» [Там же].

«Конечно... и о случайных истинах мы можем многое уяснить с определенностью, исходя из того самого *принципа*, что всякая истина должна быть доказуема...» (курсив в цитате мой. — В. Л.) [8, 605].

Однако в отношении случайных истин Лейбниц уже не столь категоричен. Он пишет: «Предложения факта не всегда могут быть нами доказаны...» [Там же, 585]. В связи с этим создается впечатление, что Лейбниц сам себе противоречит: частично отступает от своего якобы строго универсального *принципа доказуемости всякой истины*, так как предложения факта — случайные *истины*. Согласно Лейбницу получается, что некоторые, а именно случайные (фактические), *истины* «не всегда могут быть нами доказаны».

Теперь, продолжая исследование историко-философского аспекта проблемы, обратимся к «Введению в логику и методологию дедуктивных наук» А. Тарского, принимающего во внимание такие очень важные научные результаты, которые не могли быть известны во времена Лейбница. Тарский писал: «Всякая дисциплина, даже если она построена совершенно правильно во всех методологических отношениях, теряет в наших глазах *ценность*, если у нас есть основания подозревать, что не все утверждения этой дисциплины истинны. С другой стороны, *ценность* дисциплины будет тем выше, чем больше будет количество истинных высказываний, доказуемых в этой системе. С этой точки зрения *идеальной* дисциплиной может считаться такая, которая среди установленных ею положений содержит все истинные высказывания, относящиеся к этой теории, и не содержит ни одного ложного. <...> Из этого видим, что дедуктивная теория, конечно, не достигает нашего *идеала*, если она не сочетает в себе непротиворечивости и полноты» (курсив в цитате мой. — В. Л.) [28, 185–186]. Однако непосредственно далее Тарский замечает: «Под этим мы *не хотим* подразумевать, что каждая согласованная и полная дисциплина *должна ipso facto* содержать среди установленных ею положений все истинные высказывания и только такие высказывания» (курсив в цитате мой. — В. Л.) [Там же, 186].

На основании этих цитат из книги Тарского складывается противоречивое впечатление (как и в случае с Лейбницем). С одной стороны, *идеал* дедуктивной теории — ее логическая непротиворечивость и (семантическая) полнота: к этому идеалу (максимальной положительной ценности) дедуктивной теории нужно стремиться. Но, с другой стороны, «мы *не хотим* подразумевать, что каждая согласованная и полная дисциплина *должна ipso facto* содержать среди установленных ею положений все истинные высказывания и только такие высказывания» (курсив в цитате мой. — В. Л.) [Там же].

Почему «мы не хотим» этого? Потому что, согласно теоремам К. Гёделя о неполноте [6, 15, 17, 29], вообще говоря, это *невозможно*, о чем Тарский знал. Хотеть что-то невозможное неразумно, поэтому Тарский и писал, что «мы не хотим» утверждать, что каждая согласованная дисциплина *должна ipso facto* содержать среди установленных ею положений все истинные высказывания и только такие высказывания. По моему мнению, в обсуждаемой цитате «*ipso facto*» играет роль ключевого слова. Ситуация подобна той, которая уже была рассмотрена выше в связи с Лейбницем: есть некий (якобы) всеобщий принцип (максимальная

положительная ценность), играющий роль *идеала*, но, вообще говоря, он не всегда реализуется, так как в сфере *фактов*, т. е. в сфере *эмпирического* знания *случайных* истин, его реализация иногда невозможна.

В связи с метатеоретическими результатами, полученными Гёделем [6, 15, 17, 29], процитированные выше утверждения Лейбница, трактовавшиеся им в качестве *универсального принципа*, выглядят явно ошибочными. Возникает проблема их объяснения.

В настоящей статье они объясняются, и противоречие Лейбница с Гёделем устраняется с помощью введения следующих дефиниций¹ DF-1 и DF-2. В них символ **Кр** обозначает высказывание «субъект имеет *знание, что p*», где *p* — некое высказывание; символ **Ар** — «субъект имеет *априорное знание, что p*»; **Эр** — «субъект имеет *апостериорное (эмпирическое) знание, что p*»; **Др** — «доказуемо, *что p*». Символы $\leftrightarrow$, $\neg$, $\&$, $\vee$, $\supset$ обозначают в данной работе логические операции «эквивалентность», «отрицание», «конъюнкция», «слабая дизъюнкция», «импликация» соответственно. Символы $\square$, $\diamond$ — алетические модальности «необходимо, что», «возможно, что». Символ $\equiv$ — отношение логической равносильности.

DF-1: $\text{Ар} \equiv (\text{Кр} \& \square(p \leftrightarrow \text{Др}))$.

DF-2: $\text{Эр} \equiv (\text{Кр} \& \neg \square(p \leftrightarrow \text{Др}))$.

Если эти дефиниции принимаются и если процитированные выше утверждения Лейбница относятся к *априорному* знанию, то они не ошибочны, а совершенно адекватны, так как, согласно DF-1, из **Ар** логически следует, что $\square(p \leftrightarrow \text{Др})$. Сформулированная выше проблема (противоречие между Лейбницем и Гёделем) разрешается, так как (имеющая место в случае метатеорем Гёделя о неполноте формальной арифметики) истинность конъюнкта $\neg \square(p \leftrightarrow \text{Др})$ означает, что «знание, что *p*» является *эмпирическим* (апостериорным). С формулой $\neg \square(p \leftrightarrow \text{Др})$ могут быть проделаны следующие равносильные преобразования:

$\neg \square(p \leftrightarrow \text{Др})$: дано.

$\neg \square(\text{Др} \supset p) \& (p \supset \text{Др})$): выражение $\leftrightarrow$ через $\&$ и $\supset$.

$\neg(\square(\text{Др} \supset p) \& \square(p \supset \text{Др}))$): по дистрибутивности $\square$ относительно $\&$ [30, 48].

$(\neg \square(\text{Др} \supset p) \vee \neg \square(p \supset \text{Др}))$: по закону де Моргана.

$(\square(\text{Др} \supset p) \supset \neg \square(p \supset \text{Др}))$: выражение $\supset$ через $\vee$ и $\neg$.

$(\neg \diamond(\text{Др} \& p)) \supset \diamond(p \& \neg \text{Др})$: по закону взаимосвязи $\square$ и $\diamond$.

Полученная формула означает возможность семантической неполноты при условии невозможности противоречия. Поскольку соответствующие теоремы Гёделя суть утверждения о семантической неполноте формальной арифметики при условии ее непротиворечивости, постольку, если предлагаемые в данной статье дефиниции априорного и апостериорного знания принимаются, знание арифметики относится к сфере знания апостериорного, а не априорного. А вот

¹ Впервые они были предложены в докладе автора на всероссийской научной конференции «Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы» (12–13 ноября 2015 г., Екатеринбург, департамент философии ИСПН УрФУ), а затем опубликованы в научном журнале «Дискурс-Пи» [13].

знание пропозициональной логики и логики предикатов первого порядка — знание априорное, так как эти подсистемы логики непротиворечивы и полны.

**2. Взаимосвязь бытия и обязательности (ценности):
историко-философский и собственно логический аспекты проблемы
взаимоотношения рационалистического оптимизма Лейбница,
скептицизма («Гильотины») Юма и тезиса Канта о предписывании
субъектом законов природы**

В рационалистическом оптимизме Лейбница проблема взаимосвязи бытия, положительной нравственной ценности, и обязательности (нравственной необходимости) решается вполне определенно, а именно положительно. Особенно ярко это положительное решение представлено в «Теодицее» [10]. Согласно Лейбницу *все хорошо* в этом лучшем из всех возможных миров, и все, что происходит, — к лучшему. Причем положительная ценность бытия отнюдь не случайна, а необходима и алетически, и нравственно: все, что должно быть, есть, а все, что есть, должно быть.

Используя искусственный язык символической модальной логики, можно представить логический аспект рационалистического оптимизма Лейбница следующей конъюнкцией: $\Box(p \leftrightarrow Op) \& \Box(Op \leftrightarrow Gp)$, в которой символ **Op** обозначает *деонтическую* модальность «должно быть так, что p» или «обязательно, что p», а символ **Gp** — *аксиологическую* модальность «хорошо (положительно нравственно ценно), что p».

Согласно Лейбницу, поскольку чувства не могут быть достаточным основанием знания упомянутой выше нравственной необходимости бытия, постольку эта необходимость познается разумом. Такова наиболее демонстративно (открыто и последовательно) изложенная позиция рационализма и априоризма в обсуждаемом вопросе. Согласно доминирующей интерпретации истории философии последовательно изложенная принципиальная позиция сенсуализма и эмпиризма находится в оппозиции к доктрине рационалистического априоризма Лейбница. Доктрина сенсуализма и эмпиризма представлена в истории философии множеством широко известных имен [3, 14, 16, 18, 34, 35] и множеством различных степеней радикальности и последовательности взглядов. Если в качестве примера обратиться к основанной на опыте скептической философии Д. Юма, то его, по моему мнению, вряд ли можно отнести к числу представителей крайнего (радикального) сенсуализма и эмпиризма, доходящих порой до абсурда. В отличие от эмпириков-экстремистов Юм — тонкий, осторожный, трезвый, здравомыслящий аналитик, не склонный впадать в крайности: он стремится удалиться от них, заняв умеренную позицию «золотой середины», которая в его понимании представляет собой последовательный скептицизм. Но его *основанный на опыте* скептицизм, т. е. умеренный *эмпиризм*, будучи проведен логически последовательно, оказывается разрушительным и, по мнению очень многих, даже убийственным для доктрины рационалистического оптимизма.

Юм писал в «Трактате о человеческой природе»: «Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор

в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно “есть” или “не есть”, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки “должно” или “не должно”. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это “должно” или “не должно” выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него. Но так как авторы обычно не прибегают к такой предосторожности, то я позволяю себе рекомендовать ее читателям и уверен, что этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом» [35, 510–511].

Итак, Юм впервые в истории философии явно формулирует очень важную логико-философскую проблему (ставит вопрос): (Z) может ли предложение со связкой «должно» быть дедукцией из предложения со связкой «есть»? (W) И если да, то каким образом, т. е. на каком основании, предложение со связкой «должно» может быть дедукцией из предложения со связкой «есть»? Дедукция означает наличие отношения логического следования. Поэтому вопрос (Z) можно представить как вопрос: может ли предложение со связкой «должно» быть логическим следствием из предложения со связкой «есть»? Фактически, в ходе историко-философского процесса, вопросы (Z) и (W) были истолкованы как риторические. Вопрос (Z) был интерпретирован как отрицательный ответ на вопрос (Z). Условный вопрос (W) был истолкован как неуместный из-за ложности его antecedента; а консеквент вопроса (W) был рассмотрен (в полном соответствии с логикой вопросов и ответов) как некорректный (неправомерный) вопрос, так как не существует истинного ответа на него, указывающий на некое действительно существующее логическое основание обсуждаемой дедукции.

По моему мнению, доминирующая в литературе историко-философская оценка «Гильотины Юма» — процитированного выше фрагмента текста из «Трактата» — является очень сильным огрублением и искажением концепции самого Юма, которая, на мой взгляд, не столь груба, как кажется многим историкам философии. Что если отказаться принять господствующую историко-философскую оценку «Гильотины Юма» — процитированного выше фрагмента текста, предложив некую качественно новую (альтернативную) его интерпретацию? Данный раздел статьи как раз и посвящен исследованию этой ранее упущенной из виду возможности.

На мой взгляд, если возвратиться к первоначальному значению названия «Гильотина Юма», т. е. к процитированному выше фрагменту текста из «Трактата», то можно предложить следующую альтернативную его интерпретацию. Вопросы (Z) и (W) признаются не риторическими, а собственно вопросами, причем вполне правомерными (корректными). В таком случае нужно обоснованно на них ответить, к чему, собственно говоря, и призывал Юм.

В настоящей статье замеченный наблюдательным Юмом удивительный *факт* наличия во многих метафизических и этических трактатах многочисленных переходов от предложений со связкой «есть» к предложениям со связкой «должно быть» *объясняется* (и естественно возникающая иллюзия логического противоречия Лейбница с Юмом устраняется) с помощью введения следующих дефиниций²: DF-3 и DF-4. (Здесь от рассмотренной в предыдущем разделе статьи проблематики связи истинности и доказуемости мы абстрагируемся.)

DF-3: $Ap \equiv (Kp \ \& \ \Box(p \leftrightarrow Op) \ \& \ \Box(Op \leftrightarrow Gp))$.

DF-4: $\mathcal{A}p \equiv (Kp \ \& \ ((\neg\Box(p \leftrightarrow Op)) \vee (\neg\Box(Op \leftrightarrow Gp))))$.

Если эти дефиниции принимаются и если представленный формулой $\Box(p \leftrightarrow Op) \ \& \ \Box(Op \leftrightarrow Gp)$ принцип рационалистического оптимизма Лейбница относится к *априорному* знанию, то он не ошибочен, а совершенно адекватен, так как, согласно DF-3, из Ap логически следует, что $\Box(p \leftrightarrow Op)$. В свою очередь, из $\Box(p \leftrightarrow Op)$, согласно пропозициональной логике, *следует*, что $\Box((Op \supset p) \ \& \ \Box(p \supset Op))$, а далее – $(\Box(Op \supset p) \ \& \ \Box(p \supset Op))$: по закону дистрибутивности $\Box$ относительно $\&$ [30, 48]. В результате логически последовательной дедукции (в ходе которой на каждом ее шаге указывается основание для этого шага) получается формула $\Box(p \supset Op)$. Она представляет собой *тезис о наличии строгого логического следования* Op из p , т. е. *положительный* ответ на вопрос (Z). В таком случае сформулированный выше условный вопрос (W) становится вполне уместным. И вполне определенный ответ на него дан в ходе рассмотренного выше дедуктивного рассуждения, в котором на каждом шаге точно указано то логическое основание, на котором эта дедукция осуществляется.

Итак, сформулированная выше проблема-противоречие между рационалистическим оптимизмом Лейбница и сенсуалистическим скептицизмом Юма разрешается, если область применимости принципа оптимизма ограничивается *априорным* знанием, а область применимости *отрицательного* решения поставленной Юмом проблемы ограничивается знанием *эмпирическим*. Относительно доминирующей интерпретации «Гильотины Юма» проблема разрешается, так как имеющая место в случае *отрицательного* ответа на вопрос (Z) истинность $\neg\Box(p \supset Op)$ означает, что «знание, что p » является *эмпирическим* (апостериорным), так как $\neg\Box(p \supset Op)$ логически влечет $\neg\Box(p \leftrightarrow Op)$ и, следовательно, истинно, что $((\neg\Box(p \leftrightarrow Op)) \vee (\neg\Box(Op \leftrightarrow Gp)))$.

С точки зрения вышесказанного весьма озадачивающий исследователей в области методологии, логики и философии науки тезис И. Канта о том, что необходимо всеобщие чисто *априорные* законы природы суть (наши) *предписания* (императивы, приказы) природе [4, 202–204], является не ошибкой субъективного идеалиста, а истинным утверждением. Кант писал: «...будет хотя и странно, но тем не менее истинно, если я скажу: *рассудок не почерпает свои законы* (а priori) *из природы, а предписывает их ей*» [Там же, 203]. Далее, намереваясь пояснить примером «это, по-видимому, слишком смелое положение», Кант писал: «...законы,

² Впервые они были предложены в докладе автора на международной научной конференции «Актуальные проблемы аналитической философии» (23–24 октября 2015 г., Томск, департамент философии ТГУ).

открываемые нами в предметах чувственного созерцания — особенно если они познаются как необходимые, — признаются уже нами самими за *вложенные в природу рассудком*, хотя они во всем подобны тем законам природы, которые мы приписываем опыту» (курсив в цитате мой. — В. Л.) [4, 204].

Почему и в какой мере, согласно Канту, мы *предписываем* необходимо всеобщие (априорные) законы природе³, *вкладываем их в нее*, являемся для нее *законодателями*? Ведь *предписание* есть утверждение о том, что *должно* быть. «Предписано, что р» означает, что «*должно быть* так, что р». Получается, что, искусно маневрируя между Лейбницем и Юмом, Кант занимает вполне определенную позицию в отношении «Гильотины»: он оказывается сторонником рационалистического оптимизма в той мере, в какой его озадачивающий тезис относится к сфере чисто *априорного* (и только такого) знания законов природы. Наверное, поэтому в «Критике чистого разума», приводя пример необходимо всеобщего чисто априорного закона природы, Кант формулирует «третий закон Ньютона» не как утверждение о том, что *есть*, а как утверждение о том, что *должно быть*. Он пишет: «...*действие и противодействие всегда должны быть равны друг другу*» [5, 52]. Тем самым «третий закон Ньютона» *предписан* природе.

3. Респектабельное античное понятие подлинного знания подлинного бытия (Парменид, Платон, Аристотель), концепция рационального и фактического знания Лейбница, а также широко обсуждавшиеся в XX в. принципы верифицируемости и фальсифицируемости научного (=опытного) знания

Начнем с цитаты из произведения Г. В. Лейбница «Новые опыты о человеческом разумении»: «Т е о ф и л. Ваше деление предложений сводится, кажется, к моему делению их на фактические и рациональные. Фактические предложения тоже могут стать в некотором роде общими, но лишь путем индукции или наблюдения. Таким образом, они и представляют собой лишь совокупность исходных фактов... Это несовершенная общность, так как мы не видим ее необходимости. Рациональные общие предложения необходимы...» [7, 458]. Эта цитата точно характеризует взгляды Лейбница на отношения: (1) между чисто рациональным (априорным) знанием и необходимостью; (2) между чисто опытным (эмпирическим) знанием фактов и случайностью. Здесь уместно принять во внимание относящиеся к делу мнения авторитетных специалистов по истории философии. Один из них, В. В. Соколов, писал, что, согласно Лейбницу, «многообразные факты в сфере опыта всегда действительны, но любой из них может как существовать, так и не существовать. Мыслить противоположное любому факту опыта всегда возможно. В противоположность вечным, разумным истинам как истинам необходимым опытные истины определяются Лейбницем как истины факта, которые всегда носят более или менее случайный характер» [27, 27].

³ Кант писал: «...высшее законодательство природы должно находиться в нас самих, т. е. в нашем рассудке...» (курсив в цитате мой. — В. Л.) [4, 202]. Но *законодательство* есть система *предписаний* (императивов)!

В письме королеве Пруссии Софии-Шарлотте Лейбниц писал: «Возвращаясь к *необходимым истинам*, нужно вообще сказать, что мы познаем их только этим естественным разумом, а вовсе не опытами чувств. Ибо чувства могут до некоторой степени показывать нам то, что *есть*, но не дают нам знать того, что так *должно быть*, или что не может быть иначе. Например, если бы мы бесконечное число раз замечали на опыте, что всякое массивное тело стремится к центру Земли и не может удерживаться в воздухе, мы все-таки не можем быть уверены, что это *необходимо должно быть* так, пока не поймем причины этого» (курсив в цитате мой. — В. Л.) [9, 376].

Приведенные выше вполне репрезентативные цитаты недвусмысленно свидетельствуют о том, что сенсуализм (эмпиризм) и метафизический рационализм в теории знания, *будучи доведены до крайности*, оказываются *контрадикторными* друг другу. Это и было причиной многочисленных недоразумений в истории философии. Однако, на мой взгляд, противоречие сенсуализма (эмпиризма) и метафизического рационализма (априоризма) в философской теории знания может быть успешно разрешено. Устранить обсуждаемое противоречие можно путем замены чересчур тенденциозных дефиниций знания в экстремистских сенсуалистических и рационалистических концепциях на более точные его дефиниции, находящиеся не в отношении контрадикторности, а в отношении *контрарности*.

Используя термины алетической модальной логики и модальность **Кр** эпистемической модальной логики, значение рассматриваемых в данной статье эпистемологических модальностей **Ар** и **Эр** можно определить следующим образом:

Def-5: $Ar \equiv (Kp \ \& \ \neg \diamond \neg p)$.

Def-6: $Er \equiv (Kp \ \& \ \diamond \neg p)$: принцип *фальсифицируемости*⁴.

В данном разделе статьи рассматривается следующий тезис: если определения Def-5 и Def-6 принимаются (т. е. *принимается абстракция* от всех других аспектов различия априорного и опытного знания), то система логических взаимоотношений между фундаментальными для философской теории знания модальностями **Кр**, **Ар**, **Эр**, $\neg Ar$, $\neg Er$ и $\neg Kp$ может быть представлена следующей ниже графической моделью (рис. 1).

На рис. 1 стрелки моделируют отношение подчинения (логического следования). Линии, пересекающие квадрат, обозначают отношение контрадикторности. Верхняя горизонтальная линия квадрата — контрарность. Нижняя — субконтрарность.

На уровне предложенной графической модели видно, что характеристика всякого подлинного знания как эмпирического (апостериорного), в частности научного (scientific в *англоязычном* смысле), ошибочна. В общем виде утверждения ($Kp \equiv Er$), ($\neg Er \supset \neg Kp$) неверны. Сциентизм, отвергающий метафизическое

⁴ С полным основанием этот принцип можно было бы назвать принципом *случайности* (опытного знания). Существует мнение, что принцип фальсифицируемости научного знания был впервые открыт К. Поппером [22, 24–26], но некоторые ученые относятся к этому мнению скептически, полагая, что, в сущности, этот принцип был широко известен задолго до Поппера, а в его время был *общепринятым убеждением* представителей *эмпирической* науки.

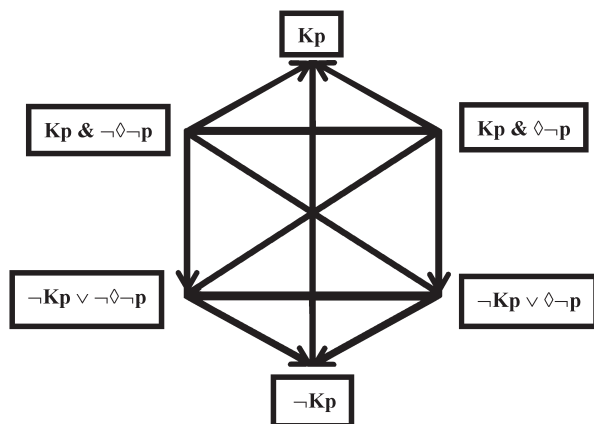

Рис. 1. Логический квадрат и гексагон эпистемических модальностей: связь знания, необходимости и случайности

(априорное) знание как таковое, объявляющий его не (подлинным) знанием, а бессмыслицей, чрезмерно упрощает ситуацию в эпистемической логике и эпистемологии вообще. На уровне предложенной выше графической модели (рис. 1) видно также, что характеристика всякого настоящего знания как метафизического (априорного) тоже ошибочна: в общем виде утверждения ($Kp \equiv Ap$), ($\neg Ap \supset \neg Kp$) неверны. В древнегреческой эпистемологии упомянутая ошибочная метафизическая (абсолютистская) парадигма длительное время была вполне уважаемой и даже во многих случаях доминирующей. В средневековой Европе влияние указанной метафизической (абсолютистской) парадигмы в эпистемологии постепенно ослабевало, и, наконец, со времен Галилео Галилея она сначала медленно, а затем в ускоренном темпе начала уступать свои позиции эмпирическому естествознанию. В свете доминирующей в настоящее время парадигмы *эмпирического* знания (в особенности с точки зрения *сциентизма*) античный агностицизм [1, 2, 19–21, 39–43] — загадочная нелепость: он явно абсурден. Например, анализируемое Аристотелем учение Платона о невозможности знания материи, постоянно текущего, чувственно воспринимаемого [1, 79], удивительно, возмутительно, парадоксально с точки зрения *эволюционной* эпистемологии эмпиризма [32, 33]. Это учение возмутительно, так как с указанной точки зрения совершенно очевидно, что эмпирическое знание чувственного (материального) мира возможно, хотя оно и не является (абсолютно) всеобщим и необходимым, а допускает свою случайность, возможность фальсификации, и эволюцию [22–24, 32, 33].

Именно поэтому в качестве определения *эмпирического* (апостериорного) знания выше была использована эквивалентность $\mathcal{E}p \equiv (Kp \ \& \ \Diamond\neg p)$: принцип *фальсифицируемости*. Но если выйти за рамки доминирующей в наше время парадигмы эмпиризма в теории знания и, руководствуясь принципом историзма, «вжиться в образ» древнегреческого философа-пифагорейца, или элеата, или платоника, то можно заметить, что якобы возмутительный тезис античного агностицизма о невозможности (настоящего) знания материальных (случайных)

вещей на самом-то деле вполне адекватен (совершенно рационален). Иллюзия парадоксальности (ошибочное впечатление о возмутительности) агностицизма Платона в отношении материи — результат психологически незаметной, но логически незаконной подмены понятий (античный абсолютистско-метафизический термин «знание» подменяется современным релятивистско-эмпирическим). В том специфическом конкретном значении (абсолютистском), которое многие античные греческие философы вкладывали в слово «знание» (подлинное знание), чувственные вещи действительно не могут быть предметом знания, так как его предмет — нечто всеобщее, необходимое и неизменное. Например, известный историк философии В. Ф. Асмус справедливо отмечал, что предметом подлинного знания, согласно Аристотелю, является существенное, т. е. общее и необходимое, существующее постоянно [2, 35–38].

Если употреблять слово «эпистеме» в указанном выше респектабельном древнегреческом значении словосочетания «настоящее знание», то эпистеме не допускает своей фальсификации и эволюции; если положение вещей действительно известно (подлинное знание о нем существует), то иное положение вещей невозможно в принципе. Именно поэтому в качестве определения метафизического (априорного) знания существенного, т. е. общего и необходимого, выше была использована эквивалентность $Ap \equiv (Kp \& \neg \diamond \neg p)$.

Согласно рис. 1 и дефинициям Def-5 и Def-6 между эпистемологическими модальностями Ap и $Эр$ имеет место отношение *контрарности*: Ap и $Эр$ не могут быть одновременно истинными, но могут быть одновременно ложными. А вот противоречивости между ними нет: Ap и $Эр$ не являются взаимоотрицающими высказываниями. Отношения противоречивости имеют место между элементами пар: $\langle Ap, \neg Ap \rangle$; $\langle Эр, \neg Эр \rangle$; $\langle Kp, \neg Kp \rangle$. Между отсутствием эмпирического знания ($\neg Эр$) и отсутствием априорного знания ($\neg Ap$) имеет место отношение субконтрарности: $\neg Ap$ и $\neg Эр$ не могут быть одновременно ложными, но могут быть одновременно истинными. В представленном на рис. 1 логическом квадрате отношение субординации имеет место в двух случаях: 1) Ap подчиняет себе $\neg Эр$, так как $(Ap \supset \neg Эр)$, поскольку $((Kp \& \neg \diamond \neg p) \supset (\neg Kp \vee \neg \diamond \neg p))$. В свою очередь, 2) $Эр$ подчиняет себе $\neg Ap$, так как $(Эр \supset \neg Ap)$, поскольку $((Kp \& \diamond \neg p) \supset (\neg Kp \vee \diamond \neg p))$.

С середины XX в. *прецедент* (формально определенный принцип) логических квадрата и гексагона, освобожденный от их квантификационной интерпретации, систематически используется как средство организации качественно разнообразных концептуальных систем [36–38]. В дополнение к этому разнообразию реинтерпретаций автор развивает еще одну новую, а именно эпистемологическую реинтерпретацию квадрата и гексагона⁵. Эта реинтерпретация, представленная в данном разделе статьи, позволяет по-новому взглянуть на некоторые историко-философские проблемы, рассмотренные Я. Хинтикой в ходе предпринятых им логико-эпистемологических исследований истории античной философии знания

⁵ Впервые рис. 1 и относящиеся к нему точные определения априорного и эмпирического знания были опубликованы в сборнике научных статей «Эпистемы» [11], а затем в научном журнале «Дискурс-Пи» [12].

[31, 44–46]. Более того, на мой взгляд, логический гексагон, обсуждаемый в данном разделе статьи, может быть использован также для анализа и «снятия» противоречия не только Поппера [22–26] с Платоном [19–21, 41, 42] и Парменидом [40], но и Локка [14], Юма [34, 35], Канта [4, 5] с Лейбницем [7–10].

Однако рис. 1 и определения Def-5, Def-6 относятся к взаимосвязи знания с необходимостью и случайностью, а один из важнейших аспектов конфликта сенсуалистов с рационалистами относится в значительной мере к взаимосвязи знания с ощущениями (чувственными восприятиями).

Зародыш этого конфликта возник уже в Античности. В качестве примера возьмем следующую цитату из «Теэтета» Платона: «Сократ. Очевидно, выходит что-то невозможное, если допустить, что знание и ощущение — одно и то же. Теэтет. Похоже, что так. Сократ. Стало быть, нужно признать, что они различны? Теэтет. Боюсь, что да» [19, 219].

Как этот сенсуалистический аспект проблемы может быть представлен на уровне логического квадрата и соответствующего ему гексагона? Для ответа на этот вопрос введем в используемый искусственный язык дополнительные символы и дадим новые дефиниции обсуждаемых понятий (при этом от существования других аспектов различия априорного и опытного знания будем абстрагироваться).

Пусть символ **Sp** обозначает высказывание «при некоторых условиях в некотором пространстве-времени некий субъект имеет (непосредственное или опосредованное приборами) ощущение, что р». Используя «сенсуалистическую модальность» **Sp**, можно заменить приведенные выше дефиниции Def-5 и Def-6 следующими ниже, соответственно

Def-7: $A_p \equiv (K_p \ \& \ \neg \diamond S_p)$.

Def-8: $\mathcal{E}_p \equiv (K_p \ \& \ \diamond S_p)$: принцип *верифицируемости*.

Если эти определения принимаются, то система логических взаимоотношений между обсуждаемыми модальностями может быть представлена в виде соответствующих логического квадрата и гексагона [11, 66; 12, 102].

Наконец, для точности и полноты определения понятий «эмпирическое» и «априорное» необходимо принять во внимание связь ощущения и материи. (Уместно вспомнить, что Дж. Ст. Милль определял материю как постоянную *возможность ощущений*, а внешний (материальный) мир как мир возможных ощущений [18].) Пусть символ **Mr** обозначает высказывание «предмет знания, что р, материален, т. е. он есть материя». Иначе говоря, **Mr** обозначает утверждение о материальности того, что есть предмет знания, что р. На символическом языке связь ощутимости и материальности может быть выражена эквивалентностью ($\diamond S_p \leftrightarrow M_r$). Учитывая сказанное выше, обсуждаемые эпистемические модальности **Ap** и $\mathcal{E}_p$ можно определить через **Mr** и $\neg M_r$ с помощью следующих дефиниций (при этом от всех других аспектов априорного и опытного знания мы здесь абстрагируемся).

Def-9: $A_p \equiv (K_p \ \& \ \neg M_r)$: принцип *нематериальности* предмета априорного знания.

Def-10: $\mathcal{E}p \equiv (Kp \ \& \ Mp)$: принцип *материальности* предмета эмпирического знания.

Если эти определения принимаются, то система логических взаимоотношений между обсуждаемыми модальностями может быть представлена в виде следующего логического квадрата и гексагона (рис. 2).

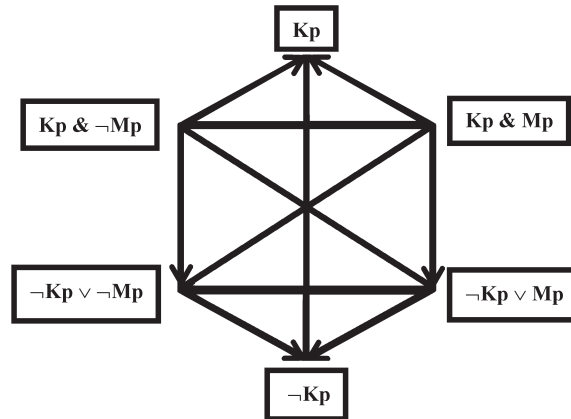

Рис. 2. Логический квадрат и гексагон эпистемических модальностей: связь знания, материальности и нематериальности

4. Логически непротиворечивый синтез рассмотренных выше концепций знания в одной аксиоматической системе эпистемологии и в одной графической модели логических взаимоотношений эпистемических модальностей

Предлагавшиеся в предыдущих разделах настоящей статьи (и в других публикациях автора [11–13]) различные дефиниции априорного и опытного (эмпирического) знания отражали лишь тот или иной действительно важный, но *частный* аспект этих эпистемологических понятий. Каждая из предложенных выше дефиниций — *частный случай* соответствующих действительно универсальных определений, включающих в себя (обобщающих) все рассмотренные выше дефиниции. Но где эти универсальные определения? Как можно без противоречия связать все вышесказанное в единой концептуальной схеме эпистемологии? Ведь естественно ожидать, что упомянутые универсальные синтезирующие дефиниции априорного и апостериорного (эмпирического) знания очень сложны и громоздки: возможно даже, что их сложность и «длина формулировок» превышает психологический порог восприятия среднестатистических представителей вида «хomo sapiens». Как быть в таком случае? Думаю, что ожидание сложных и «длинных» формулировок определений обсуждаемых понятий вполне обоснованно. Если точно выразить определение понятия «априорное знание, что р» одним предложением, то оно будет чрезмерно «длинным» и сложным (то же самое верно и в отношении определения апостериорного знания). Однако ситуация отнюдь не столь безнадежна,

как кажется на первый взгляд. Ведь можно дать точное определение синтезирующих универсальных понятий «априорное знание, что р» и «эмпирическое знание, что р» с помощью системы аксиом такой, что восприятие каждой или по крайней мере многих из аксиом этой системы находится в пределах обычных человеческих возможностей, а все вместе эти аксиомы точно определяют интересующие нас понятия. Психологические трудности, естественно возникающие в связи с *неявным* характером такого *аксиоматического* определения, можно превозмочь ради достижения точности синтезирующих универсальных дефиниций.

По моему мнению, общая философская теория знания может быть представлена в виде следующей ниже системы, состоящей из 16 (собственных) аксиом эпистемологии (чисто логические аксиомы и правила вывода здесь подразумеваются и поэтому, из соображений экономии, явно прописываться не будут):

$$\text{AX-1: } \mathbf{Kp} \leftrightarrow (\mathbf{Ap} \vee \mathbf{Эp}).$$

$$\text{AX-2: } \mathbf{Ap} \supset \neg \mathbf{Эp}.$$

$$\text{AX-3: } \mathbf{Эp} \supset \neg \mathbf{Ap}.$$

$$\text{AX-4: } \mathbf{Ap} \supset (\mathbf{Kp} \ \& \ \mathbf{□p}).$$

$$\text{AX-5: } \mathbf{Ap} \supset (\mathbf{Kp} \ \& \ \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Дp)}).$$

$$\text{AX-6: } \mathbf{Ap} \supset (\mathbf{Kp} \ \& \ \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Op)}).$$

$$\text{AX-7: } \mathbf{Ap} \supset (\mathbf{Kp} \ \& \ \mathbf{□(Op} \leftrightarrow \mathbf{Gp)}).$$

$$\text{AX-8: } \mathbf{Ap} \supset (\mathbf{Kp} \ \& \ \neg \mathbf{◇Sp}).$$

$$\text{AX-9: } (\mathbf{Kp} \ \& \ \mathbf{□p} \ \& \ \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Дp)} \ \& \ \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Op)} \ \& \ \mathbf{□(Op} \leftrightarrow \mathbf{Gp)} \ \& \ \neg \mathbf{◇Sp}) \supset \mathbf{Ap}.$$

$$\text{AX-10: } (\mathbf{Kp} \ \& \ \neg \mathbf{□p}) \supset \mathbf{Эp}.$$

$$\text{AX-11: } (\mathbf{Kp} \ \& \ \neg \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Дp)}) \supset \mathbf{Эp}.$$

$$\text{AX-12: } (\mathbf{Kp} \ \& \ \neg \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Op)}) \supset \mathbf{Эp}.$$

$$\text{AX-13: } (\mathbf{Kp} \ \& \ \neg \mathbf{□(Op} \leftrightarrow \mathbf{Gp)}) \supset \mathbf{Эp}.$$

$$\text{AX-14: } (\mathbf{Kp} \ \& \ \mathbf{◇Sp}) \supset \mathbf{Эp}.$$

$$\text{AX-15: } \mathbf{Эp} \supset (\mathbf{Kp} \ \& \ (\neg \mathbf{□p} \vee \neg \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Дp)}) \vee \neg \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Op)}) \vee \neg \mathbf{□(Op} \leftrightarrow \mathbf{Gp}) \vee \mathbf{◇Sp}).$$

$$\text{AX-16: } (\mathbf{◇Sp} \leftrightarrow \mathbf{Mp}).$$

Если для достижения какой-то цели желательно свести к минимуму число аксиом, а увеличение их сложности и длины формулировок безразлично, то можно представить систему аксиом AX-1 – AX-15 в виде следующей ниже системы из двух аксиом: AX-A и AX-Э:

$$\text{AX-A: } \mathbf{Ap} \leftrightarrow (\mathbf{Kp} \ \& \ \mathbf{□p} \ \& \ \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Дp)} \ \& \ \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Op)} \ \& \ \mathbf{□(Op} \leftrightarrow \mathbf{Gp)} \ \& \ \neg \mathbf{◇Sp} \ \& \ \neg \mathbf{Mp}).$$

$$\text{AX-Э: } \mathbf{Эp} \leftrightarrow (\mathbf{Kp} \ \& \ (\neg \mathbf{□p} \vee \neg \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Дp)}) \vee \neg \mathbf{□(p} \leftrightarrow \mathbf{Op)}) \vee \neg \mathbf{□(Op} \leftrightarrow \mathbf{Gp}) \vee \mathbf{◇Sp} \vee \mathbf{Mp}).$$

С психолого-педагогической (дидактической) точки зрения здесь целесообразно заметить, что предложенная в настоящей статье аксиоматическая система эпистемологии может быть наглядно представлена в виде графической модели – логического квадрата и гексагона оппозиции эпистемических модальностей (рис. 3).

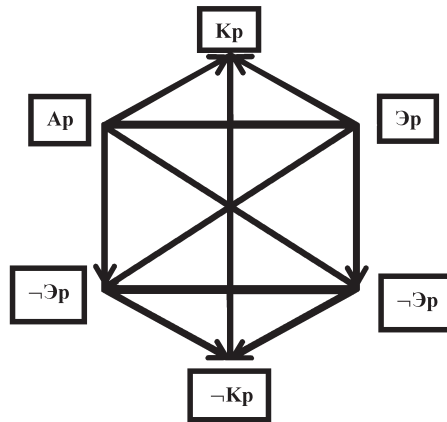

Рис. 3. Синтез априоризма и эмпиризма в одной концептуальной схеме

1. *Аристотель*. Метафизика // Соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1975. С. 63–550.
2. *Асмус В. Ф.* Метафизика Аристотеля // Там же. С. 5–62.
3. *Беркли Дж.* Соч. М., 2000.
4. *Кант И.* Прологомены. М. ; Л., 1934.
5. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 2012.
6. *Клини С. К.* Введение в метаматематику. М., 1957.
7. *Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Соч. : в 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 47–545.
8. *Лейбниц Г. В.* Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин // Там же. Т. 3. М., 1984. С. 572–616.
9. *Лейбниц Г. В.* Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и курфюрстиной Софией // Там же. С. 371–394.
10. *Лейбниц Г. В.* Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Там же. Т. 4. М., 1989. С. 49–554.
11. *Лобовиков В. О.* Логический квадрат и гексагон эпистемических понятий // Эпистемы : сб. науч. ст. Вып. 9. Екатеринбург, 2014. С. 57–68.
12. *Лобовиков В. О.* Уточнение статуса логико-философских принципов фальсификации и верификации (научного знания) в философской эпистемологии // Дискурс-Пи. 2015. № 1(18). С. 98–104.
13. *Лобовиков В. О.* Историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности и доказуемости: Г. В. Лейбниц; А. Тарский; К. Гёдель // Там же. № 3–4(20–21). С. 65–71.
14. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разуме // Локк Дж. Избранные философские произведения : в 2 т. Т. 1. М., 1960.
15. *Манин Ю. И.* Доказуемое и недоказуемое. М., 1979.
16. *Мах Э.* Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 2005.
17. *Мендельсон Э.* Введение в математическую логику. М., 1976.
18. *Милль Дж. Ст.* Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона и главных вопросов, обсужденных в его творениях. СПб., 1869.
19. *Платон.* Федон, Пир, Федр, Парменид. М., 1999.
20. *Платон.* Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор. М., 1999.
21. *Платон.* Филеб, Государство, Тимей, Критий. М., 1999.
22. *Поппер К. Р.* Логика и рост научного знания. М., 1983.

23. *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1 : Чары Платона. М., 1992.
24. *Поппер К. Р.* Объективное знание: Эволюционный подход. М., 2002.
25. *Поппер К. Р.* Логика научного исследования. М., 2005.
26. *Поппер К. Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2008.
27. *Соколов В. В.* Философский синтез Готфрида Лейбница // Соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1983. С. 3–77.
28. *Тарский А.* Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948.
29. *Успенский В. А.* Теорема Геделя о неполноте. М., 1982.
30. *Фейс Р.* Модальная логика. М., 1974.
31. *Хинтикка Я.* Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
32. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2000.
33. Эволюционная эпистемология : ант. М., 2012.
34. *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении. М., 1995.
35. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. Минск, 1998.
36. *Béziau J.-Y.* The New Rising of the Square of Opposition // Around and Beyond the Square of Opposition. Basel : Birkhäuser, 2012. P. 3–19.
37. *Béziau J.-Y.* The Power of the Hexagon // Logica Universalis. 2012. Vol. 6, № 1–2. P. 1–43.
38. *Blanché R.* Structures intellectuelles. Essai sur l'organisation systématique des concepts. P., 1966.
39. *Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 1 : The Earlier Presocratics and the Pythagoreans. Cambridge, 1962.
40. *Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 2 : The Presocratic Tradition from Parmenides to Democritus. Cambridge, 1965.
41. *Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 4 : Plato: The Man and his Dialogues: Earlier Period. Cambridge, 1975.
42. *Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 5 : The Later Plato and the Academy. Cambridge, 1978.
43. *Guthrie W. K. C.* A History of Greek Philosophy. Vol. 6 : Aristotle an Encounter. Cambridge, 1981.
44. *Hintikka J.* Knowledge and belief. Ithaca, 1962.
45. *Hintikka J.* Knowledge and the known. Dordrecht, 1974.
46. *Hintikka J., Hintikka M.B.* The logic of epistemology and the epistemology of logic. Dordrecht, 1989.

Рукопись поступила в редакцию 4 декабря 2015 г.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

УДК 930.1 + 141.113 + 929 Личман

В. Д. Камынин

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается рефлексия исторического сообщества России на пути развития научного знания в условиях постмодерна, характеризующегося плюрализмом мнений. Автор выделяет основные парадигмы, в рамках которых рассматривается возможность сосуществования многочисленных объясняющих исторический процесс теорий: объективистской, синтезирующей и многоконцептуальной (толерантной). Доказываются преимущества парадигмы многоконцептуальности, разработанной в начале 1990-х гг. доктором исторических наук, профессором Уральского политехнического института – Уральского государственного технического университета им. С. М. Кирова (УГТУ – УПИ) Б. В. Личманом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая наука, научный плюрализм, многоконцептуальность, Б. В. Личман.

Современная наука в настоящее время развивается в условиях научного плюрализма. Каждый ученый волен выбрать соответствующую его представлениям методологическую основу, с позиций которой он проводит свое исследование. Это его неотъемлемое право как ученого. Выбранная методологическая система оказывает серьезное влияние на подбор научных принципов и методов исследования.

Такое положение в науке сложилось не сразу. Только в годы перестройки проявился интерес советских ученых к обсуждению методологических проблем общественных и гуманитарных наук. До этого времени обращение широких кругов научной общественности к рассмотрению методологических проблем науки не практиковалось, а их интерпретация была исключительной прерогативой небольшого количества столичных авторов. В исторической науке в годы перестройки началось критическое переосмысление фундаментальных теоретических основ марксистского понимания истории: закономерностей развития исторического

процесса, особенностей исторического прогресса, недостатков формационного подхода к истории и др.

В среде историков к концу перестройки произошла дифференциация и наметились основные направления в интерпретации исторических фактов, четко проявившиеся уже в 1990-е гг. Оставались ученые, не желавшие «поступаться принципами» и отстаивавшие традиционные постулаты марксистско-ленинской методологии; появились авторы, считавшие, что марксизм должен быть очищен от наслоений сталинизма и дополнен новейшими достижениями западной методологии; были исследователи, целиком перешедшие на либеральные позиции и полностью отрицающие марксизм как методологию исторического исследования. Последнее направление выступало с критикой формационного и однолинейно-прогрессивного подхода к истории. Представители общественных наук активно обсуждали вопрос о «кризисе» исторической науки и разрабатывали пути его преодоления.

В этих условиях в начале 1990-х гг. прозвучал призыв к свершению «методологической революции». В современной России она прошла два этапа. В первой половине 1990-х гг. смысл «методологической революции» виделся в замене одной универсальной теории, в качестве которой выступал в советское время марксизм, на другую, не менее универсальную теорию. В качестве таковой был провозглашен цивилизационный подход к истории, дополненный концепцией тоталитаризма в освещении советского периода в истории нашей страны.

Второй этап «методологической революции» пришелся на вторую половину 1990-х — начало 2000-х гг., когда начался активный поиск принципиально новых объясняющих теоретико-методологических моделей. В результате в научном знании возобладал подлинный плюрализм мнений. По наблюдениям А. Т. Тertyшного и А. В. Трофимова, «в настоящее время существует целый “букет” (до двадцати) разнообразных теорий, концепций, так или иначе интерпретирующих исторический путь, пройденный Россией» [22, 15]. Это не придает оптимизма исследователям, поскольку приводит к распространению мнения о релятивизме научного знания.

Активный поиск выхода из сложившегося положения привел к тому, что появилось несколько парадигм, принципиально отличающихся друг от друга мнениями относительно возможности сосуществования в науке многочисленных объясняющих исторический процесс теорий. Эти парадигмы можно условно обозначить как объективистская, синтезирующая и многоконцептуальная (толерантная).

Следует обратить внимание на то, что наиболее активно в выработке этих парадигм проявили себя сторонники неомарксистского направления в науке, предлагая различные варианты сохранения прежних (или слегка модернизированных) философских воззрений.

Весьма распространенным оказался переход части исследователей на позиции объективизма. Сторонники такого подхода заявляют, что ученому-исследователю вообще не нужна никакая методология. «Бегство» от методологии проявляется в том, что авторы намеренно уходят от рассмотрения сложных теоретических

понятий и категорий, таких как «формация», «цивилизация», «исторический закон», «исторический прогресс» и т. д. По поводу претензий на отказ от какой-либо методологии вообще О. М. Медушевская и М. Ф. Румянцева справедливо заметили, что научного исследования без методологии не бывает, ибо оно всегда осуществляется в рамках определенной научной парадигмы. Авторы писали, что «речь может идти лишь о различной степени осознанности (отрефлексованности) как процесса научного познания в целом, так и конкретного исследования каждым исследователем. Методология определенным образом проявляется на всех этапах исследования — от постановки проблемы до верификации результатов исследования» [12, 3].

Другая часть исследователей предложила отказаться от использования крайних теоретико-методологических подходов в изучении отечественной истории и создать синтез из всего лучшего, что было накоплено мировой наукой. Академик И. Д. Ковальченко писал: «Нужен синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них (что сейчас наиболее активно проявляется по отношению к марксизму) и замена их другими (чаще всего субъективно-идеалистическими)» [8, 3].

Весьма модным занятием среди российских исследователей в 1990-е гг. был поиск в западной философской мысли идей, близких по смыслу к марксистской парадигме. Востребованными оказались идеологемы французской «новой исторической науки» или школы «Анналов» [5]. Своеобразную трактовку в российской науке получила теория модернизации. По нашему мнению, серьезное влияние на трактовку теории модернизации в качестве объясняющей теории российской истории оказала научная школа по изучению особенностей российской модернизации, которая сложилась в Институте истории и археологии УрО РАН во главе с академиком РАН В. В. Алексеевым.

В. В. Алексеев признает, что его понимание модернизационного подхода к истории отличается от классического варианта теории модернизации, сложившейся на Западе. В российских реалиях 1990-х гг. модернизационный подход рассматривался как компромисс между формационным и цивилизационным подходами к истории. В своих воспоминаниях академик пишет: «Ученые осознавали отмирание формационного подхода, но не решались перейти к цивилизационному. Компромисс был достигнут на пути перехода к теории модернизации. Постепенно с моей точкой зрения согласились большинство сотрудников (Института истории и археологии. — В. К.), и эта теория стала основой их исследования» [3, 118].

На своеобразии российского варианта понимания теории модернизации автор данной статьи указывал давно, подчеркивая, что модернизационный подход к истории в российской науке «применяют те исследователи, которые стремятся избежать крайностей неомарксистской и либеральной историографии» [15, 414].

Еще один вариант преодоления намечающегося раскола в среде российских обществоведов в условиях все разрастающейся «методологической революции» был предложен доктором исторических наук, профессором Уральского политехнического института — Уральского государственного технического университета им. С. М. Кирова (УГТУ — УПИ) Б. В. Личманом. Уже в начале 1990-х гг. этот

ученый впервые в стране выступил с предложением реформировать историческое образование в школах и вузах России на базе «многотеоретического изучения истории». В условиях быстроразвивающейся в России «методологической революции», сметавшей универсальные методологические системы и заменявшей их на не менее универсальные, претендовавшие на звание «единственно правильных», коллектив единомышленников, возглавлявшийся Б. В. Личманом, предложил вариант отказа от единой методологии и выступил за преподавание отечественной истории в вузах методом уважительного отношения ко всем интерпретациям исторических фактов [10, 2]. По словам Б. В. Личмана, «учебники с одной логикой основываются преимущественно на запоминании и повторении знаний в изложении одной теории. В многотеоретическом изучении истории основой является самостоятельное познание на основе осмысления исторических фактов, изложенных в русле нескольких теорий» [4, 5].

Руководитель коллектива суть предложенной им методики изложил в интервью, данном корреспонденту одной из областных газет. Он заявил, что в основе его учебника «лежит не факт, а концепция, исходящая из мировоззрения. Зачастую они (концепции. — В. К.) прямо противоположны друг другу. Одна считает, что прогресс — это счастье человека, другая — гармоничное общество, третья берет за основу развитие техники. Есть теории, которые видят идеал в приближении человека к Богу, а есть такие, что исходят из гармонии человека и природы, приоритета семейных ценностей» [9].

Преподаватели откликнулись на появление новых учебников, написанных с позиций многоконцептуальности, по-разному. Отклики на учебники под редакцией Б. В. Личмана были различные — от восторженных до негативных [7, 43–48]. Тем не менее результатом плодотворной, продолжающейся уже четверть века деятельности ученого по созданию все новых поколений его учебника можно считать то, что Б. В. Личману удалось приучить вузовских преподавателей и школьных учителей считаться с возможностью именно такого метода изложения исторического материала.

Приоритет Б. В. Личмана в разработке и распространении новой методики преподавания отечественной истории признан многими историками. В новейшем историографическом труде, изданном в 2015 г. в издательстве «Юрайт», указывается, что учебники, созданные в Екатеринбурге коллективом авторов под редакцией Б. В. Личмана, «заложили основу многоконцептуального изучения истории, получившего широкое распространение во второй половине 1990-х гг. — начале XXI в.» [6, 461]. С нашей точки зрения, именно в процессе преподавания отечественной истории парадигма многоконцептуальности в том виде, в каком ее предложил Б. В. Личман, оказалась наиболее востребованной и эффективной.

Гораздо менее освещен в литературе вопрос о влиянии парадигмы многоконцептуальности на научное сообщество. А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов считают возможным использование ее в научном творчестве и полагают, что «многоконцептуальное, политеоретическое измерение истории России является сегодня не данью политической моде или очередной идеологической конъюнктурой,

а средством для постижения такой сложной и не поддающейся одномерному определению реальности, каковой является история нашей страны» [22, 5]. Сам Б. В. Личман достаточно скептически относится к возможности использования парадигмы многоконцептуальности в научных исследованиях. По его словам, «исторический процесс очень богат фактами. Каждая теория в соответствии со своими потребностями проводит отбор нужных ей фактов или интерпретирует один и тот же факт со своей точки зрения. Как правило, эти теории находятся в разных идеологических плоскостях, и совместить их невозможно. Дискуссия между ними ни к чему не приводит» [9].

Между тем в уральской историографии во второй половине 1990-х гг. — начале XXI в. использование парадигмы многоконцептуальности превратилось в модное увлечение. Можно выделить несколько вариантов ее внедрения в научные исследования. Объединяет сторонников данной парадигмы то, что все они апеллируют к творчеству Б. В. Личмана как наиболее авторитетного специалиста в ее разработке. В учебной литературе суть подхода, предложенного Б. В. Личманом, сформулирована следующим образом. Подчеркивается, что данный автор утверждает, что «в современной исторической науке имеют место следующие основные интерпретации (концепции) истории России XX в.: религиозная, всемирно-историческая, локально-историческая» [15, 414].

Отталкиваясь от этих мировоззренческих интерпретаций (концепций) исторических фактов, А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов сформулировали четыре объяснительные модели: формационную (универсально-стадиальную), либеральную (западно-центристскую), модернизационную и цивилизационную (локально-историческую) [22, 16]. Такая трактовка объяснения исторического процесса в целом соответствует подходу Б. В. Личмана, который не отрицает идеологического и даже политического подтекста в этих моделях. Причину этого он видит в том, что «мировоззрение человека находится под воздействием многих факторов, которые даже учесть невозможно. Одни люди по своим взглядам и характеру, психофизическому типу изменчивы, другие нет» [9]. При этом исследователь призывает к тому, чтобы «изучение истории с разных концептуальных точек зрения было направлено на воспитание толерантности мировоззренческих взглядов на прошлое» [11, 19].

Первый вариант использования парадигмы многоконцептуальности в научных исследованиях предложен в обобщающих работах по отечественной истории, авторы которых А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов попытались применить к объяснению исторического пути России, хода, смысла и направленности российской истории одновременно все четыре выделенные ими объяснительные модели [22, 23]. Методологические позиции данных уральских исследователей заключаются в признании ущербности как одномерного видения особенностей развития российской истории, так и постулирования тезиса о том, что «историй столько же, сколько историков». Выходом из этой коллизии они считают применение мультиконцептуального подхода, «но лишь при условии, что следует осуществить своего рода глубокое погружение внутрь каждой из рассматриваемых концепций, стать (хотя бы на время) их приверженцем и защитником» [23, 28].

Результатом применения мультиконцептуального подхода к изучению истории России данные авторы считают то, что он «позволяет раскрыть основные характеристики российской цивилизации, углубить, систематизировать познание российского социума, устойчивых особенностей его истории, механизмов преемственности и модернизации вне зависимости от общественного строя». По словам А. Т. Тертышного и А. В. Трофимова, «такой взгляд помогает понять российские стратегические (неидеологизированные) национальные интересы, условия оптимальной реализации колоссальных природных, людских, научно-технических возможностей, условия восстановления достойного места нашей страны в мировом сообществе» [22, 571].

Недостатками обобщающих трудов А. Т. Тертышного и А. В. Трофимова по истории России, с нашей точки зрения, следует считать то, что, во-первых, проделав колоссальную работу по историческому анализу (осуществив «своего рода глубокое погружение внутрь каждой из рассматриваемых концепций»), они не подняли свои исследования до уровня исторического синтеза, не попытались выявить «сухой остаток» российской истории, в оценке которого все четыре выделенные ими объяснительные модели сходятся.

Во-вторых, сделанный авторами вывод об итогах применения мультиконцептуального подхода к изучению истории России соответствует параметрам лишь одной из заявленных ими объяснительных моделей — цивилизационной (локально-исторической).

В-третьих, претензии авторов на получение каких-либо «неидеологизированных» выводов противоречат самой сущности исторического исследования, которое обречено отвечать на назревшие запросы общества. Неопровержимым постулатом существования исторической науки в любом обществе является то, что исторические знания являются важной составной частью духовной жизни, которая обусловлена развитием общества. Оно требует от историков создания исторических представлений, соответствующих социальным ожиданиям социума.

Подобный вариант использования парадигмы многоконцептуальности использовал в своих работах начала XXI столетия А. В. Сперанский. Анализ ситуации, сложившейся в российской исторической науке на рубеже XX–XXI вв. в области методологии, привел ученого к выводу, что «на современном этапе развития историческая наука России находится в состоянии мучительного сложного перехода к новому качеству. Его вектор направлен от тоталитарной методологии к подлинному научному плюрализму мнений» [18, 613]. В то же время он констатировал, что «новой универсальной теории, способной сгладить “шероховатости” марксизма и более аргументированно объяснить закономерности и тенденции в истории человечества, в последние 20 лет не сложилось» [19, 55].

А. В. Сперанский, отдав дань парадигме многоконцептуальности [20], вслед за Б. В. Личманом высказался за необходимость «равно уважительного отношения к различным концептуально-методологическим интерпретациям русской истории (при условии, что они зиждутся на солидных, подкрепленных широкой источниковой базой аргументах, а не на сиюминутных псевдоисторических инсинуациях, базирующихся на идейно-политической или коммерческой конъюнктуре» [19, 55].

Оговорка А. В. Сперанского относительно условий «равно уважительного отношения к различным концептуально-методологическим интерпретациям русской истории» очень характерна. Анализ научных трудов А. В. Сперанского показывает, что парадигма многоконцептуальности для него выступает неким фоном, на котором в современной науке разворачивается настоящая борьба объясняющих концепций. В отличие от А. Т. Тертышного и А. В. Трофимова данный ученый в своей научной деятельности из всех имеющихся в российской науке походов к истории отдает приоритет модернизационному подходу, который, по его мнению, все же наилучшим образом позволяет объяснить процессы, происходившие в советской истории.

Хотя А. В. Сперанский вслед за своим учителем В. В. Алексеевым утверждает, что выбор модернизационной версии эволюции человеческого общества в качестве методологической основы его исследований объясняется тем, что она «довольно удачно включает в себя лучшие наработки» двух предшествующих ей интерпретаций, претендовавших на универсальность в объяснении русской истории: формационной и цивилизационной» [21, 14], тем не менее в своей практической научной деятельности данный ученый применяет объясняющую теорию в ее классическом варианте.

Сравним оценки, данные В. В. Алексеевым и А. В. Сперанским советской модели модернизации.

По словам В. В. Алексеева, в советский период «страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом. Другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она носила догоняющий и очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких, как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации» [2, 100].

А. В. Сперанский утверждает, что «социально-политический вектор советской мобилизационной модели модернизации не полностью совпадал с общемировым направлением». По словам ученого, основная причина несовпадения вектора развития советской модели модернизации с общемировым направлением состоит в том, что «российский социум, в силу ряда объективных и субъективных причин, оказался под сильнейшим влиянием тоталитарных структур управления, поэтому в условиях всеобъемлющей политизации и идеологизации жизни, тотального огосударствления собственности невозможно было полноценно решать задачи разделения функциональных ролей индивидов в производстве и политике, дифференциации властей, культурных систем и ценностных ориентаций» [21, 14]. Нетрудно убедиться, что именно трактовка модернизационного подхода к истории, предложенная А. В. Сперанским, гораздо ближе к классическому пониманию теории модернизации.

Второй вариант использования парадигмы многоконцептуальности предложен историографами. В. С. Прядеин еще в середине 1990-х гг. отметил заслугу

Б. В. Личмана в том, что он дал теоретически новое «изложение различных интерпретаций логики исторического развития», что облегчает ведение историографических исследований [14, 74]. Представители «уральской историографической научной школы» [1] с середины 1990-х гг. начали рассматривать многоконцептуальность как основной метод раскрытия особенностей развития современного этапа исторической науки в России. По их мнению, многоконцептуальность в современной российской исторической науке реально существует, но ее наличие проявляется далеко не однолинейно, как это было характерно для исторической науки периода модерна на протяжении XVIII–XX вв. Далеко не все авторы эпохи постмодерна позиционируют свои истинные методологические позиции. Особенно это относится к представителям крайних течений, которые действительно оппонируют друг другу в научных исследованиях. Современные неомарксистские и либеральные авторы предпочитают либо прикрывать свои взгляды «нейтральными», как им кажется, с точки зрения идеологии теориями, либо вообще не заявлять о своих теоретических позициях. Однако, как справедливо отмечал английский исследователь К. Поппер, «эти теории неявно содержатся в... терминологии» [13, 167]. Особенностью проявления парадигмы многоконцептуальности в современной российской историографии является также то, что она существует в условиях отсутствия толерантного отношения к чужому мнению. Это приводит к тому, что оппоненты не пытаются воспринимать аргументы другой стороны, а традиционно навешивают ярлыки, ничего общего с наукой не имеющие.

Для изучения востребованности парадигмы многоконцептуальности современной наукой в 2011 г. в Екатеринбурге была проведена научная конференция под названием «Многоконцептуальность в науке». Анализ прозвучавших выступлений показывает, что в современной науке существует различное понимание феномена многоконцептуальности и возможности ее использования. Представители точных и естественных наук воспринимают многоконцептуальность как естественное состояние научного знания. Математик А. И. Смирнов полагает, что «математика по своей сути является многоконцептуальной», ибо существуют различные подходы к «“философии” математики, и эти подходы, реализующие различное понимание математики, достаточно хорошо разработаны формально» [16, 84].

Совершенно иное отношение к многоконцептуальности высказывают представители гуманитарных наук.

В современной исторической науке в целом доминирует положительное отношение к многоконцептуальности. А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов пишут: «В силу сложности и неоднозначности цивилизационных и социокультурных процессов, происходящих в России, следует признать безусловной заслугой современных исследователей создание такой историографической ситуации, когда наличие плюралистичности подходов, оценок, различных интерпретаций исторического прошлого и настоящего России является нормой, отвечающей потребностям времени» [23, 13]. А. В. Сперанский констатирует: «Анализ имеющихся интерпретаций однозначно показал, что марксизм полностью утратил роль системообразующего начала теоретического осмысления мировой истории

и в ее методологическом поле доминирующим фактором стал концептуальный плюрализм, полностью подавивший монистическое восприятие исторического процесса» [20, 88].

Некоторые авторы видят в многоконцептуальности больше негативного, чем положительного. По словам юриста А. С. Смыкалина, плюрализм мнений в методологии изучения истории права «лишает ее прочной основы и разработки и ставит вопрос о создании частных юридических методик изучения истории права» [17, 84].

По нашему мнению, споры в научном сообществе, тем более на междисциплинарном уровне, могут происходить только вокруг стоящих вещей, вызывающих неподдельный интерес. Нельзя согласиться со взглядом о признании «ситуации многоконцептуальности как временной, преходящей с точки зрения поиска некоей объединяющей макротематики, выявляющей основные тенденции и определяющей факторы исторического пути, пройденного Россией» [23, 24]. Истинная суть парадигмы многоконцептуальности не в этом, а (используя слова академика А. С. Лаппо-Данилевского) в «признании чужой одушевленности», то есть в признании того, что может быть иное мнение, отличное от твоего, и это мнение нужно воспринимать как данность, уважать его и, самое главное, попытаться понять (не путать с термином «принять»). Существование феномена многоконцептуальности в научных исследованиях и есть свидетельство нормального развития науки.

Таким образом, по нашему мнению, из трех основных парадигм, заявляющих свои претензии на возможность разрешения конфликта между реально сосуществующими в современной исторической науке многочисленными объясняющими исторический процесс теориями — объективистской, синтезирующей и многоконцептуальной (толерантной) — приоритет следует отдать последней.

---

1. *Алеврас Н. Н.* Историографические исследования в уральских научных центрах: актуальная проблематика и перспективы коммуникаций историографов в начале XXI века // Урал индустриальный: Бакунин. чтения : Материалы VIII Всерос. науч. конф., 27–28 апр. 2007 г., Екатеринбург : в 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 1.

2. *Алексеев В. В.* Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 2000. № 5–6.

3. *Алексеев В. В.* На перепутье эпох: Воспоминания современника и размышления историка. Екатеринбург, 2013.

4. Введение // Многоконцептуальная история России / под ред. Б. В. Личмана. Екатеринбург, 2000. Кн. 1 : С древнейших времен до конца XIX в.

5. *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.

6. Историография истории России / под ред. А. А. Чернобаева. 2-е изд. М., 2015.

7. *Камынин В. Д.* К вопросу о роли учебника в процессе модернизации преподавания истории // Многоконцептуальность в науке : Материалы международ. науч. конф., посвящен. 65-летию проф. Б. В. Личмана. Екатеринбург, 2011.

8. *Ковальченко И. Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1.

9. *Кузьмин А.* Кого спасет новый «единорог»? // Курган и курганцы. 2011. 7 сент.

10. Курс лекций по истории России с древнейших времен до наших дней / под ред. Б. В. Личмана. Екатеринбург, 1992.

11. *Личман Б. В.* Толерантная история России: Многоконцептуальность. Екатеринбург, 2008.
12. *Медушевская О. М., Румянцева М. Ф.* Методология истории. М., 1997.
13. *Поппер К.* Нищета историцизма : пер. с англ. М., 1993.
14. *Прядеин В. С.* Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания, методы исследования (историографический анализ). Екатеринбург, 1995.
15. Русская историография XI — начала XXI века / под ред. А. А. Чернобаева. М., 2010.
16. *Смирнов А. И.* О многоконцептуальности в математике // Многоконцептуальность в науке. Екатеринбург, 2011. С. 84.
17. *Смыкалин А. С.* Новые концептуальные подходы в изучении права в современной историко-правовой науке // Там же.
18. *Сперанский А. В.* Россия и исторический процесс: концептуально-методологические интерпретации // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008.
19. *Сперанский А. В.* История России в контексте концептуального осмысления // Актуальные проблемы юридической и исторической науки. Екатеринбург, 2012.
20. *Сперанский А. В.* Многоконцептуальная история и марксизм: проблемы теоретического осмысления // Многоконцептуальность в науке.
21. *Сперанский А. В.* На войне как на войне...: Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург, 2012.
22. *Тертышный А. Т., Трофимов А. В.* Российская история: модели измерения и объяснения. Екатеринбург, 2005.
23. *Тертышный А. Т., Трофимов А. В.* Россия: образы прошлого и смыслы настоящего. Екатеринбург, 2012.

Рукопись поступила в редакцию 23 декабря 2015 г.

УДК 001.8 + 001.9 + 37.014.3

И. И. Замощанский
А. М. Конашкова
И. В. Красавин
О. А. Пырьянова

НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: УЧЕНЫЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена современным социально-коммуникативным практикам в научном сообществе. Обосновывается необходимость актуализации научных коммуникаций с точки зрения специфики современной социальности. Приводятся коммуникативные характеристики современного научного сообщества. Роль и значение научных коммуникаций раскрывается в связи с обсуждением нового подхода к подготовке научно-педагогических кадров высшей квалификации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: научная коммуникация, научное сообщество, научное знание, научная публикация, научный дискурс, коммуникативные стратегии, коммерциализация образования.

Подавляющая часть изменений в сфере научного знания происходит в XIX–XX вв. Наука развивается все быстрее и быстрее, ее развитие происходит по экспоненциальной кривой. Причиной этого стало формирование науки как социального института. Во-первых, за последние 150–200 лет количество людей, занимающихся наукой, выросло, по оценкам некоторых исследователей, в пять тысяч раз. Если в начале XX в. их было несколько тысяч человек, то сейчас — несколько миллионов. Во-вторых, наука становится одним из условий успешного развития государства, заниматься наукой прибыльно и престижно. Это делает ее привлекательной в глазах молодых ученых, которые все чаще выбирают научную карьеру в качестве профессиональной сферы деятельности. В-третьих, происходит интенсивное развитие научно-технологической базы науки, усовершенствование научного оборудования, служащего для получения новой научной информации.

Кроме количественных показателей данный этап развития науки характеризуется и качественными содержательными и методологическими изменениями. До Второй мировой войны научное сообщество было интернационализировано, большинство ученых разных стран знали коллег по своей специализации. Кроме того, их карьера требовала большей языковой подготовки, большинство ученых знали по нескольку языков, иначе невозможно было читать работы на иностранных языках и стажироваться в университетах. Ситуация стала меняться с появлением массового общества, когда возросло количество студентов, ученых, появились крупные промышленные предприятия, работникам которых требовалось знание все более сложных технологий, а науки содержательно усложнялись и специализировались. Это привело к формированию крупных национальных научных сообществ, связанных с местной промышленностью, образованием и публичной сферой. В таких, во многом самодостаточных, сообществах лишь малая часть ученых поддерживала постоянные контакты с иностранными коллегами, узнавая о них заочно и с опозданием. Особенно ярко это проявилось в закрытых обществах, таких как СССР, где контакты с внешним миром были практически сведены к минимуму.

В начале XX в. наука становится не просто интернациональной, т. е. поддерживающей контакты между учеными разных стран, но и глобальной. Основой глобализации науки становится всеобщность знания. Глобализация предполагает, что плодами труда ученого могут воспользоваться коллеги и представители других сфер деятельности (коммерческие компании, общественные активисты, чиновники) по всему миру. Резко выросло влияние английского языка как инструмента международного общения. Стали развиваться различные формы международного научного сотрудничества, появляются первые международные исследовательские лаборатории, что нашло свое отражение в резком росте числа научных публикаций. Особо следует отметить повышение темпов роста мировой торговли наукоемкими товарами.

Другое проявление глобализации — глобализация высшего образования. В последнее время в развитии высшего образования в целом наметился ряд определенных тенденций. Во-первых, количественный рост числа студентов, высшее образование приобретает массовый характер (к примеру, за последние 50 лет количество студентов выросло с 13 млн до 100). Во-вторых, возрастают требования, предъявляемые к выпускникам высших учебных заведений, прежде всего к уровню владения иностранными языками и новыми информационными технологиями, качеству профессиональных знаний. Все это ведет к обострению конкуренции между учеными, научными организациями за внимание коллег и возможных потребителей знания и технологий. Кроме того, несмотря на отсутствие прорывов в фундаментальной науке, прикладные дисциплины и технологии все более усложняются, происходит одновременный рост специализированных и междисциплинарных исследований. В научном сообществе необходимой становится коммуникация с коллегами, без которой невозможными оказываются как привлечение внимания к своим работам, так и в принципе проведение исследований и разработок.

Наиболее важными условиями научной глобализации, вынудившей национальные научные сообщества интенсифицировать взаимное общение друг с другом, стали постиндустриализм и коммерциализация науки. Настоящее время принято называть временем постиндустриального, информационного общества, в котором особая роль принадлежит сфере науки и образования. Мы опустим в этой статье многочисленные споры, ведущиеся относительно уместности этого термина применительно к современному состоянию общества. Лишь отметим, что развитие науки в XX столетии обретает очертания мирового информационного процесса. Относительное сокращение массовых рабочих профессий, непосредственно связанных с физическим трудом, при увеличении необходимой подготовки сделало индустриальный труд интеллектуальным. Рабочий становится оператором оборудования, которое выполняет большую часть всей работы. В обозримой перспективе труд будет максимально автоматизирован и роботизирован, хотя вряд ли ручной труд будет полностью вытеснен, по крайней мере до тех пор, пока есть страны с дешевым трудом.

Другим аспектом постиндустриализма стало увеличение числа менеджеров, т. е. служащих, изначально ориентированных на интеллектуальную подготовку, которая также увеличилась и стала, по сути, пожизненной. До этого пожизненное обучение отличало только науку. Соответственно научная составляющая и в подготовке специалистов, и в управлении, и в производстве растет. Если ранее символом синтеза науки и производства было машиностроение, то теперь таким символом стала транснациональная публичная корпорация Google, которая, несмотря на осуществляемую ею внушительную исследовательскую деятельность, является крупнейшим рекламным агентством. Наука, как отмечал создатель теории постиндустриального общества Д. Белл, становится одним из основных инструментов производства, а университеты, в свою очередь, все больше управляются по аналогии с предприятием.

Современное общество — это общество глобальных коммуникаций. Коммуникационная составляющая повседневности не подвергается сомнению. Каждый человек сегодня существует через сеть социальных взаимодействий и включен в самые разнообразные информационные потоки, связанные с хранением и переработкой информации. Происходящая в настоящее время глобальная трансформация индустриального общества в информационное требует качественно нового переосмысления коммуникативной природы социальной реальности. Коммуникативные практики обуславливают практически все проявления индивида: достижение успеха, самореализацию, осуществление профессиональной и научной деятельности. Учитывая глубину и масштаб технологических и социальных последствий компьютеризации и информатизации различных сфер общественной жизни и экономической деятельности, можно заключить, что коммуникация становится инструментом влияния практически на любую ситуацию. Современная социальная реальность — это сеть коммуникаций, в которой человек занимает определенное место, становясь участником информационного обмена.

Научные коммуникации, будучи формой социальной коммуникации, обладают определенной прагматикой и вписаны в конкретный контекст. Вопрос

о прагматиках научной коммуникации открыт: будучи описанной, прагматика научной коммуникации реализует себя непосредственно в опыте общения ученых, для которого ни одно описание не становится универсальным, несмотря на предзаданность контекста сферой науки. Для научной коммуникации важно понимание целого ряда вопросов, связанных с субъектом, адресатом и, главное, с их взаимодействием в акте коммуникации. С одной стороны, прагматический дискурс предполагает возможность моделирования научной коммуникации, которое реконструирует ситуативный дискурс исходя из посылки о существовании некоторого точечного субъекта. С другой стороны, прагматика научной коммуникации как таковая задает реальность общения. В пределах реальной коммуникативной ситуации субъект становится не некоторой методологической предпосылкой, пребывающей а priori на метанарративном уровне, а интерпретатором, который поневоле является и методологом самому себе.

Историческая предопределенность у такого субъекта не определена дискурсом исторической науки: в прагматике научной коммуникации у субъекта своя собственная история, индивидуальное становление как ученого, где метанарративом может оказаться список пропущенных лекций. Соответственно прогнозирование будущего оказывается под сомнением. Даже компульсивный тоталитарный дискурс диссертационных советов не создал реальной проекции будущего: в пике ему доминантной становится рыночная толерантная модель, где современный ученый включается в проектные практики, извлекая из своего научного опыта все новые и новые пласты смыслов. Одномерные прагматические дискурсы, лишенные, казалось бы, прошлого, бытующие на поверхности смысла, также не создают прогноза, трансцендирующего строго определенную реальность.

Типичный такой поверхностный одномерный дискурс — заседание кафедры (настолько необходимый, насколько и изживший себя атавизм современной университетской культуры). Властная фигура всякий раз означает ситуацию легитимации собственного присутствия здесь и сейчас. Довлеющая коммуникативная модель направлена на расширение поля желающих выполнять бесплатную и временами бессмысленную работу. Но данный дискурс не всегда осуществим, гарантии, что будет воплощено безмолвное подчинение, — нет. Каждый ученый обладает инструментарием для декодирования такого рода посланий, но, как ни парадоксально, большинство им не пользуется.

Повседневность, в том числе повседневность ученого, наделена иллюзорной простотой, которая старательно скрывается им самим, поскольку он все-таки стремится избежать обесценивания своего образа жизни, абсолютизовав свой путь и свой выбор. Данное стремление выражается в разговоре, коммуникативное оправдание связывает людей, придавая абсолютную значимость миру без сложностей, проблем и неопределенности. Язык науки старательно стремится к простоте и опрощению, лишь профессиональный дискурс все еще противится данному процессу.

Всякое действие в рамках университетской или научной культуры ставит нас в определенное отношение к языку. В современной коммерциализированной реальности, где пребывает по преимуществу в том числе и ученый, несмотря

на ореол научного снобизма, господствует ценностно-рациональное действие (по типологии М. Вебера). Этому действию соответствует прагматическое отношение к языку. Язык в пределах коммерческой культуры служебен. Но это лишь иллюзия, вызванная присущим языку оборотничеством. Прагматическое использование языка подразумевает трансгрессию выражения как его функции. Обыденное использование языка допускает невозможное с точки зрения классической теории семиотики. Чистая прагматика обыденности отказывается от уровней символического: вещь означает то, как она используется, наука превращается в набор показателей и рейтингов, без обращения к содержанию. Эта же инверсия происходит с символическими связями в выражении: они недопустимы, поскольку их цель — развитие языка и поддержание его культурно-исторической предыстории, а не указание на вещь.

Если имя символично, то такая его трансгрессия способна превратить символ в вещь. Так, однажды сформулированный тезис (не всегда авторский) переносится из статьи в статью, звучит из года в год на конференциях, а квазиученый лишь меняет слова местами, чтобы сохранить лицо пред всевидящим оком Антиплагиата. Прагматическое использование языка лишает его жизни в выражении: символ омертвлен в вещи, научная коммуникация обесценена, наука — звук, не более. Вещь, поскольку ограничена утилитарными качествами, для случайных людей в науке не связана с символическим содержанием культуры. Вещь коммуникативна, будучи служебной, она задает отношение человека к миру, создавая связи модусов бытия. Однако в мире Ман, которое представляет собой, выражаясь на языке М. Хайдеггера, некое безликое «людство», чье мнение приписывает образ мышления и существования индивидам, такая полисмысловая коммуникация часто не воспринимается квазиученым, обращающим смысл бытия в пустоту, ничто.

Когда из идеи невозможно извлечь пользу, она навсегда оказывается за пределами сознания человека, разрывая коммуникативное пространство науки. Язык подвергается утилизации: смыслом и ценностью наделяются лишь те идеи, которые понятны и пригодны для дальнейшего использования. Хайдеггер считает вещь нередуцируемой к одной-единственной функции, но в мире Ман происходит столкновение с универсальным редукционизмом, опрошением научного знания в точке тотального потребления, где наука исчезает, обращаясь в пустоту.

Для М. Хайдеггера мир не завершен, обращение бытия в пустоту не есть неизбежность: «в результате произведения процедур экзистенциальной аналитики Хайдеггеру удастся отчетливо показать, что в условиях повседневности человек сам себя превращает в объект, отделяющий Dasein от Бытия» [7, 14]. Границы подлинного и неподлинного о-пределены экзистенцией, обращенной к поиску истины, но само такое обращение не обесценивает неподлинное бытие: «подлинность и неподлинность суть *равноправные* конститuentы существования вот-бытия, выполняющие свою конститутивную функцию в каждый его момент, так что, к примеру, “преодоление” неподлинности невозможно, да и сама постановка такой задачи была бы бессмысленной (стало быть, опять же неподлинной); подлинность бытия есть не *отсутствие* неподлинности, но *понимание* вот-бытием своего бытия

в качестве *выбора* между этими полярными модусами, которые суть *его собственные возможности*. Равным образом и наоборот: неподлинность есть не *отсутствие* подлинности, но только *забвение* вот-бытием этого выбора» [1, 14].

Подлинное и неподлинное суть отношения, пересекающиеся в вещном мире, в мире научных коммуникаций, которые так близки и временами парадоксально далеки от истины, диалог между ними способен пробудить интенции экзистенции. Так или иначе, неподлинное есть неизбежность модуса *настоящего*, организующего повседневность научного бытия и строго феномены, ее образующие, — потребление, деньги, информацию, потому научная коммуникация в настоящем неизбежно включает в себя неподлинное (субстанционально и феноменально): «В информационную эпоху свобода коммуникации заключена прежде всего в необходимости передачи самих средств коммуникации, так сказать, “из рук власти во власть рук”, то есть передачи инициативы, возможности принятия жизненно важных решений из органов администрирования, государственного, партийного и т. п. управления в руки конкретных социальных субъектов — субъектов коммуникации, того, что Ю. Хабермас называет “коммуникативным разумом”» [9, 29]. Так, с помощью научной коммуникации современный ученый может самостоятельно конституировать мир науки, возвращая смысловую реальность своему призванию и профессии, диалектически связывая осколки подлинно научного знания.

Эта метаморфоза указывает еще на одно условие научной глобализации, а именно ее коммерциализацию — оценивание научных исследований по их финансовой эффективности наряду с полезностью (для прикладных) и истинностью (для фундаментальных). Рост влияния финансов на науку прямо связан с неспособностью государства финансировать обучение и исследования во всех научных отраслях. В связи с этим к науке и ученым предъявляются рыночные критерии эффективности. Данное событие является частью такой, более обширной современной тенденции, как финансиализация экономики и государства, которая началась в 1970-е гг. и продолжается до сих пор. Теперь университеты и научные подразделения конкурируют между собой и с коммерческими предприятиями за прибыль либо их работа направлена на увеличение прибылей компаний и государства. Многие крупные компании уже давно имеют исследовательские подразделения, лаборатории и даже собственные университеты. Университеты и академии теперь играют схожую роль, поставляя продукцию в интересах своих потребителей, а не с целью познания как такового.

Это ведет к сокращению фундаментальных и некоммерциализируемых исследований вместе с их исследователями. Рыночный фактор в науке является причиной относительной примитивизации исследований, нацеленных на краткосрочные задачи и текущие потребности индустрии и управления. Именно масштабируемость научных результатов в рамках коммерческого использования определяет, будет оно поддержано или нет. В условиях рыночной среды каждый научный институт или университет вынужден в той или иной степени развивать для себя новое направление — коммерциализацию полученных результатов, трансформировать научно-исследовательские и научно-технические разработки в инновационный продукт. Задачей ученых становится не только проведение

исследований как таковых и обучение студентов, но и привлечение финансирования, т. е. перевод исследования на самоокупаемость.

К сожалению, большинство руководителей российских научных коллективов имеют слабое представление о процессах коммерциализации научных результатов, у них нет опыта технологического предпринимательства. В связи со всем вышесказанным научный поиск зачастую концентрируется вокруг краткосрочных задач. Лишь немногие университеты могут позволить себе проведение дорогостоящих исследований, хотя эта проблема решается за счет сотрудничества университетов и создания консорциумов для совместного пользования ресурсами. Та же судьба постигла процесс обучения, поскольку образование все больше начинает рассматриваться как услуга, доступная, понятная, которая оценивается потребителем — студентом — с точки зрения ее инвестиционной эффективности. Если таковой нет, то критерием успеха учебного курса становится его интеллектуальная доступность, что не предполагает глубокого погружения в предмет и разносторонней эрудиции.

Также стоит сказать о ситуации, сложившейся в сфере научных публикаций. Количественный рост ученых и публикаций вызвал потребность в учете работ и активности их авторов. Интерес к измерению и интерпретации различных данных, относящихся к функционированию науки, проявляется во второй половине XX в. и связан с появлением научной статистики. Обслуживание наукой интересов коммерческих компаний ведет к тому, что научные публикации, единственными потребителями которых являются другие ученые, распространяются как специализированные рыночные товары. Очень емкую аналогию предложил А. В. Цыганов: «...когда зритель приходит в музей или картинную галерею, то он оценивает достоинства той или иной картины по очень простому принципу: она ему либо нравится, либо нет. При этом зрителю нет никакого дела до мнения профессиональных искусствоведов или физического состояния картины. Однако когда тот же зритель становится покупателем, то он заказывает полную экспертизу картины...» [10, 248]. Так и в науке: кроме субъективного мнения профессиональных экспертов необходимы и объективные показатели. Появились научные журналы, которые в первую очередь являются коммерческими, базы данных, формируемые на основе содержания публикации, и наукометрические системы, которые измеряют количество статей и цитат.

Одна из наиболее известных наукометрических платформ — Web of Science — содержит 13 баз данных, в основном по медицине, биологии, психологии, экономике, физике, астрономии. Владеющая им корпорация Thomson Reuters является информационным агентством, которая предоставляет платный доступ к научной информации. Другая модель используется издательством Elsevier, которому принадлежит база данных Scopus, а также издательствами Springer и Wiley. Все они являются монополистами научного издательского рынка. Благодаря им стоимость подписки на научные журналы взлетела до небес, поскольку их наиболее платежеспособной аудиторией являются исследовательские подразделения корпораций.

Данные процессы совпали со стремлением университетов и министерств образования вести более строгий учет публикационной активности авторов

и востребованности их работ. Каждый год в наукометрии разрабатываются несколько десятков различных показателей. Научные журналы сами стали стремиться попасть в базы данных, что во многих университетах привело к увлечению индексами цитирования и импакт-факторами журналов. Подавляющая часть журналов издается на английском языке, и основные наукометрические базы анализируют, как правило, хотя и не всегда, англоязычные материалы. Таким образом, издания из неанглоязычных стран, если они претендуют на внимание со стороны ученых по всему миру, должны публиковать тексты на английском языке, стремиться попасть в международные базы данных.

Высокая стоимость подписки на журналы издателей-монополистов вызвала обратную реакцию в виде отказа от подписки и публикаций со стороны ряда университетов и библиотек. Важным вопросом остаются авторские права, которые переходят к издательствам, и ученые теряют контроль за распространением своих работ. Возникло неформальное общественное движение Open Access, которое продвигает бесплатные журналы и публикации. Крупнейшие издательства, в особенности Elsevier, подверглись критике за сверхвысокие доходы (примерная прибыль Elsevier составляет 500 млн долларов в год), получаемые за счет труда, который в основе своей направлен не на прибыль, а на познание. Кроме того, развитие социальных интернет-сетей вызвало к жизни аналогичные сети в академической среде: ResearchGate и Academia.edu, которые позволяют публиковать работы и поддерживать контакты среди авторов. Предоставляя бесплатный доступ к информации для авторов, эти ресурсы нацелены на извлечение дохода из неакадемических потребителей, являясь банками данных для компаний.

Очевидно, что глобализация научного сообщества имеет преимущественно экономический, точнее, коммерческий характер. Сращивание коммерческого и научного секторов вызывает заметное отторжение со стороны ученых, ставших «пролетариями» интеллектуального труда. Однако вместе с негативными чертами изменения в современных институтах научного сообщества имеют и положительные качества. Многие недостатки, присущие научной глобализации, являются обратной стороной ее достоинств. В первую очередь это касается объективного процесса омассовления образования и науки, в который вовлекается все больше людей. В долгосрочном периоде это, безусловно, будет иметь положительное воздействие и на общество, и на науку. Интенсивные международные контакты помогают взаимопроникновению национальных научных сообществ. Глобализация поддержала рост междисциплинарных связей, который является повсеместным и затрагивает не только науку, но также управление и производство. Природный и искусственные миры сращиваются и создают множество новых объектов человеческой деятельности.

Поскольку коммерциализация неразрывно связана с инновационной деятельностью, очевидной становится необходимость создания стратегического партнерства науки, высшей школы с производством и бизнесом, которое включало бы в себя качественную подготовку квалифицированных инженерных кадров, способных решать актуальные задачи современного производства на высоком профессиональном уровне. Отсутствие должных связей между наукой, образованием

и практикой, как справедливо отмечает А. А. Владыкин [2, 219–220], не только негативно сказывается на развитии научных школ, но и существенно снижает производство исследовательских кадров, ведет к сокращению интеллектуального потенциала высшей школы, приводя к дефицитности фонда новых идей и исследовательских разработок. Речь идет о необходимости расширения таких составляющих успешной деятельности ученого, как взаимосвязь системы образования и сферы производства, умение создавать коммерчески привлекательный продукт и представлять его. Основные шаги к достижению поставленных задач, на наш взгляд, лежат в плоскости развития и дальнейшего усовершенствования научных коммуникаций.

Специфика научных коммуникаций всегда была тесно связана с духовной культурой, с производством такой информации, которая имеет непреходящее значение и является совокупностью позитивного социального опыта, инкорпорированного в научные теории парадигмального значения. Сегодня научные коммуникации развиваются в двух основных направлениях, определяющих специфику проявления современного ученого. Это формальные и неформальные коммуникации, которые внутри собственного осуществления реализуются в двух типах стратегии, а именно линейной модели коммуникации (доведение сообщения до адресата) и деятельностной модели коммуникации (общение как взаимодействие субъектов) [3, 128–134].

Современные ученые встроены в линейные виды научных коммуникаций, которые представляют собой совокупность научных изданий, электронных журналов и других видов научно-исследовательской литературы [6]. Современный ученый постоянно осуществляет непосредственные социальные взаимодействия, которые еще в большей степени закрепляют за ним статус ученого: очные научные дискуссии, личные беседы, научные доклады и научные семинары и конференции [5, 72–85].

Для осуществления своей социальной миссии современный ученый должен выходить в сферу публичности. Воспроизводство определенных форм духовных и исследовательских практик требует активного участия ученого в современном социальном конструировании. Это не означает, что он должен стать сугубо медийной фигурой и использовать все возможные социальные лифты. Речь идет о том, что коммуникационная активность современного ученого способствует его развитию и оказанию влияния на социальную среду.

Какие коммуникационные компетенции необходимы современному ученому? Это навыки, которые в современной бизнес-культуре называют *softskills* (от англ. «мягкие навыки»). Это совокупность компетенций, позволяющих человеку выйти на прямой контакт с теми людьми, от которых зависит реализация того или иного научного проекта. В отличие от *hardskills* (от англ. «жесткие навыки»), которые включают в себя профессиональные знания и умения, *softskills* предполагают именно социальное поведение субъекта, его умение не только создать научный продукт, но и способствовать его продвижению на научный рынок, внедрению в социальную или технологическую практику.

Без сомнения, в первую очередь современному ученому необходима определенная мировоззренческая установка, в которой присутствует стремление

к познанию и созданию новых форм проявления социальной энергии. Проактивная жизненная позиция свидетельствует о готовности человека к преодолению стереотипных форм общественного сознания. Современный ученый должен бороться со всеми формами манипулятивной информации. Понятие «проактивность» было введено В. Франком в книге «Человек в поисках смысла» и во многом отсылает к концепции Ф. Ницше. Проактивный тип человека в этих концепциях противопоставляется реактивному. Реактивные люди — это люди, действия которых продиктованы автоматической реакцией на внешние обстоятельства, конформисты, испытывающие отсутствие внутренней самомотивации к развитию и социальной деятельности. Проактивные люди — это те, кто старается минимизировать влияние внешних факторов на достижение поставленных целей. Проактивность как жизненная позиция в деятельности ученого должна оказывать влияние на осуществление им самого предназначения ученого, проектирование собственной научной карьеры, осуществление научной деятельности с точки зрения ценностей, выработки жизненной миссии. Проактивность в деятельности ученого принимает вид реализации его духовной миссии в качестве просвещения, создания гуманитарных и социальных проектов, призванных менять отношение людей к определенным социальным явлениям.

В современном обществе возрастает потребность в ученых и инженерах, обладающих развитым эвристическим мышлением. Навыки эвристического мышления необходимы любому специалисту, связанному с интеллектуальным трудом. Эвристика — это особый путь познания, который ведет к глубинному осмыслению происходящего. Так, например, исследуя особенности мышления в современную эпоху, М. Хайдеггер выделяет два типа мышления [8]: первое — это «вычисляющее мышление» (калькулирующее мышление), которое выискивает новые, все более многообещающие и выгодные возможности; и второе — «понимающее мышление» (осмысляющее раздумье), направленное на поиск смысла во всем, что есть, оно имеет дело с обдумыванием, определением, конструированием. Вычисляющее мышление во многом основано на развитии определенного стереотипа мышления, важной характеристикой которого являются следование определенной логике, автоматизм. Во многом рассуждения М. Хайдеггера перекликаются с рассмотренными выше реактивной и проактивной жизненными позициями, где «вычисляющее мышление» соотносимо с реактивным, а «понимающее мышление» — с проактивным мышлением.

Установка на проактивность предполагает развитие коммуникационных навыков, ораторского мастерства, т. е. умения ученого увлекательно изложить суть интересующей его научной проблемы. Ораторское мастерство исконно относилось к одним из ключевых качеств образованного человека. В случае ученого ораторское мастерство предполагает личную вовлеченность человека в тот предмет, о котором он рассказывает. В таком виде изложение лекции, работа на семинаре обретают вид настоящих духовных практик в духе античной концепции «заботы о самом себе». Развитие педагогических навыков современного ученого, которые в избытке содержатся во всех исторических модификациях становления философского знания, становится актуальным в современных научных коммуникациях. В современном

обществе возрастает потребность в ученых, обладающих развитым творческим воображением, эвристическим мышлением. Навыки эвристического мышления необходимы любому специалисту, связанному с интеллектуальным трудом.

Французский математик Ж. Дьедонне писал: «Логика — это необходимый и скучный инструмент... ею надо уметь должным образом владеть, так как она позволяет следить за доказательством и проверять его... но не изобретать!» [4]. Современный специалист вынужден принимать решения в условиях неопределенности, не довольствуясь набором готовых шаблонных решений. Ведущую роль в деятельности специалиста начинает играть понимание как способ опережающей организации знания, основанный на осмысленности целостности всей человеческой деятельности. Эвристичность данного процесса, связанная с завоеванием новых содержательных плоскостей, очевидна. Современные научные коммуникации должны стать инвариантом тех социальных практик, которые во многом восходят к античным философским школам.

Исходя из перечисленных факторов развития современного общества, его основных тенденций и опасностей, особую значимость приобретают гуманитарные технологии, которые позволяют научиться ориентироваться в сложных и неопределенных ситуациях: понимание непредопределенности будущего, понимание устойчивости социальных стереотипов, умение работать с установками людей и изменять их сознание, умение управлять командой в отношении нацеленности на результат, умение преодолевать себя, умение преодолевать хаотические проявления в социальной жизни и психологии людей. Очевидно, что новые коммуникативные технологии, которые привносит процесс глобализации в сферу научных исследований и в сферу образования, обеспечивают процессы интернализации науки, среди которых особо можно отметить создание единой системы высшего образования, интегрированных учебных курсов, интеграцию исследователей в международное научное пространство и поддержку высокого уровня исследований, сотрудничество университетов, привлечение иностранных студентов и профессоров, сотрудничество науки и образования с производственной сферой. Есть и очевидные недостатки, которые требуют своего осмысления, — падение среднего уровня исследований, увлеченность формальными наукометрическими показателями, низкий уровень финансирования исследовательской деятельности, дифференциация наук по отраслям.

---

1. *Борисов Е.* Диалог как судьба. Со-бытие с Другим в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера // *Філософські дослідження*. Вип. 4. Луганськ, 2003.

2. *Владыкин А. А.* Коммерциализация научных разработок как результат инновационной деятельности и способ дополнительного финансирования высшего учебного заведения // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 4.

3. *Дуденкова Т. А.* Формальное и неформальное в научной коммуникации // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского*. Сер. Социальные науки. 2010. № 3 (19).

4. *Дьедонне Ж.* Абстракция и математическая интуиция // *Математики о математике*. М., 1982 [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000674/index.shtml> (дата обращения: 10.10.2015).

5. Емельянова Н. Н. Научные коммуникации: к проблеме демаркации границ публичности // Философская мысль. 2014. № 11.
6. Решетникова Е. В. Научные коммуникации: эволюция форм, принципов организации [Электронный ресурс]. URL: <https://sibsutis.ru/upload/publications/9b3/uxofvfwfphpyfwz%20nlcieceuzqkvzohdcsxzhcvdi.pdf> (дата обращения: 10.10.2015).
7. Суханцева В. К. Хайдеггер: к онтологии обыденности // Філософські дослідження. Вип. 4. Луганськ, 2003.
8. Хайдеггер М. Отрешенность [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 10.10.2015).
9. Харламов А. В. Социальное отчуждение и социальная коммуникация (коллизии и противоречия духовной культуры) // Общество и коммуникация. Новосибирск, 2003.
10. Цыганов А. В. Краткое описание наукометрических показателей, основанных на цитируемости // Управление большими системами : сб. тр. Вып. 44 «Наукометрия и экспертиза в управлении наукой». 2013.

Рукопись поступила в редакцию 15 октября 2015 г.

УДК 316.7 + 355.11:377 + 355.34

**З. Х.-М. Саралиева
Л. Н. Захарова
В. Ю. Власкин**

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

Анализируются ограничения и возможности срочной службы для профессионального самоопределения военнослужащих. Эмпирически проверена гипотеза о наличии возможностей и ограничений в развитии ценностной регуляции процесса профессионального самоопределения в условиях срочной службы. Выявлено, что 90 % военнослужащих срочной службы связывают свою будущую профессиональную деятельность с гражданской сферой, но практически третья часть их не имеет конкретной профессиональной ориентации. Большая часть военнослужащих (80 %) ориентирована на типы организационной культуры, основывающиеся на ценностях отношений и иерархии, что не соответствует инновационно-рыночному вектору развития современных предприятий. Предложены рекомендации по оптимизации процесса профориентации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военнослужащие срочной службы; профессиональная ориентация, профессиональное самоопределение; современное предприятие, рынок труда, организационные ценности; организационная культура.

Профессиональное самоопределение, или принятие решения о том, какую профессию выбрать, где работать, имеющее в своей основе готовность самостоятельно и осознанно делать ответственные жизненные и профессиональные

выборы [12], — одна из ключевых задач для человека. Ее решение представляет собой практически непрерывный процесс, который может и не иметь своего завершения. По своей значимости профессиональное самоопределение можно отнести к числу системообразующих факторов социализационного процесса, поскольку профессиональный выбор или его изменение, освоение профессии и самореализация в ней придают определенную направленность социализационной траектории [10].

Первичное профессиональное самоопределение обычно происходит к моменту окончания школы на основе информированности о профессиях, их востребованности, престижности, а также сформированности ценностей, осознания своих интересов, возможностей, структуры профессиональных мотивов и их соответствия требованиям известных профессиональных деятельностей. Как справедливо отмечает А. В. Меренков, это процесс, определяемый не только личными интересами выпускников, но и потребностями семьи, учреждений специального среднего и высшего образования, предприятий, организаций, государства в целом. Насколько распределение по профессиям будет соответствовать потребностям в кадрах предприятий крупного, среднего, малого бизнеса, муниципальных учреждений, зависит от содержания выбора нынешних выпускников школ [13, 107]. Затем, возможно, человек не раз вернется к проблеме профессионального самоопределения на разных этапах своего жизненного пути. Непрерывность процесса профессионального самоопределения в реальной жизни обеспечивается далеко не всегда. Пунктом, прерывающим процесс профессионального самоопределения, является призыв молодых людей на срочную службу.

Президент РФ регулярно обращается к проблеме превращения службы в армии из повинности в привилегию и необходимости выполнения армией функции социального лифта. Однако в глазах потенциальных военнослужащих срочной службы и их семей служба в армии не является позитивным условием дальнейшей успешной жизни [15, 16]. Следовательно, они не видят в армии возможностей для совершенствования своего жизненного пути, это придает проблеме профессионального самоопределения и профессионализации в армии особую остроту. Известные отечественные исследователи проблем молодежи Ю. Р. Вишневский и В. Т. Шапко акцентируют внимание социологов на том, что нужно изучать, насколько данная социокультурная среда, данный социальный институт способствуют (или препятствуют) саморазвитию, самореализации каждого молодого человека [3, 17]. Это прямо относится к армии как к социальному институту и профессиональному самоопределению молодого человека.

Более того, функция армии как социального лифта важна не только для молодых людей, которые связывают свою будущую профессиональную жизнь с армией. Нельзя забывать и о тех юношах, которые предполагают вернуться к гражданской жизни и работать в гражданском секторе экономики. Вопрос о том, какую поддержку в сфере профессионального самоопределения оказывает и может оказать им служба в армии, особенно в сложной современной ситуации, сложившейся на рынке труда, является значимым как для каждого отдельного военнослужащего срочной службы, так и для общества в целом.

Профессиональное самоопределение в условиях срочной военной службы как психологическая и социальная проблема

Возраст призыва на военную службу характеризуется тем, что молодой человек переживает два кризиса развития [25, 27]. В период первого кризиса он колеблется между положительным полюсом идентификации «я» и отрицательным полюсом путаницы ролей. Значимое место занимает перспективная профессиональная идентификация. Второй кризис связан с колебаниями между полюсами социальной интеграции и изоляционизма. Преодоление кризисов предполагает развитие целого комплекса социальных, эмоциональных, когнитивных, поведенческих и моральных компетенций; позитивной идентичности; представлений о будущем, центральным моментом которого является профессиональное самоопределение; выработку просоциальных установок [31, 102]. Именно в этот сложный кризисный период молодые люди попадают в третий кризис личностного становления — в условия срочной воинской службы. Как результат — возникает существенное противоречие между сложившимися установками, требующими своей реализации, и необходимостью прервать, отложить наметившиеся векторы личностного и профессионального развития с риском того, что они никогда уже не будут реализованы.

В исследовании московских призывников показано, что практически все они уже имели первичный опыт профессионализации, в основном по рабочим специальностям. Боязнь растратить ресурс и потенциал личности, снижение шансов найти хорошую работу после службы делают выраженность настроения на прохождение службы крайне слабой. Многие (43 %) признают позитивной возможность получения в армии специальности, но у них отсутствует определенность перспектив, поскольку в армии сохраняется узкий характер специальной подготовки и нет обучения интересным и необходимым сейчас специальностям [9].

Трансформации профессионального самоопределения в армии определяются спецификой условий военной службы. В ходе армейской социализации новичком должны быть достигнуты ролевая определенность и принятие новым социумом [23]. Результатом становится высокая эффективность, удовлетворенность новым занятием, организационная приверженность, устойчивое желание остаться в организации [24, 99; 21, 707–708]. Однако срочная служба является только определенным этапом в жизни молодого человека, и только часть военнослужащих выбирает себе воинскую службу в качестве профессии.

Следовательно, имеет место еще одно противоречие — между формируемой приверженностью армии и временной ограниченностью пребывания в ней. То, что хорошо для военных образовательных учреждений, дающих военную профессию добровольно избравшим ее молодым людям, не в полной мере адекватно для военнослужащих срочной службы.

Как показали исследования становления личности в условиях военной службы, в условиях императивности норм и предельно формализованной статусно-ролевой структуры на личностном уровне возникает существенное, третье, противоречие — между ориентационными конструктами личности, которые необходимы в гражданском обществе, и конструктами военизированных организаций [2, 26].

Не случайно военнослужащие, оставившие армейскую службу, испытывают значительные трудности профессиональной адаптации. Им сложно включиться в новый мир той свободы, которой они не обладали в течение значительного времени своей профессиональной деятельности [1, 2, 14]. Если офицеры, уволенные в запас, сами испытывают трудности ориентации и поведения на современном рынке труда, то как наставники военнослужащих срочной службы они закономерно не могут оказать им полноценную поддержку в этих вопросах.

Профессиональное самоопределение молодых людей закономерно строится на их ценностях, которые являются предикторами поведения [7, 28, 29], определяют поиск и принятие-непринятие тех или иных профессий и сфер трудовой занятости. Социологические исследования последних лет (2000–2014) раскрывают ценностные ориентации современных молодых людей. Все более последовательно в молодежной среде проявляются индивидуалистские ориентации, достижение личного успеха, что понимается как достижение материального благополучия посредством карьеры, приобретения высокого социального статуса [3, 8, 17, 18].

Как справедливо отметили И. В. Образцов и С. С. Соловьев, резкое снижение положительной мотивации молодежи к службе в армии сочетается с противоречием между привнесенной извне идеей индивидуализма и внутренней коллективистской природой российской военной общности, что проявляется в ценностной переориентации военнослужащих [14, 238]. Однако что традиционно хорошо для армии, не обязательно так же хорошо для бизнеса и экономики в целом. Тем более что в последние два десятилетия условия социально-экономического развития России существенно изменились.

Профессиональное самоопределение продолжает связываться преимущественно с профессией как таковой, а между тем в исследованиях особенностей трудовой занятости и трудового поведения в современной России все чаще подчеркивается необходимость наличия у работника не только профессиональной квалификации, но и личностных качеств, определяющих его способность работать в условиях рыночно-инновационных организационных культур [5, 11, 12, 19]. Это качества современного наемного работника, который ориентирован не на получение гарантированной заработной платы, спасающей от нищеты, а на реализацию новой модели трудового поведения. Эта модель основывается: 1) на возвышении ценностей профессионализма над лояльностью в отношениях с руководством; 2) придании большей значимости своей конкурентоспособности на рынке труда, чем преданности предприятию; 3) укреплении партнерских и ослаблении патерналистских отношений с руководством; 4) стремлении использовать имеющиеся и новые возможности для повышения интенсивности и качества труда, а не для сохранения достигнутого результата [20, 49]. Следовательно, профессиональное самоопределение молодых людей в современных условиях предполагает не только выбор профессии, но и готовность к работе в специфических организационных условиях, в основе которых лежат определенные ценности, либо находящиеся в соответствии с ценностями будущих сотрудников, либо противоречащие им.

Проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление особенностей профессионального самоопределения и ценностных ориентаций

военнослужащих срочной службы в отношении организационных условий их будущей профессиональной занятости.

Методика

Выборочная совокупность представлена основными категориями военнослужащих ВС РФ из состава войсковых частей, расположенных на территории Нижегородского гарнизона. В состав выборки вошли 250 респондентов: офицерский состав (18 % — 45 человек) и военнослужащие, проходящие службу по призыву (82 % — 205 человек). Возраст респондентов из офицерского состава — от 24 до 45 лет; военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, — от 18 до 26 лет. Исследование проведено в период с октября по декабрь 2014 г. Используются два основных метода: методика диагностики организационной культуры (Organizational Culture Assessment Instrument — OCAI) К. Камерона и Р. Куинна [22] и анкетирование респондентов в отношении будущей профессиональной деятельности. Выбор OCAI в качестве основного метода исследования обусловлен возможностью выявления ценностей по косвенным признакам через характеристики организационной культуры (ОК). Метод позволяет выявить ценности ОК, в которую включены респонденты, и ценности, отверженными которых они являются, поскольку проводится определение не только фактического состояния ОК, но и предпочтительного для каждого респондента. В число выявляемых организационных ценностей входят ценности следования закону и порядку, лежащие в основе иерархической ОК; ценности успеха в конкурентной среде, составляющие базис культуры рыночной или деловой организации; ценности сохранения хороших отношений и доверия, характерные для культуры кланового типа; ценности творческой самоактуализации, инновационности, определяющих адхократический тип ОК.

Результаты и их обсуждение

В табл. 1 представлены данные о профессиональных намерениях военнослужащих срочной службы. Они достаточно разнообразны.

Практически третья часть военнослужащих срочной службы желает связать свою жизнь с армией: служба по контракту в ВС РФ (9 %) или работа в силовых структурах (сотрудник ФСБ — 9 %, спасатель МЧС — 17 %, сотрудник полиции — 22 % и др.), остальные 65 % намерены работать в сфере гражданских профессий. Их перечень очень широк — от разработчика газовых и нефтяных месторождений, тракториста и автомеханика до фитнес-тренера и врача-стоматолога; 3 % намерены получить высшее военное образование и 23 % — высшее гражданское образование конкретного профиля. Обращает на себя внимание, что из 205 военнослужащих срочной службы (ВСС), уже вполне взрослых мужчин, 28 % не определились с будущей сферой профессиональной деятельности или не хотят о ней сообщать. В последнем случае можно предположить или непрестижность будущей профессии, или ограниченность ее просоциальности.

Таблица 1

Профессиональные предпочтения военнослужащих срочной службы

Профессиональные предпочтения	Выбор, %	Должностная позиция	Выбор, % внутри группы
Военная службы или работа в силовых структурах:	34,8	Офицер	8,6
		Сотрудник	91,4
– служба по контракту в ВС РФ и получение высшего военного образования	9		
– служба в иных силовых структурах	24,8		
Предпринимательская деятельность	13,5	Собственник бизнеса	66,6
		Рядовой предприниматель	33,4
Работа по найму	23,7	Имея высшее образование	67,5
		Не обязательно имея высшее образование	32,5
Высшее военное образование	3		
Определенный профиль высшего гражданского образования	22,5		
Получение высшего образования без определения профиля	8,0		
Не определились с профессиональными предпочтениями, но не силовые структуры	20,0		

Эти данные свидетельствуют о том, что только 9 % ВСС, те, кто намеревается продолжить службу по контракту, могут получить достаточно полную профессиональную ориентированность; для 3 % ВСС, намеревающихся получить высшее военное образование, профориентационными моделями могут служить офицеры частей, в которых они проходят службу при условии доверия к ним как к поведенческим и моральным моделям. Четверть ВСС в соответствии со своими предпочтениями смогут получить профессиональную ориентированность, ограниченную той частью сходства деятельности, которая существует в вооруженных силах и силовых структурах.

Остальные 65 % вынуждены отложить свою профессионализацию до окончания службы. Но половина из них хотя бы знает, чего хочет, а почти третья часть ВСС профессионально не определилась, что говорит о том, что существует выраженная необходимость в профориентационной помощи ВСС. Даже те 8 %, которые указали на желание получить высшее образование, не конкретизировав его профиль, явно нуждаются в такой поддержке.

Но сделать профессиональный выбор сегодня еще не значит находиться в той или иной степени готовности к трудовой деятельности и реализации своего

личностного и профессионального потенциала в условиях современного предприятия. Экономический кризис только усиливает проблему трудовой занятости, выводя ценностную ориентацию на развитие и связанную с ней активную личностную позицию, готовность к инновационности и внутренней конкуренции в разряд наиболее важных качеств человека, определяющих его успех на современном рынке труда и в системе трудовых отношений перспективных предприятий.

Результаты исследования ценностной ориентированности военнослужащих срочной службы представлены в табл. 2.

Таблица 2

Оценка военнослужащими фактического и предпочтительного состояния организационной культуры (представленность компонентов ОК – в %)

Респонденты	Типы ОК											
	Клановая			Адхократическая			Деловая			Иерархическая		
	Ф	П	У	Ф	П	У	Ф	П	У	Ф	П	У
Офицеры	14,79	28,06	*	14,99	19,04	–	32,76	23,62	*	37,70	28,79	*
Военнослужащие срочной службы	25,42	35,74	*	16,57	20,33	*	25,26	21,30	*	32,80	22,64	*
ВССвс	29,33	34,36	*	17,23	19,58	–	21,67	20,31	–	30,78	26,74	–
ВССгр	25,02	35,12	*	15,21	20,95	*	26,21	22,21	–	33,62	21,75	–
W Офицеры ВСС	*	*		–	*		*	*		–	*	
W Офицеры ВССвс	*	*		–	–		*	–		–	–	
W Офицеры ВССгр	*	*		–	–		*	–		–	*	
W ВССвс-ВССгр	–	–		–	–		*	–		–	*	

Примечание. Ф – фактическое, П – предпочтительное состояние ОК. Достоверность различий: У – по критерию Уайта, W – по критерию Вилкоксона.

* $p \leq 0,05$; «–» – различия статистически не значимы. ВССвс – военнослужащие срочной службы, предполагающие в дальнейшем службу в вооруженных силах или силовых структурах; ВССгр – военнослужащие, предполагающие в дальнейшем работу на гражданских предприятиях.

Результаты свидетельствуют о том, что в существующем типе ОК в войсках, по оценкам всех категорий респондентов, преобладает иерархический компонент, что совершенно естественно для армии. В оценке остальных компонентов мнения разнятся. Наиболее близкой к теоретической является оценка ОК офицерским составом: выраженный иерархически деловой тип ОК, предполагающий строгое соблюдение устава, служебной иерархии, обязательности и личной ответственности за результаты. Предельно минимизирована ориентация на поддержку межличностных отношений и проявление самостоятельности.

Вместе с тем офицерский корпус предпочел бы несколько изменить существующий тип ОК с иерархически деловой модели на иерархически клановую, статистически значимо сократив присутствие и иерархического, и делового компонентов, усилив ценности отношений. Такие приоритеты в зависимости от принципов их реализации в армейской среде могут иметь как благоприятные, так неблагоприятные последствия. С одной стороны, эти желания могут отражать ощущение недостаточности взаимодоверия в армейской среде, являющегося залогом успеха в условиях боевых действий. С другой стороны, можно ожидать принятия решений, имеющих в качестве ключевых детерминант сложившиеся межличностные отношения и безусловное их проведение в жизнь. В этом случае военнослужащие, по тем или иным причинам не сумевшие выстроить с офицерами позитивные отношения, могут оказаться в существенно худшем положении, чем их более удачливые сослуживцы. Безусловно, желания еще не преобразования, но понятно и то, что человек стремится изменить положение вещей в направлении, более соответствующем его желаниям.

Выявлены и другие важные особенности оценки военнослужащими ценностной регуляции их деятельности. Все респонденты отметили безусловную доминанту ценности иерархии и минимально ценность инновационности. Ценности межличностных отношений у ВСС значительно более выражены, чем это замечают офицеры. Следовательно, вне офицерского контроля военнослужащие выстраивают свое служебное взаимодействие как детерминированное скорее отношениями, чем уставом. Вероятно, этим объясняются статистически значимые различия в оценке офицерами и ВСС роли делового компонента (одна треть у офицеров и одна четверть у ВСС), то есть обязательность и результативность военнослужащим срочной службы представляется совсем не такой безусловной, как офицерам.

Данные табл. 2 показывают, что различия в ценностных характеристиках будущих организационных условий, желательных для военнослужащих, планирующих остаться в армии, и ВСС, желающих работать в гражданской сфере, незначительны. Практически все респонденты нацелены на необходимость создания комфортных для них контактов с коллегами по работе, но одни в организационных условиях армии, а другие по месту будущей работы. Тем не менее зафиксированы два важных факта в желаниях ВСС, ориентированных на гражданскую службу. Во-первых, это единственная группа респондентов, разделяющих инновационные ценности. Они бы хотели, чтобы на месте их будущей работы эти ценности присутствовали значительно больше, чем это есть в армии: 21 % против 15. Но и этот факт не может рассматриваться как безусловно позитивный, поскольку общая ценностная доминанта в этой группе все же остается клановой — 35 %, а инновационные ценности не являются более выраженными, чем иерархические и деловые, создавая некоторую аморфную ценностную среду с приоритетом значимости поддержания сложившихся отношений с коллегами по работе. Во-вторых, ВСС, желающие остаться в вооруженных силах или силовых структурах, являются в значительно большей степени приверженцами иерархических ценностей, чем ВСС, ориентированные на работу в гражданском секторе. Они близки по этому

показателю к представителям офицерского корпуса, что свидетельствует о том, что ценностные характеристики офицеров являются ресурсом поддержки той части ВСС, которые сделали свой профессиональный выбор в пользу армии.

Анализ ценностных приоритетов различных категорий военнослужащих показывает общее желание снижения иерархических ценностей и повышения ценностей отношений в ОК на предпочтительном месте службы или работы в гражданском секторе. Деловые и инновационные ценности отмечены значительно меньшим уровнем предпочтений, хотя есть некоторые тенденции в инновационной направленности у тех, кто видит себя вне военных и силовых структур.

Исследование показало, что только 19 % ВСС ценностно настроены на работу в эффективных типах ОК современных предприятий, к которым относятся иерархически деловые и рыночно-инновационные типы ОК. Если учесть, что около трети ВСС обнаружили свои ценностные ориентации, но проявили отсутствие какого-либо профессионального выбора, можно вполне обоснованно полагать, что профессиональное самоопределение военнослужащих срочной службы является актуальной задачей в войсках. Нужно отметить и тот факт, что офицерский корпус в силу своей традиционной профессиональной ценностной ориентированности, естественной и оправданной для армии, не может служить поведенческой моделью для ВСС в профессиональной сфере в гражданской жизни.

В их глазах только армейский психолог может оказать профориентационную поддержку в специфических армейских условиях для военнослужащего, ориентированного на жизнь вне армии. И только в том случае если психолог является гражданским человеком, профессионалом, скорее религиозным, чем агностиком или атеистом, семейным мужчиной среднего возраста, т. е. человеком, имеющим позитивный жизненный и профессиональный опыт в сфере гражданской жизни [4].

Полученные данные показывают, что по своим профессиональным ориентациям значительная часть ВСС существенно ценностно отличаются от персонала успешных предприятий [6]. Это говорит о том, что ВСС после окончания службы с высокой вероятностью могут пополнить ряды безработных. Отмеченное отсутствие профессиональной ориентированности у третьей части ВСС только повышает эту вероятность.

Выводы

1. По данным исследования, значительная часть военнослужащих срочной службы связывает свою профессиональную жизнь с внеармейской средой и только около 10 % намерены посвятить себя армейской службе. Около трети ВСС не определились профессионально.

2. Только пятая часть ВСС разделяет ценности, которые являются перспективными или в той или иной мере адекватными организационным условиям современных организаций, развитие которых строится на рыночных и инновационных ценностях.

3. Условия армейского уклада имеют широкие возможности для поддержания процесса профессионального самоопределения молодого человека: моральная

и физическая подготовка, развитие готовности к напряженной и продолжительной деятельности, формирование устойчивости к физическим и психологическим стрессам.

4. Требуется совершенствование профориентационной работы в армии, повышение квалификации офицерского корпуса и целенаправленная подготовка специалистов, способных оказать эффективную помощь военнослужащим срочной службы в сфере профессионального самоопределения.

---

1. *Аверьянов И. А.* Адаптация граждан, уволенных с военной службы: вопросы и противоречия // Проблемы современной экономики. 2009. № 3(31). С. 276–279.

2. *Азрапат Д. Л.* Социализация личности в военизированных организациях: проблема нормы и отклонения : автореф. дис. ... докт. социол. наук: 22.00.04. М., 2010.

3. Актуальные проблемы социологии молодежи / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург, 2010.

4. *Власкин В. Ю., Захарова Л. Н.* Отношение военнослужащих к профессии войскового психолога // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. 16. С. 213–222.

5. *Дырин С. П.* Российская модель управления персоналом в условиях промышленного предприятия. СПб., 2006.

6. *Захарова Л. Н., Леонова И. С.* Ценностный конфликт как ресурс развития предприятия // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 11–12. С. 147–157.

7. *Здравомыслов А. Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

8. *Карпухин О. И.* Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социолог. исслед. 2000. № 3. С. 124–128.

9. *Клементьева Р. П., Николаева И. А.* Призыв на военную службу // Там же. № 10. С. 72–76.

10. *Ковалева А. И.* Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Там же. 2003. № 1. С. 109–115.

11. *Коробейникова Е. В.* Парадигма управления как социально-психологический инструмент организационных изменений // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 5. С. 90–96.

12. *Львова С. В.* Формирование профессионального самоопределения студентов педагогического вуза // Системная психология и социология. 2014. № 4, т. 12. С. 28–36.

13. *Меренков А. В., Мокерова Ю. В., Смирнова О. Г.* Профессиональное самоопределение выпускников школ в современных условиях // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2015. № 2(140). С. 107–117.

14. *Образцов И. В., Соловьев С. С.* Человеческий фактор армии // Политическая социология / под ред. чл.-корр. РАН Ж. Т. Тощенко. М., 2002. С. 209–240.

15. *Путин В. В.* О наших экономических задачах // Ведомости. 2012. 30 янв.

16. *Путин В. В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Рос. газета. 2012. 20 февр.

17. *Семенов В. Е.* Ценностные ориентации современной молодежи // Социолог. исслед. 2007. № 4. С. 37–43.

18. *Татаринцев Е. А., Рогачева В. И.* Ценностные ориентиры современной молодежи в контексте общества массового потребления // Системная психология и социология. 2014. Т. 2, № 10. С. 111–117.

19. *Темницкий А. Л.* Становление наемного работника рыночного типа в условиях трансформации отношений собственности // Социолог. исслед. 2014. № 5. С. 47–55.

20. *Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С.* «Человеческое измерение» российского бизнеса: к демократически-гуманистическому типу социальной организации фирмы // Там же. № 7. С. 43–54.

21. *Bauer T. N., Erdogan B., Truxillo D. M., Tucker D. S.* Newcomer adjustment during organizational socialization: A Meta-Analytic Review of Antecedents, Outcomes, and Methods // *Journal of applied psychology*. 2007. 92(3). P. 707–721.
22. *Cameron K. S., Quinn R. E.* Diagnosing and changing organizational culture. Addison-Wesley, 1999.
23. *Cobb M. G., Sluss D. M., Muraca S. T.* Improving the trainee socialization process in basic combat training. United States Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences, 2011.
24. *Dalenberg S., Op den Buijs T.* Military socialization: Effects and effective leadership behavior in operations // *Moral responsibility and military effectiveness* / ed. H. Amersfoort et al. T.M.C. Asser Press and Contributors, 2013. P. 97–116.
25. *Erikson E. H.* Identity, youth and crisis. N. Y., 1968.
26. *Goffman E.* The Characteristics of total institutions / ed. A. Etzioni // *A Sociological reader in complex organizations*. N. Y., 1969. P. 312–356.
27. *Schaeffer D.* Social and Personality Development. Belmont, CA, 2009.
28. *Schwartz S. H. et al.* Refining the theory of basic individual values // *Journal of personality and social psychology*. 2012. 103, 4. P. 663–688.
29. *Scott A., Herbst S. A., Houmanfar R.* Psychological Approaches to Values in Organizations and Organizational Behavior Management // *Journal of organizational behavior management*. 2009. 29(1). P. 47–68.
30. *Schein E. H.* Organizational culture and leadership. San Francisco, CA. 3rd ed., 2004.
31. *Snyder C. R., Lopez S. J., Pedrotti J. T.* Positive Psychology. The Scientific and Practical Explorations of Human Strengths. SAGE publications, Inc., 2011.

Рукопись поступила в редакцию 9 декабря 2015 г.

УДК 323.1(592.3) + 39 + 316.722

Е. М. Астафьева

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В ГЕТЕРОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПУТИ

В статье дан реферативный обзор работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных вопросам определения таких понятий, как «этнос», «нация» и «народ», в контексте проблемы нациестроительства в гетерогенном обществе. Кратко изложены основные особенности нациестроительства с позиций национализма, мультикультурализма, политики идентичности и республиканского гражданства. На основе проанализированных концепций сделана попытка определить подход к проблеме нациестроительства в Сингапуре.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нациестроительство, этнос, нация, национализм, мультикультурализм, политика идентичности, республиканское гражданство, Сингапур.

В начале XXI в. все острее встает проблема центробежных тенденций, разрушающих многонациональные государства и, как следствие, сформированные этими государствами гражданско-политические идентичности. Многонациональность и многоконфессиональность — это характерная черта большинства современных государств, каждое из которых в определенный период времени и в соответствии с конкретными задачами избрало для себя ту или иную концепцию нациестроительства. Кризис этих концепций приводит к возрождению и активизации радикальных движений, базирующихся на этнических и религиозных формах идентичности, которые, согласно объективным условиям существования, либо стремятся к созданию собственных государственных образований, либо замыкаются в рамках своего узкого сообщества, выпадая, таким образом, из системы общественного взаимодействия.

Процесс нациестроительства является многогранным, и его изучение требует междисциплинарного подхода. Как отмечает Р. Брубейкер, многие ключевые термины интерпретативных социальных наук и истории — например, «раса», «нация», «этничность», «гражданство», «демократия», «класс», «сообщество»

и «традиция» — являются одновременно и категориями социальной и политической практики, и категориями социального и политического анализа. «Идентичность» также является и категорией практики, и категорией анализа [5, 69–70]. В связи с этим представляется весьма важным рассмотреть вышеперечисленные категории и собственно сам процесс нациестроительства с точки зрения различных подходов и интерпретаций.

По определению В. А. Тишкова, «нациестроительство» — это процесс формирования национальной идентичности, суть которого заключается в создании чувства патриотизма и общей солидарности по отношению к своему государству. Объектом этого процесса становится сообщество людей, находящихся под его юрисдикцией. Главный вопрос заключается в содержании основных концептуальных понятий нациестроительства, а также в том, какие компоненты должны составлять гражданско-политическую идентичность и какие механизмы и инструменты должны быть использованы для формирования этой идентичности. Данной проблеме посвящено множество исследований, рассматривающих ее в разные исторические эпохи и в разных странах [20].

Нациестроительство: основные определения и понятия

Основными понятиями, используемыми при исследовании процесса нациестроительства, являются «этнос», «нация», «народ» и, конечно, «государство». Эти понятия тесно взаимосвязаны, и различный подход к определению каждого из них формирует специфические интерпретации процессов национального и государственного строительства.

В этносоциологии существуют три основных подхода к определению этноса: примордиалистский, конструктивистский и инструменталистский¹.

Сущность первого подхода состоит в том, что этнос признается изначальным (примордиальным) свойством человеческого общества и человеческой культуры, и, следовательно, в основе общественных структур лежит этнос, а эти структуры «представляют собой его вариации, диалектические моменты» [8, 50]. В рамках примордиализма² можно выделить два направления — социобиологическое и эволюционно-историческое (культурное).

Социобиологическое направление рассматривает этничность как «объективную данность», в то время как эволюционно-историческое — как некую культурную, а не биологическую общность. Другими словами, этнические группы трактуются как социальные сообщества, прочно связанные с культурно-историческим контекстом [18, 95]. Таким образом, этнонация формирует некую основу общего родства, особой солидарности членов этой нации как единоплеменников, а зачастую и единоверцев, связанных одним языком и общей исторической судьбой. Большое значение в рамках данной концепции имеет представление о территории, на которой нация возникла и только в пределах которой нация и может существовать. По определению К. Гирца, примордиальная этнонация — это «конечная

¹ Иногда к этим трем методикам добавляют еще направление «этносимволистов» (Э. Смит).

² Термин «примордиализм» ввел в 1957 г. американский социолог Эдвард Шилз.

общность судьбы» (*terminal community of fate*), т. е. социальная общность, связанная мифологией общей судьбы и понятиями кровного или исторического родства. Человек может принадлежать к такой нации только по рождению, навсегда и без возможности выхода и перехода в другую нацию. У. Коннор определил такой концепт нации как «этнонационализм» — национализм на основе этнопримордиальных претензий. Отсюда следует, что содержание этнонационализма диаметрально противоположно идее гражданского национализма, в рамках которого все граждане, независимо от их происхождения, являются «государствообразующим сообществом-нацией» [20].

С позиций инструментализма этническая идентичность является лишь инструментом в руках индивидов, нацеленных на достижение определенных целей в политике, экономике и других сферах общественной жизни, в то время как конструктивизм рассматривает этничность как определенную форму социальной организации культурных отличий. В рамках этой последней концепции этнические чувства формируются государством «в зависимости от “спроса” на этничность», представляя собой интеллектуальный конструкт [Там же, 95–96].

Согласно определению Ю. И. Семенова «этнос... есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения» [17, 40]. Главной отличительной особенностью этнической общности, по его мнению, является не язык, а культура. «Нет американского языка, — пишет он, — но существует американская культура». Но все же языковая общность является как компонентом, так и «важнейшим условием возникновения и развития культурной общности» [Там же, 38]. При этом в полиэтничной стране развитие этносов может идти двумя путями. Первый — когда происходит *нацизация* этносов, т. е. *полинацизация* страны. Второй, полностью противоположный первому, — когда происходит *денацизация* этносов и *мононацизация* страны [Там же, 73–74].

Понятия этноса и нации, согласно исследованиям Ю. И. Семенова, относятся к разным социальным сферам. Для этнической общности характерны процессы ассимиляции, консолидации, инкорпорации и дивергенции, причем эти процессы происходят стихийно. Сущность нации, напротив, выражается в действиях осознанных, направленных на достижение определенных целей, таким образом, «национальные движения, в отличие от этнических процессов, относятся к сфере политики» [Там же, 62].

Б. Андерсон предлагает следующее определение нации: «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [1, 28]. Определяя нацию как воображенное сообщество, он исходит из того, что образ общности членов нации существует в их сознании. Ограниченность нации определяется тем, что любая нация имеет свои границы и «не воображает себя соразмерной со всем человечеством». Суверенность нации определяется естественным желанием свободы, а «залог и символ этой свободы — суверенное государство». Дефиниция нации как сообщества

заключается в том, что нация «всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество» [1, 29–30]. Идею о «воображенности» нации, но несколько в другом ракурсе, поддерживает Ю. И. Семенов, подчеркивая субъективный характер нации и этноса, которые существуют лишь в сознании исследователей, представляя собой «лишь их мыслительные конструкции» [17, 73].

Однако существует мнение, что «нация» вообще является категорией искусственной, не имеющей корней ни в истории, ни в природе. Это положение высказывает английский социолог и философ Э. Смит. Он указывает на то, что основанием нации является мифология, и ее возникновение непосредственно связано с приходом к власти националистов [19, 238].

И. Валлерстайн настаивает на том, что, «вопреки широко распространенному мифу, почти во всех случаях именно появление государства предшествует появлению нации, а не наоборот» [6, 96]. Он ставит вопрос о том, почему создание любого суверенного государства в рамках межгосударственной системы порождает и соответствующую «нацию», «народ». По его мнению, государства сталкиваются с проблемами сохранения своего суверенитета, подвергающегося внешним и внутренним угрозам, противостоянию которым способствует развитие «национального чувства». У государства возникает необходимость создания единого административного пространства, требуемого для реализации его политических проектов. Таким образом, «национализм выступает выражением, способом осуществления и следствием подобной государственной политики» [Там же, 97].

«Для государства не быть нацией, — пишет И. Валлерстайн, — означает находиться вне игры, ставка в которой — изменение его ранга в межгосударственной иерархии» [Там же, 98]. Он полагает, что категория «этническая группа» является современным определением категории «этническое меньшинство», что, по его мнению, должно означать существование большинства. Однако определяющим фактором категорий меньшинства и большинства выступает «мера социальной власти» в определенном государстве, т. е. «численные большинства могут оказываться социальными меньшинствами». Таким образом, понятия «этническая группа» и «нация» оказываются неразрывно связаны с границами государства, но «в государстве, как правило, имеется одна нация и много этнических групп» [Там же, 98–99].

А что же такое «народ»? Сложность точного определения этого понятия отражено в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, согласно которой «народ — это собирательное понятие, затруднительное для определения, поскольку в него вкладывают различное содержание в соответствии с методом, временем и природой власти» [9, 81]. Так, по мнению И. Валлерстайна, «народ — это не конструкция в чистом виде, но некое построение, чьи границы в каждом конкретном случае постоянно изменяются» [6, 91]. Он выражает несогласие с теми исследователями, которые заменяют термин «народ» понятиями «раса», «нация» и «этническая группа». Основанием для этого служит тот факт, что «раса» — это генетическая категория и она, по его мнению, не является единственной категорией, определяющей социальную идентичность; понятие «нация» непосредственно связано с границами государства и является социально-политической категорией,

а «этническая группа» — это особая культурная категория, которая определяется своего рода наследственными поведенческими матрицами, не зафиксированными границами государства. Он подчеркивает, что «нация возникает в результате политического структурирования миро-системы» [6, 91, 95].

Зачастую в научном и политическом языке понятия «нация» и «государство» отождествляют друг с другом, а иногда они используются как одно понятие — «нация-государство» или «nation-state» [20], и все же между ними необходимо провести четкое разграничение.

В. А. Тишков определяет нацию как сообщество людей, объединенное в рамках суверенного государства, при этом для нее характерна определенная степень гражданской солидарности и она отличается лояльностью по отношению к государству и его легитимной власти. Государство же является системой институтов, создаваемых нацией, которым это суверенное территориальное сообщество делегирует власть. Таким образом, кроме функций по управлению, организации и защите, государство получает «право на принуждение и обязанности по сохранению и поддержке этнокультурного разнообразия» [Там же]. Такая формулировка созвучна определению Э. Геллнера, согласно которой государство — «это специализированная и концентрированная сила поддержания порядка... это институт или ряд институтов, основная задача которых — охрана порядка» [7, 29]. Ю. И. Семенов выражает несогласие с определением В. А. Тишкова, что нация — это совокупность всех граждан государства, независимо от этнической принадлежности. Свою позицию он аргументирует тем, что понятие «государство» может и не совпадать с понятием «отечество» [17, 72].

Существуют, как отмечает С. Кара-Мурза, два главных, принципиальных смысла нации: «нация как гражданство, как коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии» и «нация как этничность, сообщество тех, кого связывают общие язык, история или культурная идентичность» [10, 300]. Создать гражданскую нацию можно лишь в том случае, если будут ослаблены различия разных групп, составляющих это население. И прежде всего если будет ослаблена этничность этих групп. Еще Ж. Ж. Руссо подчеркивал, что индивиды, образующие нацию, должны иметь сходные обычаи и манеры, общие социальные идеалы. Таким образом, строительство нации не может быть «бесконфликтным»: «иных» надо преобразовывать в «своих» [Там же].

Взаимоотношения между государством и нацией — это сложный диалог, который обусловлен их сосуществованием. Может возникнуть ситуация, когда государство появляется в результате политического акта, а нация как «воображаемая реальность» возникает позже. Возможно и другое развитие событий, когда идея нации становится орудием борьбы за государственность. Другими словами, этнические или территориальные сообщества стремятся к образованию собственной государственности путем разрушения имперских образований или через обычный сепаратизм [20].

Сущность нации, как утверждал О. Бауэр, неразрывно связана с понятием национального характера, при этом для нации свойственна изменчивость, а национальный характер связывает членов одной нации только в течение

определенного периода [4, 52–53]. Таким образом, нация есть «относительная общность характера». Другими словами, для каждой нации в определенный отрезок времени существуют свойственные только ей отличительные признаки национального характера. При этом нельзя отрицать тот факт, что имеются некие общие признаки, характерные для членов всех наций. И, наконец, определение нации как относительной общности характера связано с тем, что у членов нации отмечаются индивидуальные особенности, которыми они отличаются друг от друга [Там же, 55].

Государство обретает легитимность, подчеркивает В. А. Тишков, если в его границах заключено население, имеющее представление о себе как о самостоятельном народе и собственно о государстве, которое призвано обеспечивать права и защиту этого народа. Важнейшая цель государства заключается в обеспечении солидарности и лояльности граждан. Власть должна постоянно доносить до своего населения информацию о том, что есть в данный момент данное согражданство. Другими словами, информацию о том, из кого нация состоит, какое она имеет социальное, историко-культурное, ценностно-психологическое наполнение и в чем ее отличие от других наций. Инструментами данного процесса становятся система образования, законы, доктрины, символика. Наряду с этим государство должно обеспечивать развитие общества, поддерживать правопорядок, следить за соблюдением равноправия и безопасности граждан [20]. Еще М. Вебер определял государство как организацию внутри общества, «которая владеет монополией на законное насилие» [7, 27].

Лорд Актон придерживался мнения, что государство может с течением времени создать нацию, но никак не наоборот [14, 43]. Он сравнивал действия государства, под началом которого сосуществуют различные нации, с действиями независимой от государства церкви. Государство стремится уравновесить интересы, расширить связи и взаимодействия, формирует различные группы общественного мнения, открывая широкие возможности для изъяснения политических настроений и осознания членами общества обязанностей, не вытекающих из верховной воли.

Однако отношения между людьми являются результатом национальных обычаев, творением частной жизни общества. Следовательно, различия наций обусловлены обычаями, которые выработаны ими, а не получены от государства. Это становится определенной защитой человека от вторжения власти в сферы общественной жизни, «которая избегает законодательства и управляется своими естественным образом сложившимися законами». Он указывал на то, что вторжения такого рода характерны для абсолютистского государства и соответственно вызывают определенное противодействие. По его мнению, «сосуществование нескольких наций в одном государстве является одновременно и свидетельством, и гарантией его свободы», и такой тип государства является более совершенным, чем «государство национального единства, выдвинутое в качестве идеальной модели современным либерализмом».

Соединение различных наций в одном государстве является необходимым условием успешного существования самого государства. Нации, объединенные

одним государством, находятся в процессе постоянного взаимодействия «в плавленном котле государства». Напротив, когда существует совпадение политических и этнических границ, общества перестают развиваться [14, 41–42].

Национализм как одна из форм нациестроительства

Национализм как политическое явление и форма идеологии включает в себе основополагающий принцип, согласно которому нация является высшей формой общественного единства. И, несмотря на то, что в последнее время все чаще национализм ассоциируется с крайне радикальными движениями, которые используют свою национальную символику для достижения собственных целей в ущерб единству нации — другими словами, стремятся заменить «позитивную» дефиницию нации, обращаясь к прошлому с его концепциями закрытого общества, — многогранный феномен национализма требует детального рассмотрения.

Некоторые исследователи подразделяют национализм на «западный» и «восточный», определяя первый тип как «рациональный», «либеральный», а второй — как «иррациональный», «нелиберальный». Такое определение второго типа национализма, по их мнению, связано с необходимостью преодоления недостатков традиционной культуры. Некоторые авторы, придерживаясь вышеописанного двоичного деления, противопоставляют «гражданско-территориальный» («гражданский») национализм «этногенеалогическому» («культурному»). Существует еще один подход, при котором второй тип национализма подразделяется на «национально-культурный» и «этногенеалогический». А некоторые исследователи подразделяют национализм на «гегемонистский» и «периферийный». Но, как показывает опыт, форма национализма определяется социально-политическим контекстом, а также целями и приемами борьбы [16, 5].

Э. Смит определяет национализм как глубоко историческое явление: «Мир в его свете видится как плод взаимодействия различных сообществ, каждому из которых свойственны уникальные черты и своя собственная история и каждое из которых есть результат своих собственных истоков и своего собственного пути развития» [19, 236].

Э. Хобсбаум настаивает на четком разграничении понятий «национализм» и «принцип этнической принадлежности». С точки зрения национализма нации должны формировать территориальные государства «стандартного образца», утвердившегося со времен Французской революции, а без этого «национализм» остается пустым звуком [23, 334]. Принцип этнической принадлежности не является политическим понятием и не содержит в себе каких-либо программных установок. Нельзя отрицать тот факт, что иногда он вынужден выполнять политические функции, и в этом случае он оказывается связан с националистической или сепаратистской программой. Э. Хобсбаум указывает на то, что национализм стремится к тому, чтобы его отождествляли с принципом этнической принадлежности, обеспечивающим нацию историческими корнями [Там же, 335].

Как отмечает В. А. Тишков, некоторые исследователи полагают, что успех национализма заключается в перенесении «присущего человеку чувства кровной

солидарности на макрообщину в форме нации-государства». Однако нельзя не принимать во внимание тот факт, что существуют некоторые отличия этнонационализма как идеологии лояльности нации-государству и примордиальных этнических и религиозных привязанностей. Это различие подчеркивал и Э. Геллнер: по его мнению, национализм означает перенесение фокуса идентичности народа в сферу культуры. Эта сфера формируется и утверждается через государственную систему образования. Таким образом, происходит некое смещение: значимость приобретает язык образовательного института (а не родной язык), который становится средством коммуникации в обществе. Это, с точки зрения Э. Геллнера, следствие индустриализации, для успешной реализации которой необходима стандартизированная система образования, создающая тесные связи между общностью и ее культурой. Таким образом, «национализм как бы расширяет культурный и цивилизационный репертуар компонентов индивидуальной идентичности, но при этом продолжает полагаться на эффективность примордиальных чувств» [20]. Существенное различие между примордиальной привязанностью (этничностью) и национализмом как лояльностью государству состоит в том, «как они пропагандируются и как представляются общественности для обсуждения» [Там же]. Проблеме языка уделил большое внимание С. Хантингтон. Он указывает на интересный феномен: английский язык, который не является родным для 92 % населения мира, при этом является лингва-франка [22, 82].

Все люди, подчеркивает Э. Геллнер, существуют «внутри обширной бюрократической сети, и тот, кто не вписывается в ее коммуникативную среду, становится второсортным гражданином» [7, 16]. Он поднимает очень важную проблему, связанную с тем, что некоторые этнические группы ни в одном государственном образовании не являются большинством, и задается вопросом, может ли это служить основанием для лишения данных групп политических прав. Каждая группа стремится выработать свои собственные принципы, которые будут служить ее собственным целям и отвергать цели других. К большому сожалению, невозможно одновременно угодить всем, в любом случае кто-то останется недовольным. «Решение окажется удачным, — отмечает Э. Геллнер, — если лишь некоторые из заинтересованных сторон будут удовлетворены или если злоба и недовольство будут устранены разумным способом» [Там же, 18].

Как правило, национальные меньшинства входят в состав нации и обладают всеми правами ее членов. Меньшинства, как носители малых культур, получают особую поддержку государства через соответствующую политику, например в экономической и образовательной сферах.

Еще одним фактором, который может смягчить этнический конфликт, может стать экономическое благополучие, другими словами, «прогрессивные формы производственной жизни приведут если не к интернационализму, то по крайней мере к значительно большей степени этнической терпимости» [Там же, 19].

Иногда этнические общины имеют статус политических единиц внутри страны и, как институализированные структуры, получают представительство в различных ветвях власти. Признание этнических общин де-факто «гражданами» уже практикуется в некоторых странах, например в Сингапуре, но это

связано с возникновением целого ряда проблем. Одна из них заключается в том, что гражданство легитимирует социальные ожидания, выполнение которых не может быть обеспечено за счет государства, в результате чего требования полных гражданских прав могут вызвать политические разногласия.

Институционализация прав культурных общин в какой-либо форме коллективного гражданства создает серьезные проблемы для либеральной теории, которая исходит из первостепенности индивидуальных и личных прав. По этой причине приверженцы либеральной теории выражают обеспокоенность тем, что «большинство» не желает отстаивать свои позиции, и предпочитают рассматривать культурные общины в качестве частных ассоциаций, в которых индивиды обладают свободой выбора в отношении членства.

Как отмечает Дж. Шварцмантель, многие государства с авторитарными и полувластными режимами в силу культурно-исторических причин не могут воспринять базовые концепты либерализма, такие как права личности, свобода выбора, ограничение государственной власти и ведущая роль рынка [24, 85]. В тех странах, в которых вместе живут различные народы, отмечал Лорд Актон, парламентская система в принципе не может удовлетворить их нуждам и потому рассматривается там как весьма несовершенная форма свободы [14, 47]. Таким образом, по его мнению, «новейшая теория национализма» должна содержать в себе принцип свободы разных наций как членов некоего охватывающего их сообщества народов [Там же, 49].

Национализм, по определению Э. Геллнера, «это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» [7, 23]. Он указывает на то, что может происходить нарушение националистического принципа, не все представители определенной нации будут отхвачены политическими границами государства, или она может включать представителей другой нации, или, наконец, нация вообще может не иметь собственного национального государства. При этом наиболее остро националисты реагируют в том случае, когда политическая власть находится не в руках представителей нации, которая составляет большинство населения [Там же, 24].

Националистический принцип может иметь этический, «универсалистский» характер, т. е. существуют «абстрактные националисты», которые проповедуют общую доктрину: «дать всем нациям возможность жить под собственной политической крышей и дать им волю не принимать под нее инородцев» [Там же]. Такая доктрина может быть подкреплена желанием сохранения культурной самобытности, разнообразия мировых политических систем, ослабления напряженности внутри государства. Реальность такова, что существует огромное количество потенциальных наций, число которых намного превосходит число «возможных жизнеспособных государств». Таким образом, неизбежно возникает проблема ущемления интересов некоторых из них [Там же, 26].

Еще в начале прошлого века лорд Актон отмечал, что «современная теория национализма» вступает в противоречие с правами и интересами наций. Это противоречие обусловлено тем, что принцип национальной независимости, подразумевающий, что каждая нация должна иметь свое государство, ставит любую

другую нацию, которая оказывается в границах этого государства, в подчиненное положение. Таким образом, положение национальных меньшинств полностью зависит от отношения «господствующего народа» к этим меньшинствам [14, 48]. При этом, если государство не в состоянии удовлетворить запросы всех наций, его населяющих, оно оказывается обреченным. Государство, которое пытается поглотить, ослабить или изгнать представителей других наций, «уничтожает свою жизнеспособность; государство, не обладающее ими [другими нациями], лишено важнейшей основы самоуправления» [Там же, 49].

Б. Андерсон отмечает, что некоторые приверженцы националистических идеологий ошибочно трактуют язык как внешний символ национальности. Он указывает на другую «способность языка — генерировать воображаемые сообщества и выстраивать в итоге партикулярные солидарности» [1, 152]. Он пишет, что «имперские языки — это все-таки национальные языки, а стало быть, особые национальные языки среди многих» [Там же, 153].

Можно утверждать, что национализм как идеология в современной политике был весьма успешен. Это было обусловлено его стремлением связать между собой нацию и государство как две общности — культурную и политическую. Идеи национализма в своем историческом развитии действительно были связаны с идеями самоопределения и демократии, другими словами, с идеей нации как «сообщества граждан». Здесь необходимо провести границу между «гражданским» национализмом и «этническим». С точки зрения гражданского национализма нация является политическим образованием, связанным с символами политической солидарности и идеей единой культуры «как культуры политической борьбы и истории получения прав демократическим путем» [24, 156–158]. Таким образом, из этого определения вытекает определение гражданства как принадлежности к нации как политическому сообществу. Необходимо отметить, что при такой (классической) форме гражданского национализма государство является и главным субъектом, и главным объектом процесса нациестроительства. В этот процесс оказываются вовлечены такие государственные институты, как школа и армия. При этом этническая и религиозная принадлежность граждан относится к их личной жизни.

«Гражданский национализм» направлен на то, чтобы превратить людей в общество граждан, которые обладают равными политическими правами вне зависимости от их личной идентичности. Нельзя сказать, что тот же самый национализм пренебрегал феноменом идентичности, напротив, идеологи национализма стремились объединить граждан вокруг социальных и политических проектов. У. Кимлика доказывает невозможность соблюдения абсолютного этнокультурного нейтралитета. Он утверждает, что «в сущности все либерально-демократические государства стремятся распространить одну социальную культуру на всей своей территории» [Там же, 162]. Как правило, в либерально-демократических государствах институт государства становится распространителем конкретной культуры, и это культура большинства. Это обстоятельство не мешало существованию либерально-демократического (гражданского) национализма в период большей культурной однородности.

В настоящее время в условиях многокультурности общества гражданский национализм столкнулся с проблемой формирования чувства общей солидарности граждан. Как отмечает Дж. Шварцмантель, «из-за того, что концепт “нация”, образно говоря, превратился в “пустую коробку”, которую можно набить чем угодно и как угодно назвать, и из-за податливости националистической идеологии дискурс национализма утратил свою привлекательность» [24, 168].

Таким образом, возникает необходимость решения очень важной проблемы, связанной с задачей объединения различных этнокультурных общностей и регионов с проектом гражданской нации и обеспечением гражданского единства. «Многообразие, — пишет В. А. Тишков, — и есть единство, которое не должно пониматься как единообразие» [20]. Эти аргументы подводят к необходимости рассмотрения возможности организации этого «многообразия» с точки зрения различных концепций нациестроительства.

Мультикультурализм, политика идентичности и республиканское гражданство

Мультикультурализм как теория и набор политических практик сформировался на почве либерализма [11, 10]. При этом формы и содержание политики мультикультурализма зависят от конкретных условий государств, в которых данная политика реализуется. Она может быть направлена на решение проблем сосуществования различных культур в рамках одного государства (например, Канада), проблем, связанных с коренным населением (Австралия), проблем мигрантов (Европейский союз). Таким образом, мультикультурализм — это объединение в единое гражданское общество той или иной страны различных этнических групп с сохранением их культурной идентичности [15, 134]. Мультикультурализм можно также определить как «сообщество сообществ», в котором представители различных идентичностей и культур живут, уважая при этом «целостность других групп». Другими словами, мультикультурализм представляет собой доктрину о групповых правах [24, 232].

В рамках мультикультурализма, по утверждению Ч. Тейлора, обязательно должна существовать «этика признания и уважения» мультикультурных различий. При этом государственная поддержка отдельных культур может быть оправдана, по мнению Ч. Тейлора, только при условии, что исполняются основные обязательства в отношении гражданских прав других культур [25, 3].

Обращаясь к политическим функциям этничности (культуры), необходимо подчеркнуть, что главная ее функция заключается в формировании соответствующей каждому обществу «формулы управления культурным разнообразием», а также механизмов предотвращения конфликтов и обеспечения гражданского согласия [21, 151].

Ч. Кукатас выделяет два типа мультикультурализма. В рамках «мягкой» концепции мультикультурализма возможна ассимиляция, причем это не зависит от желаний индивидов, а является необходимостью. «Жесткая» концепция мультикультурализма основана на том, что в обществе нужно постоянно укреплять

разнообразии, поддерживая различные идентичности посредством предоставления меньшинствам особых прав [12].

К большому сожалению, можно утверждать, что в настоящее время политика мультикультурализма в Европе потерпела крах. Об этом открыто заявил в своем выступлении в феврале 2011 г. премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, его поддержали и канцлер Германии А. Меркель, и президент Франции Н. Саркози [11, 11], эти публичные заявления стали своего рода «похоронами мультикультурализма» [21, 151].

Доказательством данных утверждений могут служить совершенно новые дефиниции таких понятий, как «ассимиляция», «дискриминация», «мультикультурализм», «маргинализация» и «интеграция», предложенные на конференции в Швеции в 2011 г. Понятие «дискриминация» подразумевает, что «некие группы мигрантов в одной или нескольких сферах общественной жизни отделены от других. Они могут без проблем сохранять собственную культуру, поскольку не происходит никакого обмена со страной, принимающей мигрантов. В результате создается мультикультурное общество, в котором все культуры существуют одна подле другой». Именно в этом заключается весь смысл кризиса мультикультурализма: ведь, согласно этому определению, мультикультурное общество возникает как результат дискриминации [15, 134–135].

Основная проблема состоит в том, что гражданская идентичность в европейских государствах утрачивает свои позиции, отступая перед напором этнической идентичности.

Либеральный философ Дж. Грей пишет, что идея общей культуры уничтожается требованиями сторонников мультикультурализма предоставить культурным меньшинствам, как бы они ни определялись, привилегии и права. Таким образом, эта тенденция «усиливает рационалистическую иллюзию Просвещения и радикального либерализма, воплощенную в большинстве современных североамериканских практик... а именно иллюзию, что преданность общим устоям может существовать благодаря признанию абстрактных принципов без опоры на общую культуру. Сама идея общей культуры начала рассматриваться как символ угнетения» [10, 41]. Таким образом, основная проблема мультикультурализма заключается в том, что эта форма плюрализма может привести к сокращению до минимума любого рода взаимодействий между носителями различных идентичностей [24, 236]. И при этом вся деятельность граждан в рамках данных сообществ будет направлена только на деятельность этих сообществ, в ущерб гражданскому единству.

Например, в США, где, казалось бы, в «этническом котле» уже «сплавилось» множество этнических общностей иммигрантов, политика мультикультурализма привела к тому, что население страны все более разбредается по микронациям — в разнородные расовые, языковые, этнические и религиозные общины. Согласно переписи 1990 г. только 5 % граждан США считали себя в тот момент «просто американцами», остальные относили себя к 215 этническим группам [10, 42].

Если не подвергать тщательному анализу политику идентичности и политику мультикультурализма, то может показаться, что они весьма схожи. Их основные концепции подразумевают требование обеспечить признание и защиту каждой

конкретной культуры или групповых ценностей. В рамках политики идентичности и мультикультурализма не встает вопрос о глобальной трансформации общества, — существующее общество должно дать культуре любой группы «свободное пространство», где она могла бы жить по своим обычаям и традициям [24, 33–34]. Однако при всем этом между политикой идентичности и политикой мультикультурализма существуют принципиальные различия, которые состоят в том, что последняя выступает за предоставление культурным группам права определенной степени саморегулирования, при этом это право подлежит контролю со стороны государства.

Политика идентичности носит плюралистический характер, что обусловлено признанием существования разнообразных идентичностей. Другими словами идентичность может быть этнической, религиозной или культурной, при этом каждый человек может быть носителем комбинации идентичностей. Такой подход включает в себе требования «признания и уважения», а главной задачей становится создание общественного пространства, в котором носители определенных идентичностей могли бы существовать, при этом практически не подвергаясь внешнему вмешательству.

Идеи политики идентичности органически связаны с концепцией гражданского единства, которое может быть реализовано через идею республиканского гражданства, которое Ю. Хабермас обозначил как «конституционный патриотизм» [Там же, 40]. При этом патриотизм в политической жизни, отмечает лорд Актон, можно приравнять к вере в религии, но «подлинная политическая природа патриотизма определяется перерастанием инстинкта самосохранения в нравственный долг, иногда предполагающий самопожертвование» [14, 44].

В концепции республиканского гражданства особое внимание уделяется идее всеобщего блага. Другими словами, члены политического сообщества должны принимать активное участие в его жизни. Необходимо признать тот факт, что современный неолиберализм основан на «потребительской» идентичности. Неореспубликанизм, напротив, выступает за создание таких политических институтов, которые бы поощряли активное участие граждан в публичной деятельности; в его концепции заложена мысль, что идеи «общего блага» выше желаний отдельных индивидов.

Идея республиканского гражданства была порождена необходимостью разрешить проблемы раздробленности общества. Эта модель направлена на реализацию целей политического сообщества с признанием различных идентичностей [24, 223–224]. Активность граждан направляется на осуществление общих задач, что приводит к сближению граждан между собой и с самим государством, тем самым легитимируя политический процесс. Такое вовлечение граждан в совместную политическую деятельность и идея всеобъемлющего политического сообщества направлены на достижение политического плюрализма. Для достижения цели вовлечения «иных» в общественную коммуникацию может использоваться коммунарный подход, который помогает избежать маргинализации определенных групп граждан. Важным элементом этой политики становится проблема языка. Именно общий язык может стать инструментом преодоления маргинализации

некоторых групп граждан. Однако здесь, как отмечал Ю. Хабермас, возникает проблема, которая связана с тем, что национальное государство не в состоянии служить основой для сообщества, в котором фундаментом политического сообщества выступает равенство политических прав, а не частные культурные или этнические особенности [24, 227].

***

Вторая половина XX в. стала временем образования многих независимых государств, что было обусловлено крахом колониальной системы. Мир захлестнули массовые миграции, стали появляться новые концепции национализма, гражданства, индивидуальных и коллективных прав. В науке и политической практике появились доктрины единства в многообразии, многокультурности, права на различия и идентичность и т. д. [21, 145].

В Сингапуре, например, на протяжении XX в. можно проследить смену трех парадигм национализма. Так, в период колониального владычества Великобритании здесь существовала классическая модель мультикультурализма. Колониальная администрация проводила жесткую политику разграничения сфер общественной и политической деятельности для представителей различных этнических групп. После Второй мировой войны, с крушением мировой колониальной системы и вступлением Сингапура в 1963 г. в состав Малайзии, правительством Партии народного действия была сделана попытка продвижения на территории Федерации идеи «Малайзийской Малайзии». Однако эта идея, которая подразумевала создание единой малайзийской нации из множества этнических групп, населявших Федерацию, встретила активное сопротивление со стороны малайского населения и правительства Малайзии во главе с Объединенной малайской национальной организацией (ОМНО). Невозможность достижения согласия по этому вопросу стала одной из причин выхода Сингапура из состава Малайзии и вступления на путь построения собственной «сингапурской идентичности» [3, 73].

Независимая Республика Сингапур появилась на политической карте мира после выхода из состава Федерации Малайзия в 1965 г. Как писал Ли Куан Ю, у Сингапура было очень мало шансов на выживание: «Сингапур являлся искусственным образованием. Созданный англичанами в качестве торгового форпоста, он постепенно стал центральным пунктом их мировой морской империи. С ее крахом мы унаследовали остров без материка, сердце без тела» [13, 12].

В основу национализма в Сингапуре (фактически гомогенного по этническому составу) положен записанный в конституции принцип многонациональности и равенства граждан независимо от этнической принадлежности, социального статуса и вероисповедания. Основная проблема заключалась в том, что Сингапур — многонациональное государство, при этом примерно три четверти населения составляют китайцы (и в 1965 г., и на сегодняшний день), а другие этнические группы оказываются в положении национальных меньшинств. Геополитически Сингапур оказался в «сердце малайского мира», и многие восприняли возникновение этого государства как становление «третьего Китая». В такой непростой ситуации руководством страны было принято решение идти по пути образования

«сингапурской нации». Главной целью правительства стало создание политической стабильности путем внедрения в сознание населения моральных принципов, освящающих авторитет существующей власти и социального порядка в обществе [2, 281]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Сингапур вступил на путь республиканского гражданства, основанного на политике идентичности.

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. *Астафьева Е. М.* Некоторые аспекты политики нациестроительства в Сингапуре // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XIV. ИВ РАН. М., 2010. С. 278–284.
3. *Астафьева Е. М.* Сингапур в составе Малайзии [1963–1965] // Восток. 2014. № 6. С. 65–75.
4. *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. М., 2002. С. 52–120
5. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М., 2012.
6. *Валлерстайн И.* Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. С. 83–103.
7. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
8. *Дугин А. Г.* Этносоциология. М., 2011.
9. История в Энциклопедии Дидро Д'Аламбера / отв. ред. А. Д. Люблинская. Л., 1978.
10. *Кара-Мурза С. Г.* Демонтаж народа. М., 2007.
11. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского, А. К. Толпыго. М., 2013.
12. *Кукатас Ч.* Теоретические основы мультикультурализма // ПОЛИР.РУ [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/> (дата обращения: 07.04.2015).
13. *Ли Куан Ю.* Сингапурская история: из «третьего мира в первый» / пер. с англ. А. В. Боня. М., 2005.
14. *Лорд Актон.* Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. М., 2002. С. 26–51.
15. *Малинкович В.* Кризис мультикультурализма в Германии и других западноевропейских странах // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского, А. К. Толпыго. М., 2013. С. 13–143.
16. Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2007.
17. *Семенов Ю. И.* Философия истории. М., 2003.
18. *Сикевиц Э.* Этнический фактор в современном обществе // Вестн. рос. нации. 2014. № 4. С. 93–107.
19. *Смит Э. Д.* Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 236–263.
20. *Тишков В. А.* Понимание нациестроительства в России в мировом контексте [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valerytishkov.ru/redirect.php> (дата обращения: 01.03.2015).
21. *Тишков В.* Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского, А. К. Толпыго. М., 2013. С. 144–194.
22. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
23. *Хобсбаум Э. Дж.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 332–346.
24. *Шварцмантель Д.* Идеология и политика. Харьков, 2009.
25. *Taylor Ch.* Multiculturalism: Examining The Politics of Recognition / Princeton University Press, 1994; in Race and Multiculturalism in Malaysia and Singapore / ed. by Daniel P. S. Goh, Matilda Gabrielpillai, Philip Holden and Gaik Cheng Khoo, Routledge, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 15 октября 2015 г.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ*

В статье рассматриваются основные проекты, направленные на реализацию внешней культурной политики Европейского союза. В хронологическом порядке дан обзор основных конференций, посвященных проблемам культурного сотрудничества в Средиземноморском бассейне. Кратко изложены основные цели и задачи программ, действующих в Средиземноморском регионе. На основе проанализированного материала делаются выводы о роли региона в европейской культурной политике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурная политика ЕС, Европейский союз, Средиземноморский регион, евро-средиземноморское партнерство, программа «Креативная культура», программа «Культура».

Говоря о единой европейской культурной политике, прежде всего стоит подчеркнуть, что само по себе прилагательное «средиземный» содержит в себе определенную антиномию и неоднозначность, которые предопределены культурными и историческими особенностями развития самого региона. Это точка пересечения греческой, римской, арабо-исламской культур. С одной стороны, данное прилагательное выступает как известный во всем мире эпоним классической западной цивилизации. С другой стороны, учитывая сегодняшние процессы глобализации, когда стираются все границы и особенности, регион является неким ядром, где пытаются «спасти» различие и богатство культурных и религиозных ценностей.

Принимая во внимание растущую экономическую экспансию таких стран, как Китай и Индия, Средиземноморский регион вновь возвращает себе центральное геополитическое положение: соединяя прошлое и будущее, объединяя Азию, Африку и Европу, становясь таким образом вновь перекрестком традиций, обычаев, религий, языков, знаний. Уже в 1982 г. на Конференции по культурной политике в Мексике Средиземноморский регион был определен как «связь между народами и культурами, средство взаимодействия европейской и исламской культур», а море получило название «море человеческой цивилизации» [8, 2–3].

В последнее двадцатилетие Европейский союз интенсивно развивает политические, экономические, социальные и культурные отношения со странами Средиземноморского бассейна. Такой политический разворот был определен как «новая средиземноморская политика» и был структурно оформлен на конференции в Корфу в июне 1994 г., а позже закреплен в Барселоне в ноябре 1995 г. Данные события официально подтвердили «Евро-Средиземноморское партнерство» между ЕС и двенадцатью странами Средиземноморского региона: Алжиром, Кипром, Египтом, Иорданией, Израилем, Ливаном, Мальтой, Марокко,

---

* Работа выполнена при поддержке программы Европейского союза ERASMUS+, Jean Monnet, 565442-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-MODULE.

Сирией, Тунисом, Турцией, Палестиной. Таким образом, Барселонская декларация определила новый виток развития отношений между ЕС и регионом: Средиземноморье заняло особое, привилегированное положение во внешней политике союза. Целью стало создание общего мирного и стабильного пространства путем интенсификации отношений через подписание двусторонних и многосторонних соглашений в области безопасности, экономики, культуры. В рамках программы «Евромед» в 1998 г. были разработаны программы по оказанию финансовой помощи для проведения учета памятников культурного наследия в средиземноморских странах.

Напомним, что юридической базой для формирования единой культурной политики ЕС послужила ст. 128 Маастрихтского договора, а позже ст. 167 Лиссабонского соглашения [1, 298], где указано, что сообщество будет способствовать расцвету культур государств-членов, уважая при этом их национальное и региональное разнообразие и одновременно общее культурное наследие; т. е. ЕС способствует сохранению культурного разнообразия при содействии формированию общей европейской идентичности.

В последующие годы средиземноморская политика ЕС претерпевает различные изменения: в 2004 г. создается европейская политика соседства; после событий «арабской весны» ЕС интегрирует новый принцип *more for more* во взаимоотношения со странами региона. Также события «арабской весны» в определенной степени предоставили ЕС возможность занять лидирующее положение в регионе. Культура стала рассматриваться как решающий фактор для установления демократии в странах переходного режима, содействующий развитию межкультурного диалога, формирующий определенный уровень «комфортности» взаимодействия, влияющий на создание нового социального контекста в арабских странах и способствующий росту уровня жизни этих государств.

В 2008 г. программа европейского партнерства была преобразована в новую структуру, а именно в Союз для Средиземноморья. К сожалению, вопрос о защите культурного наследия не был внесен ни в одну из глав проекта соглашения. Компетенции в области культуры были переданы в евро-средиземноморский Фонд Анны Линд по развитию межкультурного диалога и в Альянс цивилизаций ООН.

В 2008 г. в Афинах прошла Евро-средиземноморская конференция на уровне министров культуры, где в очередной раз напоминалось о значительном вкладе, который на протяжении всей истории народы средиземноморского бассейна вносили для взаимного обогащения культур и цивилизаций. Подтверждалась важность развития диалога и сотрудничества между культурами и цивилизациями всех членов Евро-средиземноморского партнерства, учитывая, что Средиземноморье является местом рождения нескольких великих цивилизаций и возникновения трех монотеистических религий. Подчеркивалось, что диалог между культурами и культурное сотрудничество являются важным инструментом для продвижения взаимопонимания, примирения и терпимости в рамках Евро-средиземноморского региона. Взаимное знание и понимание имеют решающее значение для преодоления предрассудков и культурных барьеров, которые ставят

под угрозой достижение мира, стабильности и общего процветания в Евро-средиземноморском регионе [2]. Стратегия культурного сотрудничества, таким образом, должна строиться на принципах, изложенных в Конвенции ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения; она должна быть направлена на установление более сбалансированных культурных обменов. В ходе обсуждения стратегии культурного сотрудничества были приняты следующие решения [1, 298]:

- использовать синергетический подход при разработке программ в области искусства, культурного наследия и образования;
- рассматривать культуру как сектор, который создает рабочие места и приносит доход и, следовательно, способствует устойчивому развитию государства, в частности, путем культурного туризма; это в дальнейшем может благоприятно отразиться на взаимодействии малых и средних предприятий, функционирующих в отраслях культуры и творчества;
- поощрять мобильность работников в сфере культуры;
- содействовать развитию современного культурного творчества с целью сохранения богатого культурного наследия страны;
- усилить сотрудничество между гражданскими обществами в соответствии с национальным законодательством;
- поддерживать оцифровку документации культурного наследия.

На июньском заседании Европейского парламента 2012 г. был предложен проект резолюции о развитии отношений в макрорегионах, в частности в Средиземноморье. Основными пунктами по реализации культурной политики ЕС стали важность индустрии культуры и творчества как одна из возможностей создания рабочих мест в регионе; особое внимание развитию культурных и академических обменов; развитие культурного туризма с целью более глубокого понимания межкультурных особенностей региона; активное участие стран-членов ЕС в образовательных и культурных программах под эгидой ЕС; увеличение междуниверситетских научных обменов (создание программы «Евро-средиземноморский Эразмус»); упрощение передвижения деятелей культуры в евро-средиземноморском пространстве (помощь в выдаче виз и присвоении статуса «деятель культуры»); принятие соответствующих мер с целью предотвращения «утечки мозгов» из региона; усиление взаимодействия музеев и институтов культуры с целью развития креативных и культурных индустрий, призванных при использовании исторических, культурных и языковых различий внутри региона создать единое культурное пространство; усиление сотрудничества в области визуальной и кинематографической индустрии (примером может служить Евро-средиземноморская конференция по кинематографии) [7].

Первыми программами, направленными на реализацию единой культурной политики, стали «Калейдоскоп» (1996) — поддержка сценического, пластического и прикладного искусства; «Ариан» (1997) — поддержка издания и распространения литературы, библиотечного дела, перевода наиболее значимых текстов; «Рафаэль» (1997) — помощь по восстановлению и сохранению культурного наследия; «Культура 2000», цель которой — максимально приблизить культуру к гражданам;

«Культура 2007–2013 гг.» — поддержка мобильности деятелей культуры и искусства, распространение произведений искусства, усиление межкультурного диалога; «Креативная Европа» (2014–2020) — поддержка институтов, предприятий, занимающихся развитием, продвижением и развитием аудиовизуального искусства, медиатехнологий. Отличительной особенностью программы «Креативная Европа» является ее реализация в различных геополитических плоскостях. Так, в рамках данной программы Средиземноморский регион принимает участие: 1) в проектах, реализуемых странами–участницами европейской политики соседства; 2) проектах, предусмотренных в рамках программ городов-побратимов; 3) программе технической поддержки по обмену информации (ТАИЕХ); 4) программе трансграничного сотрудничества (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливия, Марокко, Сирия, Тунис) 5) проектах, направленных на страны–участницы Евро-средиземноморского партнерства (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Марокко, Сирия, Тунис, Турция). Целью указанной программы является сохранение культурного разнообразия и повышение конкурентоспособности ЕС в области культуры. Области применения: архитектура, архивное дело, библиотечное дело, музейное дело, художественные ремесла, аудиовизуальная индустрия, включая фильмы, телевидение, видеоигры, сохранение материального и нематериального культурного наследия, дизайн, фестивали, музыка, литература, театральное искусство, издательское дело, радио, визуальное искусство.

Рассмотрим подробнее наиболее масштабные программы, реализуемые в Средиземноморском регионе. Программа по трансграничному сотрудничеству в Средиземноморском регионе была рассчитана на период 2007–2013 гг. и направлена на укрепление сотрудничества в регионе между ЕС и третьими средиземноморскими странами. Всего участие приняли четырнадцать стран: Кипр, Египет, Испания, Франция, Греция, Израиль, Италия, Иордания, Ливан, Мальта, Португалия, Сирия, Тунис, Палестина (ок. 110 млн человек). Рабочая программа была принята Европейской комиссией (решение С(2008) 4242) 14 августа 2008 г. [6] и обозначила основные направления деятельности: продвижение социально-экономического развития региона; долгосрочное сотрудничество по защите окружающей среды в средиземноморском бассейне; облегчение режима передвижения людей, товаров, капиталов; усиление культурного диалога. В программе могли принять, помимо официальных представителей в области культуры и науки, частные лица, местные и региональные организации, университеты, НИИ. В рамках реализации программы предусматривалось создание Совместного наблюдательного комитета как руководящего органа, состоящего из представителей стран-участниц; функция Комитета — контроль за реализацией программы и принятие финансовых проектов. Комитет и технический секретариат расположены в Кальяри (Италия). Бюджет программы составил 173 млн евро (90 % — фонды ЕС, 10 % — вклад стран-участниц).

За 2009 г. из предложенных 600 проектов было отобрано и реализовано 37 (общая стоимость 57,4 млн евро). Целями отобранных проектов являются продвижение новых форм туризма, развитие инновационных технологий по использованию пресной воды в рамках городских служб. Как показывает статистический

отчет, наиболее активными странами стали Италия (из 279 проектов ею было выбрано 18), Испания, Греция, Израиль, Тунис, Египет [4].

В рамках «Креативной Европы» приняты следующие программы сотрудничества:

1. «Евромед Аудиовизуальные индустрии (2011–2014)». Направлена на развитие кинематографа и аудиовизуальной индустрии посредством проведения курсов повышения квалификации, мастер-классов, способствующих повышению уровня специалистов данной области в странах Южного Средиземноморья (участвуют Алжир, Египет, Иордания, Израиль, Ливан, Ливия, Марокко, Сирия, Палестина, Тунис). Предыдущие программы «Евромед Аудиовизуальные индустрии I (2000–2005)» и «Евромед Аудиовизуальные индустрии II (2006–2009)» были направлены на укрепление межкультурного диалога, поддержку распространения и продвижения фильмов, произведенных в регионе. В рамках этих программ были реализованы проекты DIA SUD MED — проект сотрудничества между тремя учебными заведениями Туниса, Марокко, Ливана по реализации учебного модуля «Управление в аудиовизуальной индустрии» (продолжительность 1 год, 90 обучающихся); GREEN HOUSE — учебный проект по развитию документального кино (ежегодно отбираются 10–12 фильмов для представления их перед международным экспертным сообществом и на международных форумах по документальным фильмам, организатор — Израиль); MED FILM Factory — проект направлен на поддержку и развитие арабских режиссеров и продюсеров для производства полнометражных фильмов (Иордания). Согласно отчету за 2011–2013 гг. лидирующее положение по производству полнометражных фильмов занял Египет (за три года было снято 83 фильма) [5].

2. «Евромед Наследие 4 (2008–2012)». Программа существует с 1998 г., общий бюджет 57 млн евро. Ее основная цель — развитие сотрудничества между институтами и экспертами в области защиты и охраны культурного наследия. В рамках проекта культура рассматривается как «некий катализатор взаимопонимания между народами Средиземноморского региона» [3]. Цель — сближение национального, регионального культурного наследия. Для управления программой было создано региональное объединение по мониторингу и поддержке (Брюссель), состоящее из шести экспертов из разных стран. Понятие «культурное наследие» состоит из таких элементов, как материальное культурное достояние (здания, памятники, ландшафт, книги, произведения искусств и сделанные вручную изделия); нематериальное культурное достояние (фольклор, традиции, язык, знания), природное достояние.

Основные трудности по обеспечению сохранности культурного достояния в Средиземноморском регионе:

— *юридический и политический аспект*. В большинстве стран Средиземноморья действующее законодательство в области сохранения культурного достояния не является достаточным. Так, например, остается неясным, какие меры может принять государство, если частное лицо, владеющее объектом культурного достояния, не принимает необходимых мер для сохранения данного объекта. Также нет четкого разделения обязанностей и ответственности между

государственными учреждениями внутри государства, отвечающими за защиту и охрану объектов;

— *финансовый аспект*. Очевидно, что на местном и региональном уровнях проблема сохранности объектов прежде всего связана с недостаточным финансированием со стороны государства. Однако стоит отметить положительную тенденцию последних лет, которая заключается в образовании общественных фондов, направленных на защиту и охрану объектов культурного достояния;

— *квалификационный аспект*. В средиземноморских странах — не членах ЕС — отсутствуют квалифицированные специалисты по обеспечению охраны объектов культурного достояния. Стоит также принять во внимание многочисленность объектов на территории Средиземноморского региона, в большинстве стран еще не произведен полный учет существующих объектов.

Как видим, государства в одиночку не способны справиться в полной мере с проблемой сохранения культурного достояния. Для этого необходимо привлечь к участию не только частных лиц, но и различные неправительственные организации и общества; обеспечить четкое правовое регулирование управлением охраны культурного достояния на местном и региональном уровне; наладить межгосударственное сотрудничество в формате семинаров, конференций; активизировать обмен специалистов в данной области между средиземноморскими городами-побратимами; усилить культурное взаимодействие Север — Юг (например, туризм, студенческий обмен).

В качестве иллюстрации такого средиземноморского сотрудничества можно назвать следующие проекты: 1) приспособление древних театров к современным реалиям (страны-участницы — Испания, Италия, Иордания, Тунис). В рамках программы были выделены следующие аспекты: минимизация процессов старения античных театров, поддержка возрождения театра (сохранение построек в рамках городского ландшафта, поддержка новых раскопок в городской черте); 2) «Хамамед» — поддержка и развитие культуры посещения хамама и турецких общественных бань (участники — Египет, Марокко, Сирия, Австрия), которые являют собой сочетание особых архитектурных традиций и образа жизни. В рамках программы были выбраны Хамам Амуна в Дамаске и Сафарин в Фесе; были организованы дни «открытых дверей» в хамамах, проведены фотовыставки, сняты документальные фильмы; 3) *Mare Nostrum* — программа «По следам наследия вдоль финикийских морских путей и исторических портовых городов Средиземноморья» (участники — Греция, Италия, Ливан, Мальта, Сирия, Тунис). Направлена на оказание содействия в ознакомлении общества со средиземноморскими портовыми городами вдоль финикийских морских путей; на разработку новых урбанистических планов портовых городов с целью интегрирования в городской дизайн мест археологических раскопок; на содействие развитию и поддержание традиционных ремесел в этих городах.

3. «Мед Культура (2014–2018)» — программа направлена на развитие и совершенствование политики в культурной сфере за счет проведения консультаций на уровне министерств, общественных и частных институтов, функционирующих в области культуры и смежных отраслях (участники — Алжир, Египет, Израиль,

Иордания, Ливан, Марокко, Тунис, Палестина, Ливия). Основной целью данной программы являются содействие развитию институциональных и социальных условий, которые позволили бы укрепить культуру в качестве вектора свободы выражения мнений и устойчивого развития; оптимизация управления в сфере культуры; вовлечение молодежи в культурный сектор.

Подводя итоги, следует отметить особую привилегированную роль Средиземноморского региона в культурной политике ЕС; как видим, его значимость постоянно подчеркивается на конференциях и заседаниях различного уровня. Основными областями для сотрудничества стали кинематограф (прежде всего организация повышения квалификации в данной отрасли в различных структурах), охрана культурного наследия. Отличительной чертой последних программ стало активное привлечение к участию в программах стран Южного Средиземноморья (наиболее активными участниками стали Египет, Тунис, Алжир).

Таким образом, мы видим, что культурная политика Европейского союза в Средиземноморском регионе достаточно длительное время последовательно развивается и позволяет выстраивать кросс-культурные коммуникации со странами Северной Африки и Ближнего Востока, несмотря на определенные культурные, ментальные, исторические и цивилизационные различия между странами. Взаимодействие этих государств не исчерпывается политическими контактами, напротив, совместные культурные проекты позволяют выстраивать более глубокое общение, достигать взаимопонимания на уровне социума. В условиях глобализации, стирания границ, с одной стороны, и не очень убедительных результатов политики мультикультурализма — с другой, именно культурная политика может стать точкой взаимопонимания, нахождения общего языка и сохранения тех цивилизационных пластов, которые исторически зародились в Средиземноморском бассейне, что становится жизненно важной необходимостью как для стран юга Средиземного моря, так и для Европы в целом.

---

1. Европейский союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М., 2008.

2. Agreed Conclusions of the third Euro-Mediterranean Conference of Ministers of Culture Athens, 29–30 May 2008 [Electronic resource]. URL: http://www.eeas.europa.eu/euromed/docs/culture_concl_0508_en.pdf (accessed: 25.10.2015).

3. Euromed Héritage 4 [Electronic resource]. URL: <http://www.euromedheritage.net/intern.cfm?menuID=7&submenuID=1> (accessed: 20.10.2015).

4. Premier appel à projets standards [Electronic resource]. URL: http://www.enpicbmed.eu/sites/default/files/appel_1_37_projets_standards_25.05.2012_0.pdf (accessed: 20.10.2015).

5. Présentations: les résultats du programme Euromed Audiovisuel [Electronic resource]. URL: <http://euromediaudiovisuel.net/p.aspx?t=general&mid=185&l=fr&did=287> (accessed: 20.10.2015).

6. Programme de bassin maritime Méditerranée 2007–2013 [Electronic resource]. URL: http://www.enpicbmed.eu/documenti/30_38_20090130093352.pdf (accessed: 20.10.2015).

7. Proposta di risoluzione del parlamento europeo [Electronic resource]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+REPORT+A7-2012-0219+0+DOC+XML+V0//IT> (accessed: 20.10.2015).

8. Relazione sulla conservazione e la valorizzazione del patrimonio culturale nel Mediterraneo [Electronic resource]. URL: <http://cor.europa.eu/en/activities/arlem/Documents/report-on-cultural-heritage/IT.pdf> (accessed: 20.10.2015).

Рукопись поступила в редакцию 11 сентября 2015 г.

УДК 323.1(560) + 329.3:28 + 327.88

Э. А. Замов

ДВА ПУТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

В статье проводится сравнительный анализ политических взглядов ведущих политических деятелей Турции — Фетхуллага Гюлена и Реджепа Тайипа Эрдогана. Работа основывается на программных документах Партии справедливости и развития, книгах, статьях и интервью турецких лидеров. Рассматриваются исторические корни их взглядов, дается оценка планов реформ Партии справедливости и развития и движения «Хизмет».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Турция, ислам, Партия справедливости и развития, движение «Хизмет».

Распад СССР сделал процессы мировой политики более локальными, множественными и хаотичными. Нарастание неопределенности в мире продолжается, и вероятен выход на ведущие роли государств, долгое время переживавших системный кризис и отошедших на второй план. Турция относится к их числу.

Так называемая «арабская весна», будучи симптомом кризиса арабо-мусульманской цивилизации, парадоксальным образом стимулировала расширение географического ареала последней. В итоге страны, настроенные на ревизию внешнеполитической ситуации, оказались в положении, когда количество возможных альтернатив внешнеполитических решений увеличилось.

Нарастание конфликтов в арабском мире привело к росту зависимости стран НАТО от позиции Турции. Конфликтность внешнеполитического окружения Турции не создает для нее дискомфорта, поскольку в военном отношении это государство превосходит всех своих соседей, вместе взятых (если исключить из рассмотрения Иран), а экономический потенциал Турции стремится достичь доминантной позиции в регионе. На укрепление позиций Турции позитивно влияет ряд объективных факторов: экономический кризис в Греции и на Кипре, депопуляционные процессы в Болгарии, явная неудача широко задуманных реформ в Грузии, внутривнутриполитическая неустойчивость в Армении, гражданская война в Ираке и Сирии. В таких условиях вероятно в будущем выстраивание сферы турецкого влияния, близкой по границам к Османской империи. В этих условиях особый интерес приобретает видение турецкими политиками путей будущего развития страны. Особое место среди них занимают Реджеп Тайип

Эрдоган, лидер Партии справедливости и развития (ПСР), и Фетхуллах Гюлен, основатель движения «Хизмет», борьба между которыми представляет собой ось турецкого политического процесса.

Проблемы идеологического противостояния этих лидеров в отечественной историографии изучались недостаточно. Например, А. Корицкий в своей статье, посвященной избранию Абдуллы Гюля на пост президента республики, справедливо отмечает: «Главным образом усилия правительства будут направлены на соблюдение прав человека, экономический рост и подготовку новой конституции с целью сделать ее “гражданской”. По оценке обозревателей газеты “Джумхуриет”, правительство не поставило перед собой новых целей, оно детально не останавливалось на злободневных вопросах, связанных с ношением хиджаба (мусульманского платка) или возрождением религиозных школ “имам-хатиб”. Существует мнение, что, не выпячивая эти вопросы, правительство оставило за собой возможность заняться решением этих проблем в рамках повседневной работы, вне официальной программы» [4, 7]. А. Корицкий дал убедительное объяснение причин победы А. Гюля, Р. Эрдогана и их партий на выборах. Но собственные оценки программных установок Партии справедливости и развития автор не дает.

Н. Г. Киреев в обстоятельной статье, посвященной современной истории «мягкого ислама» в Турции, также воздерживается от детального анализа программных установок Партии справедливости и развития и движения «Хизмет», указывая, что «Эрдогану есть у кого поучиться после 11 сентября, обращаясь к мягкой риторике. Как известно, именно эта особенность политического ислама присуща общине Фетхуллага Гюлена, что дает возможность активистам общины прокламировать мирный характер своего движения, своей благотворительности» [3, 47]. Н. Г. Киреев осторожно констатирует: «Будущее покажет, что останется в риторике и какая подлинная идеологическая цель будет преследоваться в действительности — останется ли ислам в светской Турции религией, верой либо будет использован для того, чтобы заменить светские законы на шариатское право во имя установления тоталитарного режима, который не будет иметь ничего общего ни с гражданским обществом, ни с демократией» [Там же, 54].

Несколько большей определенностью отличаются выводы К. В. Вертяева, который разграничил сами понятия «ислам» и «исламизм»: «...парадоксальность ситуации в том, что одновременно исламизм противостоит исламу — исламу модернизирующемуся, т. е. адаптирующемуся к изменяющейся социально-политической реальности» [2, 87]. К. В. Вертяев обоснованно представляет Партию справедливости и развития как партию модернизирующегося ислама. Столь же оптимистичны оценки Б. М. Поцхверия: «В борьбе против исламского экстремизма власти прибегали к запрещению деятельности исламских партий. В конце концов исламисты пришли к умеренности в своей политике» [6, 67].

В целом отечественные исследователи не определились с решением вопроса о том, стоит ли рассматривать ПСР как партию затаившихся исламистов или как экстремистскую группировку. Так, А. Г. Баширова отмечает, что Абдулла Гюль — «безукоризненно прозападный реформатор и приверженец европейской ориентации» [1, 306]. И она же констатирует, что «...исламский фактор и в политическом

развитии, и в социальном устройстве Турции не только продолжает оставаться важным, но и имеет тенденцию к усилению по всем направлениям» [1, 310].

Мировоззрение Реджепа Тайипа Эрдогана в наиболее четкой форме изложено в программе руководимой им Партии справедливости и развития. Это программа консервативно-либеральной партии, в основном разделяющей европейские ценности. В то же время она включает рудименты средневековой турецкой политической мысли. Программа ПСР содержит религиозное заверение: «Все сложится для нас хорошо, с помощью Аллаха» [7]. Фетхуллах Гюлен, в свою очередь, требует от правителя сочетать волю народа с волей Аллаха. Тем самым Гюлен признает важнейшим божественное откровение, а не рационалистическое мышление, как идеологи ПСР.

Партия справедливости и развития требует «мобилизовать людские и материальные ресурсы, бывшие в неактивном состоянии в течение многих лет, и сделать Турцию страной, которая производит и растет» [Там же]. Ф. Гюлен, напротив, утверждает, что, несмотря на активное развитие науки и техники, в деятельности правительств решающую роль будет играть торговля, причем роль торговли будет усиливаться. Идеологи ПСР понимают мобилизацию не в качестве массовой принудительной акции, а скорее в смысле раскрытия всех способностей индивида: «Одним из главных принципов нашей партии является пословица “Если один человек не свободен, никто не свободен”. Наша партия считает одной из важнейших своих задач обеспечение демократизации, помещая человека в центр своей политики...» [Там же]. Партия справедливости и развития очень близка по своей идеологии к взглядам французских физиократов и Бентама с их проповедью делового эгоизма. Однако Партия справедливости и развития в отличие от европейских просветителей не только видит божество в качестве активного участника исторического процесса, но и дополняет индивидуалистический эгоизм национальным.

Национальный эгоизм Партии справедливости и развития вовсе не предполагает тотальные требования нации к индивиду (на чем настаивает Ф. Гюлен). Скорее, это нация должна предоставить индивиду возможности для самореализации. Говоря о турецкой нации, консервативные либералы из ПСР формально сохраняют верность наследию Ататюрка: «Наше общество не беспомощно. Бремя принятия решений лежит на самом народе. Как утверждал великий Ататюрк, залог спасения нации состоит в ее собственной решимости и целеустремленности» [Там же]. В то же время программа партии содержит осторожную, но многозначительную формулировку: «Наш народ имеет глубокие корни и богатые традиции государственного управления» [Там же]. Данная формула представляет собой корректную, но твердую попытку реабилитации исторического опыта Османской империи. В свете этого можно говорить о стремлении Партии справедливости и развития к возрождению имперских традиций. Однако реваншизм ПСР имеет скорее интровертный характер. Внешнеполитические ориентиры страны в программе ПСР определены весьма осторожно: «Турция имеет геостратегическое положение, которое может помочь ей играть влиятельную роль в регионе» [Там же]. Данный пассаж свидетельствует о неудовлетворенности турецкой политической элиты ролью Турции в мировой политике, но не о стремлении к восстановлению

Османской империи. В то же время Ф. Гюлен уже открыто говорит о «славной Османской империи» и не признает колониальный характер завоеваний Арабского халифата.

Идеи, провозглашенные Партией справедливости и развития в экономическом разделе программы, тесно связаны с общими тенденциями развития восточной политической мысли и знаменуют ориентацию ПСР на мелкого независимого производителя: «У нас есть концепция управления, которая облегчает, а не делает жизнь более трудной, скорее обнимает, нежели отталкивает, объединяет, но не разъединяет, защищает честных слабых от нечестных сильных» [7]. Эти слова почти дословно повторяют рассуждения Каутильи, автора древнеиндийского трактата «Артхашастра» об опасности жизни в «обществе, живущем по закону рыб», где аутсайдеры проигрывают более сильным. В то же время турецкие консервативные либералы отказались от широко распространенных в мире восточного политического мышления попыток поиска третьего пути между социализмом и капитализмом. Это связано не только с традициями кемалистского антисоциализма, но и со стремлением Партии справедливости и развития расширить свою социальную базу за счет сельских слоев населения (ориентация на одни и те же электоральные слои является одной из важнейших причин антагонизма между ПСР и сторонниками Ф. Гюлена). С этим связаны и явно популистские положения в программе Партии справедливости и развития, в частности, требование «совершенно исключить все хронические проблемы, с которыми сталкивается Турция» [Там же]. В то же время попытки ПСР сблизиться с традиционалистски настроенным населением турецкой деревни носят скорее характер прагматических уступок, а не последовательного принятия традиционных ценностей (верность которым партия осторожно декларирует).

Вслед за кемалистами современные турецкие консервативные либералы рассматривают правящую партию как активное начало, преобразующее пассивное общество, при этом предлагается в качестве первоочередного требования «распространить мышление, основанное на универсальных правах и свободах на всей территории» [Там же]. Ф. Гюлен тоже рассматривает современное турецкое общество как незрелое, однако нуждающееся не во внедрении европейского понимания прав и свобод человека, а в культивировании мусульманской морали. В то же время оппоненты констатируют утрату атмосферы доверия в обществе.

Показательно, что в понятие «нация» идеологи Партии справедливости и развития включают далеко не всех индивидов: «Идентифицируя себя с народом, наша партия обязательно восстановит чувство доверия, которое исчезло в обществе» [Там же]. Отождествление правящей партии с народом исключает диалог с оппозицией, которая тем самым автоматически квалифицируется как антинародная, и ставит знак равенства между народом и элитой. Можно говорить об искреннем стремлении Партии справедливости и развития преодолеть перманентный конфликт между властью и обществом, но это предполагается сделать прежде всего путем формирования общества, лояльного к власти.

В сфере экономики Партия справедливости и развития отходит от принципов Ататюрка: «Партия признает, что государство должно оставаться в принципе

за ределами всех видов экономической деятельности» [7]. В данном случае идейные установки ПСР отражают вполне оправданное общее недовольство бюрократизированностью и диспропорциями в развитии этатистской экономики. Но эта формула противоречит другому тезису программы: «Партия определяет функцию государства в экономике как регулируемую и контролирующую» [Там же]. Пытаясь отойти от кемалистского принципа этатизма, ПСР в то же время не отказывается от националистической идеи: «Партия будет создавать экономическую администрацию, чья эффективность, надежность и национально-этические ценности будут высокими» [Там же]. Формально выступая против популизма, ПСР в то же время стремится сбалансировать бюджет через увеличение доходов, а не через снижение расходов.

Партия справедливости и развития рассматривает в качестве своей приоритетной цели повышение народного благосостояния. Но в то же время программа партии прямо указывает: «Оплата труда должна быть уменьшена в целях роста производства и конкурентоспособности частного сектора» [Там же]. Данная формулировка позволяет сделать вывод о том, что турецкие консервативные либералы сознательно намерены идти на сужение внутреннего рынка с целью подготовки экспансии на внешние рынки. Подобная политика увеличит угрозу национальной экономике в случае глобального кризиса. Примечательно, что развитие оборонной промышленности рассматривается ПСР как приоритетное.

Недифференцированность программных установок ПСР проявляется еще и в том, что, отрицая в принципе кемалистский этатизм, партия предполагает — «кроме других мер — финансовую поддержку проектов, налоговые льготы и план, включающий уменьшение бюрократических препятствий в ведении бизнеса» [Там же]. Эта поддержка предназначена для мелких предпринимателей, которые, «внося важный вклад в создание производства, занятости и добавленной стоимости в нашей стране, являются стовым хребтом нашей экономической и социальной структуры» [Там же].

Основной движущий мотив в формировании ценностных ориентаций Фетхуллага Гюлена аналогичен мотивам поведения Р. Т. Эрдогана: это осознание глубокого морального кризиса турецкого общества и недовольство ролью турецкого государства в мировой политике. Идеино-теоретические основы взглядов двух оппонентов идентичны — это идеализм, основанный на суннитском исламе. Для Гюлена, так же как и для Эрдогана, тягчайшим злом для государства является деспотизм чиновников: «Уважение в сердце народа государство и правительство должны заслужить серьезностью, чистоплотностью и искренностью своего труда, а не деспотизмом чиновника. За всю историю человечества ни одна сила не могла долго устоять у власти благодаря засилью бюрократии и введению народа в заблуждение» [5].

В то же время Эрдоган и Гюлен придерживаются абсолютно различных взглядов на государственный строй будущей Турции. В отличие от сторонника президентской республики Эрдогана, Гюлен является сторонником теократии иранского типа: «С давних времен людьми в большинстве случаев управляли умные, образованные и сильные политики. А ими, в свою очередь, — праведны

они или нет — люди еще более умные и рассудительные. И мы правили миром именно тогда, когда нами правили такие умы и таланты» [5]. Эрдогана и Гюлена сближает стремление к реваншу.

Если Партия справедливости и развития формально заявила об отказе от использования религиозных принципов в политике, то Гюлен рассматривает религию в качестве главного оружия политической борьбы: «Нет второй такой силы, как религия, когда речь заходит об охране порядка и безопасности. Ибо религия является не только самым эффективным способом воздействия на совесть человека, но и наиболее важным элементом контроля над действиями и поступками людей. Поэтому те, кто правит страной, должны знать, что религиозная жизнь — это источник жизни самой нации, и постоянно поддерживать ее в совести общества» [Там же]. Если для кемалистов источником национальной жизни была национальная культура, то для прагматика Эрдогана таковой является экономика, а для Гюлена — религия.

Идеал Гюлена, как и Эрдогана, — общество с унифицированным сознанием: «Умение мыслить не как все и иметь свое мнение — свойство зрелых людей. Но никто не имеет права терпеть те мнения и взгляды, которые вносят раздоры в общество и разделяют его на отдельные идеологические лагеря. Ибо мириться с такими явлениями — значит закрывать глаза на гибель нации» [Там же]. По мнению Гюлена, «правительства должны думать не только о внесении порядка в рабочую жизнь, действия и поступки нации, но и о порядке в ее умах. И главным в этой сфере является единство мысли и чувства и единство в воспитании и образовании» [Там же]. Если Эрдоган выражает ценности мелкого городского предпринимателя, недовольного политикой этатизма, но заинтересованного в поддержке государства, то Гюлен предпочитает ментальность корпоративной сельской общины, имеющей абсолютную власть над своими членами. При этом Гюлен — убежденный консерватор: «За всю историю человечества нельзя привести и один случай, когда недовольным удавалось что-то создать, но случаям, когда они разрушали целые государства, — несть числа» [Там же]. Примечательно, что и Эрдоган, и Гюлен негативно относятся к проявлениям оппозиционности.

Если Эрдоган рассматривает развитие Турции в качестве догоняющего, то Гюлен придерживается другой позиции: «Людам все время морочат голову ничего не выражающими словами, вроде “прогресс”, “западничество”, “цивилизация”, “модернизация”, убаюкивают ложными обещаниями» [Там же]. Если Эрдоган выступает за привлечение в страну иностранного капитала, рассматривая его как источник ценного опыта, то Гюлен отвергает подобное сотрудничество: «Под видом иностранной помощи и поддержки осуществляется блокада страны, контролируются ее экспортные и импортные операции, ограничиваются и затрудняются процессы возрождения и развития» [Там же].

И Эрдоган, и Гюлен не приемлют идею парламентской демократии. Их взгляды на власть созвучны со взглядами Муссолини, рассматривавшего в качестве единственного источника власти лидера, пользующегося народным доверием. Гюлен отмечает: «Власть над нацией, каждая частичка которой не обрела еще зрелости, следует доверять самому знающему, тактичному и способному из рядов этой

нации» [5]. Эрдоган выразил те же мысли в более умеренном духе: «Можем ли мы быстро подняться над уровнем современной цивилизации? Мы должны думать об этом. Эта парламентско-президентская многоголовая система замедляет этот процесс...» [8]. В благоприятных условиях в Турции могла бы быть реализована демократическая альтернатива развития политической системы, в которой сторонники двух течений могли бы сформировать двухпартийную систему. Однако в условиях глобальной экономической неустойчивости и нарастания напряженности у границ Турции ее реализация представляется маловероятной.

---

1. *Баширова А. Г.* Исламский фактор в процессе интеграции Турции в Европейский союз // Ислам на современном Востоке. М., 2004. С. 303–312.

2. *Вертяев К. В.* Исламский фактор в политической жизни Турции // Ислам на современном Востоке. М., 2004. С. 81–88.

3. *Киреев Н. Г.* Новая глава в истории Турции: «мягкий ислам» у власти // Там же. М., 2004. С. 38–56.

4. *Корицкий А.* Турция: новый президент, новый парламент, новое правительство // Азия и Африка сегодня. 2007. № 11. С. 3–11.

5. О политике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fgulen.com/ru/fethullah-gulen-works-ru/> (дата обращения: 21.08.2015).

6. *Поцхверия Б. М.* Эволюция исламизма в республиканской Турции. Ислам на современном Востоке. М., 2004. С. 56–71.

7. Party Programme [Electronic resource]. URL: <http://www.akparti.org.tr/english/akparti/parti-programme/> (accessed: 21.08.2015).

8. Turkish Radio and Television Corporation TRT [Electronic resource]. URL: <http://www.tccb.gov.tr/en/interviews/1716/3190/turkish-radio-and-television-corporation-trt.html/> (accessed: 21.08.2015).

Рукопись поступила в редакцию 13 октября 2015 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.2(5-011) + 327.2(569.1) + 351.824.11

Г. Н. Валиахметова

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРЕНДОВ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются роль и место энергетического фактора в генезисе сирийского кризиса. Автор приходит к выводу о том, что сирийский конфликт является закономерным результатом развития мировой энергетической политики в XXI в. Анализ энергетической составляющей сирийского кризиса позволяет осознать масштабность ставки на Сирию со стороны главных геополитических игроков и других многочисленных субъектов ближневосточной политики. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: Сирия, Ближний Восток, энергетическая политика, конфликт интересов, нефть, газ, транзит, США, Россия.

Ключевым признаком текущего процесса переформатирования глобальной системы международных отношений является его незавершенность. Сегодня на мировой арене наряду со сверхдержавой (США), сохраняющей значительную военную мощь, но ослабленной экономическими проблемами и внутренними расколами, также действуют старые (Европа) и новые (Россия и Китай) влиятельные игроки; традиционные, но уже расшатанные международные политические конструкции (ООН, НАТО) и новые, еще набирающие силу (G20, ШОС, БРИКС и др.). При этом ни один из указанных акторов пока не способен даже предложить другим некие общие, приемлемые для всех правила игры. В итоге мы живем в условиях нефункционального многополярного мира с многочисленными и зачастую хаотично взаимодействующими друг с другом центрами влияния. Энергетический фактор, являясь интегральной частью международных отношений и мировой политики, с одной стороны, отражает как в фокусе их текущее состояние, а с другой — сам порождает новые международные противоречия и конфликты. В XXI в. масштабные сдвиги произошли и на мировой энергетической арене, состояние которой сегодня также характеризуется в терминах

«трансформация», «дивергенция», «полицентричность», «многоуровневость», «неопределенность». Как и на глобальном политическом уровне, в сфере энергетики формируются новые угрозы международной и национальной безопасности и соответственно требуются качественно новые, многосторонние подходы к решению возникающих проблем. Пока поиск конструктивных форм взаимодействия старых и новых энергетических игроков весьма далек от завершения, чему наглядным примером является Сирия, которая, по сути, стала заложницей «высокой» политики с ее влиятельным энергетическим фактором.

Наблюдаемый сегодня новый виток глобальной энергетической гонки, в эпицентре которой оказалась Сирия, обусловлен целым комплексом причин. Тезисно обозначим несколько ключевых.

Во-первых, ввиду существенного роста населения планеты и мирового промышленного производства мировой спрос на первичную энергию, как ожидается, с 2010 до 2035 г. увеличится минимум на треть и будет удовлетворен именно за счет нефти и газа, а не альтернативных энергоносителей [15, 20]. Это порождает опасения по поводу истощения углеводородных ресурсов, а также ставит в международную и национальную повестку дня проблему их доступности. Так, по данным британской корпорации «BP», при сохранении энергопотребления на уровне 2013 г. разведанных запасов нефти хватит на 53,3 года, природного газа — на 54,8 года [15]; расчеты американской «ExxonMobil» выглядят более тревожно [20]. Как правило, действительность опровергает подобные пессимистические прогнозы, тем не менее вопрос о грядущем «ресурсном голоде» остается предметом жарких политических и академических дискуссий на протяжении уже более 100 лет. Вместе с тем история предлагает массу примеров к тезису о том, что любая масштабная информационная кампания на тему надвигающегося «нефтегазового коллапса» неизменно свидетельствует о начавшемся процессе изменения баланса сил на мировой энергетической арене. На этот раз полем энергетической битвы стала Сирия, и ставки в новой «большой энергетической игре» как никогда высоки.

Во-вторых, мировые запасы углеводородов, ключевые центры их производства и потребления размещены на планете географически неравномерно. Главной нефтяной «кладовой» мира остается Ближний Восток, но, обладая почти половиной мировых достоверных запасов нефти (47,7 % в 2014 г.), регион обеспечивает лишь треть (31,7 %) мировой нефтедобычи (что, впрочем, позволяет ему прочно удерживать лидирующие позиции в мировом нефтеэкспорте), а среди потребителей занимает довольно скромное место (9,3 %). Значительные диспропорции обнаруживаются и в отношении природного газа. Большая часть его мировых запасов (58 %) сосредоточена всего в четырех странах: Иране (18,2 %), России (17,4 %), Катаре (13,1 %) и Туркменистане (9,3 %), на долю которых приходится лишь 28,8 % мирового производства и 17,1 % потребления. Для сравнения: по Евросоюзу указанные показатели в 2014 г. составили соответственно 0,8, 3,8 и 11,4 %, по Китаю — 1,8, 3,9 и 5,4 % [16]. Вполне естественно, что страны — владельцы нефтегазовых ресурсов стремятся максимально увеличить свою долю на глобальном рынке первичной энергии, прежде всего за счет увеличения поставок в промышленно развитые и динамично развивающиеся страны, энергоемкость

которых, по оценкам экспертов, в долгосрочной перспективе будет возрастать и значительно превышать собственный потенциал по добыче [15, 20]. Это, в свою очередь, будет побуждать заинтересованных игроков активно включаться в глобальную энергетическую гонку, причем с акцентом именно на ее газовую компоненту, поскольку, в отличие от мирового рынка нефти, международный раздел которого продолжался в течение всего XX в. и в целом уже завершен, рынок газа относительно «молод» и пока не стал глобальным [14].

В-третьих, глобализация и регионализация, размывание экономических и идеологических барьеров существенно меняют субъектное поле мировой энергетической политики XXI в. Хотя международное сообщество по-прежнему можно условно разделить на «мир производителей» и «мир потребителей», первый «мир» при сохранении доминанты ОПЕК довольно быстро расширяется за счет правительств и энергетических корпораций России, государств Центральной Азии, Каспийского региона, Латинской Америки и Африки; активно включаются в борьбу за «место под солнцем» антисистемные игроки (например, в лице ИГИЛ). Группа потребителей уже представлена не только США и странами Запада, но и динамично развивающимися экономиками Восточной и Южной Азии и Латинской Америки. Все они в той или иной степени образуют новые центры силы с растущими глобальными амбициями, что в условиях незавершенности трансформации системы международных отношений в целом и отсутствия эффективных международно-правовых подходов к урегулированию возникающих кризисных ситуаций порождает новые угрозы международной и национальной безопасности.

В-четвертых, географическая отдаленность главных центров производства и потребления углеводородов актуализирует проблему их переброски к мировым рынкам во всех ее аспектах (экономичность, безопасность, стабильность и т. д.). Сегодня нефть транспортируется преимущественно морским путем, природный газ — наземным по трубопроводным системам (несмотря на активное внедрение технологий сжижения газа, позволяющих перевозить его по морю танкерами на большие расстояния). В проблеме международного нефтегазового транзита заложен исключительно высокий конфликтный потенциал, поскольку при принятии соответствующих решений (на корпоративном, национальном или региональном уровнях) заинтересованные игроки вынуждены руководствоваться не столько экономическими, сколько стратегическими императивами. Это объективно переводит вопросы транзита на уровень глобальной политики, где они в конечном итоге и решаются, исходя из текущего расклада сил на мировой политической арене. Особенно наглядно данный тезис иллюстрируют такие энергоресурсные регионы, как Персидский залив, Центральная Азия и Каспий. Хрестоматийным примером с этой точки зрения уже стала и сирийская драма.

Сирия всегда была незначительным игроком на глобальном энергетическом рынке ввиду довольно скромной доли в мировых запасах нефти (0,1 %) и газа (0,2 %) [16]. Однако в районе Восточного Средиземноморья Сирия остается самым крупным их производителем, даже несмотря на внушительное сокращение объемов добычи нефти и газа в результате военного конфликта. Энергетическая

отрасль всегда являлась стратегической для сирийской экономики: доходы от экспорта нефти (до 2012 г. порядка 95 % сырой нефти вывозилось в Европу) были основным источником пополнения госбюджета страны, обеспечивая примерно четверть совокупных государственных расходов. Сирийские нефтяные и газовые месторождения, контроль над которыми сегодня пытаются получить (или удержать) все стороны конфликта, преимущественно сосредоточены в малонаселенных частях страны (на востоке и северо-востоке) и соединены с густонаселенными прибрежными районами (Дамаск, Хомс, Алеппо) системой трубопроводов [2].

Региональное и глобальное значение сирийского энергетического сектора внушительно возросло в 2009–2010 гг. в связи с разработкой правительством Б. Асада новой энергетической стратегии страны и обнаружением колоссальных запасов нефти и газа в бассейнах Леванта (вдоль берегов Сирии, Ливана, Израиля, Газы, Кипра) и Нила (на севере Египта). В этой связи важно подчеркнуть тот факт, что нефтегазовые запасы Ближнего Востока еще далеко не полностью исследованы. Так, за вековую историю промышленной разработки нефти в зоне Персидского залива там появилось всего около 2 тыс. разведочных скважин (пробуренных методом «дикий кошки», т. е. наугад), в то время как в США — более 1 млн. В Ираке, например, имеется лишь 2,5 тыс. нефтяных скважин всех видов (разведочных, оценочных, разработочных и т. д.), а в одном только Техасе их 1 млн [6]; газовые же резервы Ирака еще только предстоит оценить [13, 104]. Поэтому череда успешных нефтегазовых разведок на Ближнем Востоке, которая так удивляет мировую общественность (в числе последних «сенсаций» — обнаружение крупного газового месторождения на контролируемых Израилем Голанских высотах в октябре 2015 г.), является вполне закономерной и не исключает возможности как дальнейших открытий, так и неизбежно последующей за ними схватки за энергоресурсы региона [17]. Примечательно, например, что первые антиправительственные выступления в Сирии вспыхнули именно в тех городах и районах, где располагаются ключевые объекты энергетической инфраструктуры страны, а кампании гражданского неповиновения неизменно сопровождалась многочисленными терактами на предприятиях нефтегазовой отрасли. Первые и наиболее жестокие столкновения между правительственными войсками и оппозицией произошли в марте 2011 г. в г. Хомс, где незадолго до этого было обнаружено новое газовое месторождение, которое сирийские власти оперативно стали вводить в эксплуатацию [12, 19].

Но главная ценность и стратегическое преимущество Сирии — это ее географическое расположение в центре Ближнего Востока, что неизбежно повышает геополитическую значимость страны. Нефтяные ресурсы региона преимущественно сосредоточены в зоне Персидского залива, прежде всего в трех странах, исторически конкурирующих друг с другом, — Иране, Ираке и Саудовской Аравии. В этом же районе залегают крупнейшие в мире разведанные запасы природного газа — супергигантское, относительно легкодоступное месторождение, расположенное в территориальных водах Катара (месторождение «Северное», которое вывело Катар на третье место в мире по запасам природного газа и, по оценкам экспертов, позволит этой стране добывать газ в нынешних внушительных объемах не менее

160 лет) и Ирана (месторождение «Южный Парс», которое содержит около половины суммарных газовых ресурсов Ирана, мирового лидера по запасам газа). Промышленная разработка месторождения «Северное/Южный Парс» началась в 1990–1991 гг. при активном участии американских, европейских и японских ТНК — в катарской зоне, европейских, российских, китайских, южнокорейских и малазийских ТНК — в зоне контроля Ирана. Соответственно в национальной повестке дня Катара и Ирана встал вопрос о выходе на емкие рынки сбыта, в первую очередь в Европе и Восточной Азии [4].

Развитие региональной системы транспортировки энергоресурсов началось еще в 1934 г. с пуском в эксплуатацию первого на Ближнем Востоке трансграничного нефтепровода, по которому ближневосточная (иракская) нефть впервые вышла на мировые рынки, минуя Персидский залив. Нефтепровод состоял из двух веток, проложенных из Ирака (Киркук) к Средиземному морю по маршрутам Сирия — Ливан (Триполи) и Иордания — Палестина (Хайфа). В 1952 г. было завершено строительство нефтепровода Киркук — Банияс. Сегодня это основная транзитная артерия, идущая по Сирии к прибрежным сирийским и ливанским нефтеперерабатывающим заводам, к которой в районе известного по медиасводкам г. Хомс присоединяется труба с сирийских месторождений. Главная проблема данной нефтепроводной системы состоит в том, что ее маршрут пересекает зоны контроля ИГИЛ (долины Евфрата и район печально известной Пальмиры, где, кроме того, расположены крупные газовые поля), а сирийские нефтепромыслы на северо-востоке страны находятся под курдским контролем. Курды также контролируют основной сухопутный, практически по границе обходящий Сирию, путь иракской нефти на Турцию (Киркук — Джейхан). Отсюда и появление прогнозных сценариев по «встраиванию» контролируемых курдами сирийских месторождений в турецко-иракскую трубу.

Другая стратегически важная трансрегиональная трасса, пролегающая по территории Сирии, — это так называемый «Арабский газопровод», ставший примером успешного энергетического сотрудничества четырех арабских стран. В 2001–2009 гг. газопровод был проложен от Египта через Иорданию до Сирии (Хомс, Банияс) и Ливана (Триполи). Готовность к сотрудничеству в рамках данного регионального проекта в свое время также выражали Израиль, Ирак и Турция. С открытием крупных газовых запасов на шельфе Восточного Средиземноморья стала рассматриваться возможность подключения «Арабского газопровода» к «Набукко». В связи с военным конфликтом в Сирии сирийский участок трубы был перекрыт, а подконтрольные другим странам сектора регулярно становятся объектами терактов [1, 8].

В целом к настоящему времени на Ближнем Востоке было построено восемь трансрегиональных трубопроводов, и каждый был перекрыт как минимум один раз, преимущественно по военно-политическим причинам. Ввиду высокого уровня конфликтности в регионе основным для вывоза энергоресурсов с Ближнего Востока остается обходной морской путь через Персидский залив. Следуя данным маршрутом, танкеры с нефтью и сжиженным газом вынуждены проходить через узкие и весьма уязвимые со стратегической точки зрения морские

артерии — Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы и Суэцкий канал, причем любая дестабилизация обстановки в прибрежных странах чревата перебоями энергопоставок. Наиболее напряженная ситуация сложилась вокруг Ормузского пролива, контролируемого Ираном. Многие аналитики затрудняются предсказать масштаб последствий перекрытия пролива для мировой экономики и энергетики. Проблема Ормузского пролива неоднократно приводила к вооруженным конфликтам, последним из которых является война в Сирии.

В 2009 г. Башар Асад обнародовал энергетическую стратегию Сирии, согласно которой страна должна была превратиться в новый энергетический центр Ближнего Востока. Предложенный Б. Асадом проект «Четырех морей» предусматривал строительство сети газопроводов, позволявших соединить морские акватории, окружающие Сирию по периметру всего Леванта (Каспий, Средиземное и Черное моря, Персидский залив). Катар сразу обратился к Дамаску с предложением о прокладке по сирийской территории газопровода со своего месторождения Северное в Турцию и далее в Европу. Однако Асад мыслил свой проект шире — как объединение Ближнего Востока под эгидой Сирии в рамках единой нефтегазотранспортной системы с выходом к Средиземному морю. Особо раздражающим для Дохи, а также ее аравийских и западных партнеров стали недвусмысленные реверансы сирийского президента в сторону Ирана и России [12, 19].

К моменту дестабилизации политической обстановки в Сирии Дамаск принял ряд конкретных шагов по реализации своих энерготранзитных планов, дополнившихся программами наращивания перерабатывающих мощностей страны в районах Пальмиры и Ракки, которые сегодня находятся под контролем ИГИЛ, а последняя даже провозглашена его столицей [12]. По-видимому, последней каплей, переполнившей «чашу терпения» остававшихся не у дел заинтересованных энергетических игроков (Катар, Саудовская Аравия, Турция), стало подписание 25 июня 2011 г. в Бушере соглашения о строительстве нового газопровода «Иран (Ассалуэх) — Ирак — Сирия» протяженностью 1500 км, мощностью 40 млрд куб. м в год и стоимостью 10 млрд долларов. Рассматривались также перспективы его ответвления в Ливан и продления по дну Средиземного моря в Грецию, а также варианты поставок сжиженного газа из Ирана в Европу через сирийские и ливанские средиземноморские порты. Этот трубопровод, получивший название «Исламская магистраль», должен был войти в строй в 2014–2016 гг. и обеспечить энергетические потребности Ирака, Сирии, Ливана и Иордании [18]. Спустя месяц после подписания указанного соглашения о своем создании и намерении свергнуть режим Башара Асада объявила «Свободная армия Сирии», что знаменовало переход сирийского внутривнутриполитического кризиса в фазу гражданской войны.

«Исламская магистраль» оказалась в центре крупной геополитической игры, в основе которой лежит геополитическое противостояние между США и Россией. Начало этой «игре» положил в 2002 г. турецко-австрийский проект газопровода «Набукко» мощностью 30 млрд куб. м газа в год, который первоначально планировали проложить из Ирана, Ирака, Азербайджана и Туркменистана через Турцию в Европу. «Набукко» должен был уравновесить российские газовые поставки в Евросоюз. Однако ввиду недостаточной сырьевой базы проект забуксовал:

в настоящее время он обеспечен запасами одного Азербайджана, остальные страны-поставщики были исключены преимущественно по политическим соображениям [7].

Соответственно Запад стал рассматривать в качестве ресурсной базы масштабного проекта по выдавливанию российского газа с европейских рынков страны Персидского залива, а именно Катар и Саудовскую Аравию, которые предложили меридиальное направление поставок своего газа в Европу в обход Ирака через Иорданию и Сирию. В районе г. Хомс трубопровод должен был разветвляться в трех направлениях к побережью Средиземного моря: в Латакию на севере Сирии, Триполи на севере Ливана и Турцию. С учетом газовых ресурсов аравийских монархий мощность катарского газопровода могла превысить и «Исламскую магистраль», и «Набукко», бросая прямой вызов «Южному потоку» — международному проекту под эгидой России, который позволял диверсифицировать поставки российского природного газа в Европу и снизить зависимость поставщиков и покупателей от таких транзитных стран, как Украина и Турция [7, 18].

Очевидно, что в случае сооружения «Исламской магистрали» и «Южного потока» не у дел оставались заинтересованные в катарском газе и проекте «Набукко» США, ряд европейских стран, монархии Персидского залива, Израиль и Турция, претендующая на роль главного мирового транзитера и владельца крупнейшего на побережье Средиземного моря газового хаба. Катар и его союзников на Западе, кроме того, весьма беспокоили перспективы экспорта иранского и сирийского газа в Европу через арендуемый Россией сирийский порт Тартус. «Исламская магистраль» рассматривалась аравийскими монархиями и Турцией не только в качестве серьезного экономического конкурента, но и в контексте межконфессиональных (суннито-шиитских) противоречий — как шиитский газопровод из шиитского Ирана через территории Ирака с его шиитским большинством и дружественной шиитам алавитской Сирии во главе с Б. Асадом [Там же].

Катарский газопроводный проект, помимо прочего, позволяет преодолеть критическую зависимость аравийских нефтедобывающих монархий от ситуации вокруг контролируемого Ираном Ормузского пролива — узкого «бутылочного горлышка» на выходе из Персидского залива в Аравийское море и Индийский океан. В случае перекрытия этой судоходной артерии под ударом также оказываются военно-стратегические позиции США на Ближнем Востоке: американский пятый флот, базирующийся в Катаре, Дубае и на Бахрейне, может выйти в Индийский океан только через Ормузский пролив. Катар, по сути, пробивает новый коридор для экспорта газа, и ключевым звеном в решении этой задачи стала Сирия с ее значением регионального географического перекрестка [7].

Вполне естественно, что катарский проект активно продвигается Вашингтоном, поскольку позволяет нанести сокрушительный удар по энергетическим интересам Ирана, Ирака и Сирии; разрушить иранскую транзитную монополию в Персидском заливе; усилить транзитные позиции Турции, своего союзника по НАТО; предоставить Израилю, другому американскому партнеру по ближневосточным делам, возможность экспортировать свой газ в Европу по наземному маршруту. Успешное решение указанных задач позволит США реализовать более

глобальные геополитические цели — выдавить Россию с европейского газового рынка, ослабив тем самым ее экономические и политические позиции, а также создать условия «ресурсного голода» у своего другого геополитического конкурента — Китая, существенно ограничив его доступ к нефтегазовым ресурсам Персидского залива [7, 12, 14, 18].

«Газопроводная игра на выбывание» в Сирии, по сути, была развернута Катаром и Саудовской Аравией при активной поддержке США и их союзников на Западе. Сравнение карты боевых действий в Сирии с картой конкурирующих трубопроводных проектов неизменно приводит экспертов к выводу о наличии тесной связи между вооруженной активностью сирийской «оппозиции» и ее стремлением контролировать именно районы Дамаска, Алеппо и Хомса, где сходятся маршруты будущих энерготранзитных артерий Ближнего Востока [7, 12, 18, 19]. Ближневосточные оппоненты Сирии используют довольно широкий спектр инструментов давления на Дамаск: финансовое и информационное превосходство (примечательно, что аравийские монархии ведут борьбу с республиканским режимом Б. Асада под лозунгом «защиты демократических ценностей»); военное присутствие США и НАТО в Персидском заливе; вооружение сирийской «оппозиции» (на практике — транснациональных бандформирований); поддержку исламистских сил, способных изменить в свою пользу политический ландшафт Ближнего Востока, и т. д. Тем не менее спонсорам и вдохновителям сирийской войны так и не удалось перевести ее в ливийский формат. В условиях роста непредсказуемости очередных зигзагов мировой и региональной политики аналитики воздерживаются от прогнозов в отношении сирийского кризиса даже на краткосрочную перспективу.

Роль энергетического фактора в геополитическом противостоянии между США и Россией на сирийском поле не исчерпывается соперничеством «Исламской магистрали» и катарского трубопроводного проекта, которые на время утратили свою актуальность. Весьма туманными остаются перспективы «Турецкого потока» (российской альтернативы «Южному потоку»), особенно в свете кризиса в российско-турецких отношениях после событий на сирийской границе 24 ноября 2015 г. Строительство «Набукко» отложено на 2017 г. (формально — из-за технических трудностей), но рассматриваются возможности включения в проект в качестве ресурсной базы иранского газа, а также продукции Эрзерумского месторождения Турции и газовых запасов Восточного Средиземноморья на шельфе Сирии, Ливана и Израиля [14]. Несмотря на войну в Сирии, продолжает возрастать стратегическое значение Арабского газопровода, который в перспективе также может быть подключен к «Набукко» [1].

Картина энергетического среза сирийского конфликта будет неполной без учета целого спектра других сюжетных линий, в разной степени оказывающих влияние на развитие событий в Сирии. В их числе ситуация с освоением и направлениями экспорта энергоресурсов Каспия и Центральной Азии, где стремление местных правительств балансировать на противоречивых интересах глобальных энергетических игроков существенно повышает уровень конкурентного противостояния, что, в свою очередь, корректирует ближневосточный вектор

энергетической политики США, Европы, России и Китая [5, 10]. Не следует забывать и о том, что «война трубопроводов» на Ближнем и Среднем Востоке (построенных и проектируемых) ведется в том числе на землях расселения курдов и белуджей, которые в своих попытках добиться хотя бы автономии активно используют энергетический фактор [9]. Будущая карта ближневосточного энерготранзита зависит и от эффективности борьбы с террористическими группировками, которые, со своей стороны, также имеют собственные подходы к решению политических и энергетических проблем региона. Весьма неоднозначны, казалось бы, уже сложившиеся на Ближнем и Среднем Востоке неформальные альянсы: совпадение интересов их участников в сирийском вопросе отнюдь не исключает наличия между ними глубинных противоречий. Прежде всего это касается взаимоотношений США с Турцией, арабийскими монархиями, Израилем и Пакистаном, отношений в треугольнике Турция — Катар — Саудовская Аравия и т. д. [10]. Следует признать, что приход на европейский газовый рынок Ирана (вне зависимости от того, по какой трубе пойдет его газ — катарской, ирако-сирийской или любой другой) серьезно ослабит позиции российского «Газпрома» в Европе. Более того, энергетика отнюдь не единственная сфера, где Россия и Иран являются прямыми конкурентами [3, 11].

Таким образом, анализ энергетической составляющей сирийского кризиса позволяет осознать масштабность ставки на Сирию со стороны главных геополитических игроков и других многочисленных субъектов ближневосточной политики. Реализация любых энергетических проектов на Ближнем Востоке в конечном итоге зависит от расклада сил на глобальной мировой арене (США, Европа, Россия, Китай), развития военной и политической ситуации внутри самой Сирии, геополитических (в том числе энергетических) интересов соседей Сирии по региону (Турция, арабийские монархии, Иран, Ирак) и стран из сопредельных энергоресурсных регионов (Центральной Азии и Каспия). С учетом того что процесс трансформации глобальной мировой системы еще далек от завершения, можно предположить, что в обозримом будущем геополитическое пространство Ближнего Востока сохранит статус одного из главных мировых очагов международных раздоров и разногласий, энергетических, этноконфессиональных и иных столкновений и антагонизмов. Соответственно и урегулирование сирийского кризиса надолго останется для мирового сообщества уравнением со многими неизвестными.

---

1. Айдрус И. Будущее карты транспортных артерий Сирии // РСМД. 18.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3548#top-content (дата обращения: 23.10.2015).

2. Айдрус И. Военный конфликт в Сирии и его значение для мирового рынка нефти и газа // РСМД. 29.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2744#top-content (дата обращения: 23.10.2015).

3. Выиграет тот, кто наладит отношения с Ираном без оглядки на США: интервью Александры Князева // EurAsia Daily. 23.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/news/2015/11/23/vyigraet-tot-kto-naladit-otnosheniya-s-iranom-bez-oglyadki-na-ssha-intervyu-aleksandra-knyazeva> (дата обращения: 23.11.2015).

4. *Ефимов В.* Россия — Иран — Катар: Борьба за газовые рынки обостряется // Iran.ru. 12.03.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/92846/Rossiya_Iran_Katar_Borba_za_gazovye_runki_obostruetsya (дата обращения: 03.11.2015).

5. *Князев А.* Карт-бланш. Тегеран-2015 рисует контуры нового Среднего Востока с участием Москвы // Независимая газета. 26.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2015-11-26/3_kartblansh.html (дата обращения: 28.11.2015).

6. *Мауджеро Л.* Двукратное «ура» дорогостоящей нефти // Россия в глобальной политике. 03.07.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6824 (дата обращения: 13.10.2014).

7. *Минин Г.* Геополитика газа и сирийский кризис // Фонд стратегической культуры. 25.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2013/05/29/geopolitika-gaza-i-sirijskij-krizis-20759.html> (дата обращения: 03.10.2014).

8. Подрывы газопровода на севере Египта // РИА Новости. 27.07.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/spravka/20110704/397252362.html> (дата обращения: 12.11.2015).

9. *Сатановский Е.* Война на территории трубопроводов // Военно-промышленный курьер. 28.10.2010. № 29 (345) [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/6608> (дата обращения: 27.11.2015).

10. *Сатановский Е.* Между кризисом и катастрофой // Россия в глобальной политике. 23.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdu-krizisom-i-katastrofoi-17823> (дата обращения: 27.11.2015).

11. *Сатановский Е.* Ядерное сотрудничество, газовое соперничество // Военно-промышленный курьер. 29.10.2014. № 40 (558) [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/22455> (дата обращения: 27.11.2015).

12. Сирийский трубопроводный узел // Мировая политика и ресурсы: [сайт]. 29.09.2015. URL: <http://www.wprg.ru/archives/4174> (дата обращения: 20.11.2015).

13. *Томберг Р. И.* Южный вектор российской газовой геополитики // Восточная аналитика : ежегодник 2011. М., 2012. С. 100–105.

14. *Шуейби Имад Фавзи.* Сирия — центр газовой войны на Ближнем Востоке // Сеть Вольтер. Дамаск. 11.05.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voltairenet.org/article174109.html> (дата обращения: 20.11.2014).

15. BP Energy Outlook to 2035 // BP Official Website [Electronic resource]. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/energy-outlook/outlook-to-2035.html> (accessed: 12.09.2014).

16. BP Statistical Review of World Energy June 2015 // BP Official Website [Electronic resource]. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 20.11.2015).

17. *Engdahl W.* Genies and Genocide: Syria, Israel, Russia and Much Oil // New Eastern Outlook. 26.10.2015 [Electronic resource]. URL: <http://journal-neo.org/2015/10/26/genies-and-genocide-syria-israel-russia-and-much-oil-2/> (accessed: 27.11.2015).

18. *Engdahl W.* Syria, Turkey, Israel and the Greater Middle East Energy War // Global Research. Centre for Research on Globalization. 11.10.2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.globalresearch.ca/syria-turkey-israel-and-the-greater-middle-east-energy-war/5307902> (accessed: 10.10.2014).

19. *Engdahl W.* The Secret Stupid Saudi-US Deal on Syria. Oil Gas Pipeline War. The Kerry-Abdullah Secret Deal // Global Research. 26. Oct. 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.globalresearch.ca/the-secret-stupid-saudi-us-deal-on-syria/5410130> (accessed: 24.11.2014).

20. ExxonMobil Outlook for Energy: A View to 2040 // ExxonMobil Official Website [Electronic resource]. URL: <http://corporate.exxonmobil.com/en/energy/energy-outlook> (accessed: 12.09.2014).

Рукопись поступила в редакцию 30 ноября 2015 г.

В ЗАВЕРШЕНИЕ САММИТА ООН ПО КЛИМАТУ В ПАРИЖЕ: НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ И НОВЫЕ РИСКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются экологические, социально-экономические и политические аспекты глобального изменения климата. Анализируются причины и следствия глобального потепления с позиций теории территориальных систем. Исследуются особенности глобального климатического дискурса. Характеризуются возможные сценарии и риски территориального развития в различных регионах мира. Рассматриваются стратегии противодействия климатическим изменениям.

К л ю ч е в ы е с л о в а: глобальное изменение климата, саммит в Париже, территориальные системы, неустойчивость, климатический дискурс, региональные риски развития, «зеленый» капитализм, построст.

12 декабря 2015 г. в Париже завершился саммит ООН, посвященный изменению климата нашей планеты. В нем приняли участие более 40 тыс. представителей из 196 стран мира. Саммиту в Париже придавалось огромное значение. После провала встречи в Копенгагене в 2009 г., которую немецкий философ П. Слотердайк с легкой руки окрестил «консилиумом неверующих» [19], парижский саммит должен был продемонстрировать миру способность политической элиты к совместным, коллективным действиям в решении глобальной проблемы. Действительно, саммит превзошел даже самые оптимистичные ожидания — на нем было принято новое климатическое соглашение, которое в зарубежной прессе назвали историческим [20]. Соглашение призвано остановить дальнейшее нагревание атмосферы Земли. Главным политическим инструментом в противодействии нагреванию стало принятие странами мира обязательств по сокращению выбросов парниковых газов: к 2050 г. рост выбросов газов должен прекратиться и затем ежегодно уменьшаться [Там же].

Увеличение концентрации парниковых газов, и прежде всего CO_2 , считается главной причиной прогрессирующего нагревания атмосферы. Новые обязательства призваны приостановить динамику роста среднегодовых температур воздуха. Международными экспертами озвучена допустимая величина нагревания к 2100 г. — максимально 2°C (по сравнению с уровнем 1850 г.). Данная величина является как бы «порогом толерантности», в пределах которого еще возможно удержание более-менее равновесного состояния глобальной геосистемы. При росте температур на $4\text{--}7^\circ\text{C}$ экологические изменения будут настолько радикальными, что могут привести к коллапсу всех устоявшихся социальных, экономических и политических отношений.

Для достижения поставленных целей к 2100 г., согласно докладу Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC) за 2014 г.,

необходимо сократить глобальные выбросы CO_2 в два-три раза по сравнению с уровнем 2010 г. [9, 22]. В абсолютных показателях эмиссии углекислого газа от сжигания горючих полезных ископаемых не должны превысить в этот период 890 млрд т. Это значит, что средний ежегодный выброс углекислого газа обязан быть на уровне чуть более 10 млрд т, т. е. в три раза ниже современного (глобальные эмиссии CO_2 в 2013 г. составили в мире 36,1 млрд т). Это требует радикальных шагов в экономике, политике, социальной системе. Поэтому, по словам канцлера ФРГ А. Меркель, «на повестке дня в Париже стоит ни больше ни меньше как создание нового экономического и климатического мирового порядка» [21]. Этот порядок будет базироваться на возобновляемых источниках энергии (солнце, воздух, вода), отличаться высокой эффективностью в использовании сырья и энергии, взаимопомощи и сотрудничестве государств в достижении общих целей. Озвученная на саммите «дорожная карта» к новому экономическому и климатическому устройству предполагает революционные шаги по «декарбонизации» национальных хозяйств. Для этого необходимы, во-первых, полномасштабная экологическая модернизация экономик развитых и развивающихся стран, переход на новые экологические технологии; во-вторых, экологическая политика, направленная на защиту, усиление экологических функций природных систем территорий в очищении воздуха, поглощении CO_2 из атмосферы Земли.

Двойной характер экологической модернизации можно рассматривать как отход от односторонней технологичной парадигмы развития человечества. В новом соглашении менеджменту природных систем, созданию копроизводства между природой и человеком в целях защиты климата уделяется существенное внимание. Экологическому развитию развивающихся стран будет способствовать созданный при ООН Климатический фонд (в размере 100 млрд долл. до 2020 г.). Переход к так называемой глобальной «low carbon economy» видится современной политической элитой как действенный метод в стабилизации глобальной геосистемы, в которой за последние 200 лет произошли глубокие изменения. Причиной таких изменений стал резкий дисбаланс взаимоотношений между природными (атмосфера, гидросфера, литосфера, биосфера) и антропогенными подсистемами территорий, который и сегодня, как мы видим, продолжает углубляться, несмотря на постепенное переосмысление целей и направлений социально-экономического развития.

Неустойчивость как главный признак антропоцена

Взаимодействие социальных и природных систем происходит в географическом пространстве. Сплетение взаимодействующих элементов социума и природы образует территориальную систему. Под ней понимают «пространственную близость взаимосвязанных элементов окружающей среды и общества, взаимодействующих на определенной территории» [4, 534]. Территориальные системы являются открытыми системами, реагирующими на воздействие других территориальных систем. В действительности любая территория представляет собой сложное образование с переплетающимися, налагающимися друг на друга

сетевыми взаимодействиями самых различных функциональных структур как внутри, так и вне территориальной системы. С другой стороны, не каждую территорию можно определить как территориальную систему. По-видимому, как и любая система, территория проходит определенные этапы эволюции — от протосистемы к высококомплексному образованию. Например, ареалы проживания индейских племен в Амазонии (скажем, в Бразилии или Эквадоре) можно считать территориальной протосистемой: в них нет четких границ, социальная подсистема слабо структурирована и полностью включена в природные циклы, в круговорот вещества и энергии, человек — часть природы. Судьба территории решается не проживающим здесь населением, а «наверху» — в постановлениях национальных правительств (действующих иногда под давлением глобальных ТНК). Территория может быть отдана под возделывание сельскохозяйственных культур, например сои — в Бразилии, или под разработку нефтяных месторождений (как в Эквадоре), с вытекающими из этого экономическими, социальными и экологическими последствиями. Как правило, экономические интересы практически всегда перевешивают экологические. Дилемма «развития», в категориях западного экономического рационализма, ведет к разрушению жизненных основ проживающего населения. Экономическое развитие в таких протосистемах отражает шаблонные пути западной модернизации в ином культурном контексте. Заимствованные идеи «развития» в большинстве случаев не дают желаемого результата, а, наоборот, создают огромные социальные, экологические и политические проблемы. Поэтому развитие территорий должно проходить в соответствии с нуждами и желаниями населения. Лишь в этом случае есть надежда на развитие [17].

Территориальные системы отличаются друг от друга особенностями взаимодействий их внутренних подсистем. В мире мы можем наблюдать различные модусы отношений внутри территориальных систем, в зависимости от уровня общественного развития, структуры экономики, технологического уклада, культуры, особенностей социума и политической системы. Экономическая деятельность может вступать в противоречие с экологической системой, одновременно углубляя социальное неравенство и расшатывая политическую систему. В свою очередь, природные системы являются тем базисом, на котором выстраивается жизнь общества. От имеющихся природных ресурсов, климата, рельефа, географического расположения территории во многом зависят формировавшийся веками образ жизни человека, его экономическая деятельность, особенности культуры и т. д.

С развитием технологий и изменением организации производства и потребления человек все более становится независимым от своего локального природного окружения. Но данная независимость есть иллюзия, человек как биологическое существо целиком «включен» в потоки циркуляции вещества и энергии, несмотря на то, что его современные функции давно вышли за рамки жизнедеятельности простого биологического организма. Человек остается частью экологической системы, и любые изменения в ней прямо или косвенно отражаются на его жизни.

Взаимоотношения между природными и социальными системами изменяются во времени и пространстве. В различные исторические периоды они качественно различались. В аграрном обществе экономические процессы имели замкнутый,

циклично-круговой характер. Они были аналогичны природным. Товарообмен в натуральной или денежной форме не выходил за рамки регионального рынка, осуществлялся в той же экосистеме. По сути, начало циркуляции производства товара (посев зерна, выделка кожи, использование дерева) выходило из конечной стадии этой циркуляции (остатки пищи, отходы ремесленного производства). В традиционном обществе экономическая деятельность представляла собой стационарный, повторяющийся процесс, находящийся в постоянном равновесии. Как отмечает швейцарский экономист Х. С. Бинсвангер, «в этом простом экономическом процессе (сельское хозяйство и ремесленные мастерские) природа может восприниматься как бесконечный источник производства и место депонирования отходов» [7, 107]. В данной системе человек и репродукция его жизнедеятельности вписаны в природные структуры гармонично. То, что является отходами для экономической системы, становится «сырьем» для экологической. И наоборот, продукты природы становятся базисом для экономической деятельности человека. Этот универсальный круговорот веществ на протяжении истории много раз нарушался, однако до начала XIX в. оставался доминирующим процессом в глобальной территориальной системе (геосистеме).

С конца XVIII в. круговой, стационарный модус взаимоотношений социальной (прежде всего экономической) и природных систем выходит на новый уровень развития: циркуляционные процессы все больше заменяются кумулятивными, нацеленными на экспансию и рост, выход за пределы региональных рынков и за границы региональных экосистем. Это время получило в экономической литературе обозначение индустриальной революции, так как накопление и инвестирование капитала в промышленное производство, базирующееся на горючих полезных ископаемых, стали мотором социально-экономического развития. С точки зрения теорий роста данная стадия является решающей для перехода от традиционного общества к современному. Для нее характерно постоянное реинвестирование экономики во взаимосвязи с техническим прогрессом, специализацией и разделением труда. Одновременно с круговыми процессами производства и потребления набирает силы инвестиционная динамика, которая приводит к постоянному расширению производственных мощностей, усилению потребления товаров и услуг. На этой стадии круговой цикл движения товара уже не вписывается в экологический круговорот: для все увеличивающегося производства требуется все больше природных ресурсов, что приводит к изменению экосистем, уменьшению видового биоразнообразия, разрушению биосферы. Также производимые отходы в виде газов, жидкостей и твердых тел уже не могут «усваиваться» локальными (региональными) экологическими системами, что приводит к их аккумуляции в различных природных средах — атмосфере, океане, почвах и т. д.

Противоречия между экономической и экологической системами, между линейным ростом производства на основе поглощения материально-энергетических ресурсов в экономике и круговой циркуляции веществ в природе стали главной причиной резких «сдвигов» в термодинамике нашей планеты. Особенно с началом глобальной неоллиберальной революции (1990) деструктивные процессы

в глобальной экосистеме усилились. В период 1990–2014 гг. выбросы CO_2 выросли в мире на 57 % (с 22 до 35,3 млрд т). Концентрация углекислого газа в атмосфере, замеренная лабораторией на Гавайских островах, достигла уровня 400 ppmv [9]. По данным Национального управления океанических и атмосферных исследований США (NOAA), 2015 год стал самым теплым годом за весь период мировых метеорологических измерений: средняя температура воздуха на поверхности суши Земли превышала на 1,3 °C среднегодовые температуры XX в., над океанами — на 0,7 °C [31]. Вероятно, глобальная геосистема вступает в новый режим развития — «развития с обострением», где изменения во всех ее подсистемах становятся настолько существенными, что можно говорить о новом этапе ее истории.

В эволюции нашей планеты не раз происходили глобальные метаморфозы, кардинально изменявшие параметры всех природных систем. С современных позиций такие быстрые изменения можно обозначить как катастрофы глобального масштаба. Они и сейчас служат маркерами геологических эпох, бифуркационными точками эволюции планеты. Но никогда в истории Земли ни один существовавший биологический вид не был причиной трансформации геосистемы. Технологическая мощь современного человека стала силой космического масштаба. Человек превратился в геологический фактор, изменяя своей деятельностью параметры всех природных систем планеты. На протяжении последних 200 лет прогрессирующая индустриализация стран, развитие технологий, специализация и географическое разделение труда между странами и континентами были важнейшими факторами подчинения и разрушения природных систем. Логика экономического развития требовала роста любой ценой. И он был уникальным в истории человечества. С момента начала промышленной революции душевые показатели ВВП выросли в мире в десятки, сотни раз, материальное богатство человека резко возросло. Не случайно поэтому начало промышленной революции в мире (приблизительно 1784 г.) ряд исследователей предлагает обозначить как рубеж нового геологического периода — антропоцена¹. Начиная с этого времени происходит не только улучшение экономических сторон жизни человека, но и перманентное увеличение концентрации парниковых газов в атмосфере Земли, кардинальное изменение природных ландшафтов, рост городов, тотальное загрязнение окружающей среды [8].

Благодаря своему разуму человечество стало главной геологической силой на Земле [1]. Эта сила, подчиняя природу, ломая традиционный уклад населения, мобилизуя миллионные массы на достижение целей капитала и укрепление политической власти, превратила экономику, как систему преобразования наличных ресурсов, в товар, в фетиш регионального развития. Другие подсистемы территории стали занимать подчиненную роль. Человек, мечтавший освободиться от материальной нужды и духовного невежества, попал в западню мира вещей. Homo economicus стал внешней силой, слепо разрушающей свое природное окружение, первоначально ради удовлетворения своих естественных нужд, позднее — ради

---

¹ Понятие «антропоцен» было предложено американским химиком, лауреатом Нобелевской премии П. Крутценом и океанологом Ф. Штермером в 2000 г.

искусственных, символических потребностей, подчеркивающих его статус и место в общественной (пространственной) иерархии. «Прекрасный» новый мир жителей развитых стран, словно погруженный в настоящее время в духовную спячку, был создан за счет невиданной в истории эксплуатации природных и социальных ресурсов. Как подчеркивает немецкий философ Р. Курц, логика капиталистического производства в конце концов была направлена на разрушение всей общественной системы: «уничтожение и самоуничтожение есть первое и последнее слово капитализма» [13, 800].

Сегодня главная задача человечества состоит в том, чтобы переформатировать отношения между природными и социальными системами на всем фронте взаимодействий, сделать так, чтобы они вышли на новый уровень, чтобы человек взял ответственность не только за антропомир, но и за всю геосистему. Для этого нужен переход от *homo economicus* к *homo complexus* — к человеку, понимающему всю сложность, взаимосвязанность, единство мира, чувствующему свою когнитивную ограниченность и ответственность за все живое. Необходимо, по мнению французского философа Э. Морена (E. Morin), формирование единого глобального сознания — «земной общины, с единой для всех судьбой» [16]. Э. Морен в своих размышлениях подчеркивает: «дорога из экологического кризиса — не технологии, а реформа нашего мышления. Необходимо охватить отношения между человеком и природой во всей их комплексности и стимулировать реформы цивилизации, общества, жизненных стилей» [Там же, 89].

Важный шаг в этом направлении — переосмысление целей и задач территориального (регионального) развития. Региональное развитие должно проходить под знаком коэволюции природных и социальных систем. Комбинация творчества человека и творчества природы имеет шанс преобразить всю нашу Землю в подлинную планету-сад. Для французского географа Э. Реклю в этом и состоял главный смысл прогресса человечества [6]. В. И. Вернадский видел в наступающей ноосфере схожий конструкт [1, 253]. Также немецкий философ П. Слотердайк говорит о необходимости копроизводства между природой и техникой, превращения планеты в планету-гибрид [25]. И уже сейчас в некоторых точках геопространства мы можем наблюдать процессы перехода к новому образу жизни людей, новому типу ведения хозяйства. В отдельных территориальных системах (отдельные сельские общины Африки, Азии, Латинской Америки; экопоселения в Европе, России; городские кварталы, например, Ваубан во Фрайбурге, ФРГ) делаются первые шаги в направлении гармонизации отношений природных и социальных систем, создания баланса между экономикой, экологией и обществом. Это непросто, учитывая давление неустойчивого окружения, инертность потребительских привычек, консервативность и непонимание властных структур. Но так же, как и на глобальном уровне, в этих регионах возрастает беспокойство за будущее нашей планеты. Эта тревога производит те желанные импульсы, которые ведут к социальным и индивидуальным реформам.

Глобальный климатический дискурс

На протяжении последних десятилетий тема глобального изменения климата все более перемещается в центр международного политического дискурса. На глобальном уровне это выражается в росте численности научных публикаций, докладов, книг, фильмов по данной тематике, в частоте проведения международных научных, политических конференций, симпозиумов, саммитов по климату; в создании комиссий и рабочих групп при международных организациях (ООН, Всемирный банк, ОЭСР) по исследованию и мониторингу климатических изменений, образованию экологических департаментов при национальных и региональных правительствах. Глобальное потепление стало одной из актуальнейших тем современности. Тысячи общественных организаций, благотворительных фондов специализируются на различных проблемах изменения климата. Благодаря их деятельности данная тема проникает в повседневную жизнь людей, получает реальные очертания и остроту.

Изменение климата Земли становится предметом беспокойности и в религиозном дискурсе. И это относится не только к традиционным и синкретическим верованиям, но и к мировым религиям. В июне 2015 г. была опубликована новая энциклика Папы Римского Франциска. В ней он призывает все мировое сообщество серьезно отнестись к экологическим проблемам и выйти из спирали самоуничтожения: «климатические изменения являются глобальной проблемой с серьезными экологическими, социальными, экономическими, распределительными и политическими последствиями и представляют собой на сегодняшний день главный вызов для человечества» [28]. Новой формулой глобальной справедливости должна стать, по его мнению, *интегральная экология* как образ индивидуальной и общественной жизни, как мировоззрение и руководство к действию. В этом отношении мысли Папы Римского совпадают с идеями современных социально-экологических движений, антиглобалистов, альтернативных групп, требующих перемен и противостоящих современному мировому порядку.

Тема глобального потепления волнует не только экспертов, политиков, религиозных деятелей. Она вызывает все большую обеспокоенность у обычных жителей планеты. Практически все население Земли ощущает климатические изменения. Однако существуют различия в восприятии проблемы изменения климата населением глобального Севера и Юга. В странах Севера степень обеспокоенности варьирует в диапазоне от крайне низкого (в Португалии, Эстонии, Болгарии, Польше) до чрезвычайно высокого уровня (в Швеции, Греции, Дании, на Кипре). Во многих развитых странах созданы политические партии, организации, стимулирующие экологическую модернизацию общества. В странах глобального Юга, особенно в тех, которые в наибольшей степени уязвимы, население более всего обеспокоено изменением климата. Во многих странах Юга уже сейчас наблюдается возрастание конкуренции, борьбы за выживание во все более экстремальных погодных условиях. Нередко эта борьба переходит в эксцессы прямого насилия, вооруженных конфликтов, терроризма, вызывает массовую миграцию населения.

«Водораздел» между Севером и Югом отражается на различиях в оценке проблем глобального потепления, что подтверждают данные опросов. По опросу, проведенному в 2013 г. исследовательским центром PEW (Вашингтон, США), было установлено, что 54 % жителей 39 стран мира охвачены сильной тревогой по поводу изменения климата Земли. При этом в развивающихся странах эта проблема волнует людей больше, чем в развитых (в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — 56 % опрошенных, в Латинской Америке — 60 %, в Европе — 51 %, в США — 40 %) [24]. Различное восприятие процессов глобального изменения климата отражает географическую дифференциацию прогрессирующих экологических и социально-экономических последствий изменения климата: развивающиеся страны в более значительной мере подвержены стихийным погодным бедствиям, чем страны Севера. По данным французского исследователя Э. Лаурента, 98 % из 710 тыс. жертв стихийных бедствий в период 1991–2010 гг. — жители развивающихся стран [14]. Это связано как с географическим положением развивающихся государств, расположенных в более экстремальных климатических зонах, так и с низким уровнем защиты гражданского населения, отсутствием финансовых средств для сооружения дамб, плотин, устойчивого жилья, водопроводов, опреснительных установок и т. д. В бедных странах нет даже средств на переселение людей в более безопасные регионы. Поэтому для стран Юга изменение климата — огромная проблема, на адаптацию социума у них нет ни финансовых, ни материальных средств.

В развитых странах изменения климата не воспринимаются населением как прямая угроза. Это может быть объяснено более «мягкими» формами природных катаклизмов, не нарушающих, за редким исключением (наводнение в Новом Орлеане в 2005 г.), циклы экономического и социального воспроизводства. Структурно и пространственно диверсифицированная экономика, высокая региональная самообеспеченность, наличие средств и вовлеченность в мировую торговлю позволяют здесь без больших потерь пережить стихийные бедствия, восстановить разрушенную инфраструктуру, возместить материальные потери как отдельных граждан, так и коммун. Сильное государство имеет больше возможностей защитить социум и экономику от природных катастроф. В США, например, государство субсидирует страховые полисы для фермеров, гарантирующие возмещение до 80 % убытка в случае стихийного бедствия. Застрахованы большинство частных домов, транспорт, объекты инфраструктуры, что гарантирует их быстрое восстановление со стороны страховых компаний. Сейчас подобные формы страховой защиты вводят в государствах Европы и других странах [18].

Другой причиной невысокой обеспокоенности климатической тематикой населения Севера (особенно США) стала продолжающаяся идеологическая схватка между скептиками и сторонниками глобального потепления. Мощный лоббизм «скептиков» глобального изменения климата в развитых странах, за спинами которых стоят могущественные промышленные и финансовые группы, оказывает негативное влияние на общественное мнение и процессы экологической модернизации экономик развитых стран. Особенно в США правый политический сектор сумел организовать сильные научно-идеологические, общественные структуры,

деятельность которых направлена на дискредитацию выводов ученых о глобальном изменении климата. Одна группа «скептиков» подчеркивает естественный характер потепления, связанный с солнечными и земными циклическими колебаниями, полностью отрицает антропогенный характер изменений. Другая группа утверждает, что изменение климата, выраженное в росте среднегодовых температур, вообще есть фикция, ложь левых исследователей «с целью изменения американского образа жизни в соответствии с интересом глобального перераспределения богатства» [27]. Наиболее радикальную позицию по этому вопросу занимает Хартлендский институт в Чикаго. Определенную степень недоверия в дискуссии о глобальном потеплении вносят сами исследователи, работающие в составе Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC). Их риторика, полная неопределенности и неуверенности (использование слов «возможно», «по-видимому», «вероятно»), заставляет задуматься о духовной силе современной науки, о ее способности к генерированию энергии для коллективных действий.

В дискуссиях по экологическим последствиям глобального потепления выделяют два возможных сценария развития. Первый сценарий последствий изменения климата предполагает возрастание и дальнейший рост климатических рисков по всему миру (засухи, наводнения, подъем Мирового океана, таяние ледников) при удержании роста температур до 2–3 °С до 2100 г. Вероятность тех или иных экологических событий при данных параметрах хорошо прогнозируема. Второй сценарий — это нелинейное развитие событий, связанное с экстремальным подъемом температур воздуха за пределы 3 °С. В этом случае глобальная геосистема будет развиваться непредсказуемо. Все мероприятия по прогнозированию и управлению процессами экологических изменений станут просто невозможными. Высокая температура воздуха станет катализатором взаимовлияющих процессов, воздействие которых на крупные региональные природные структуры, имеющие для нашей планеты системообразующее значение, может привести к кардинальному изменению лика и характера нашей планеты. Так, например, ускоренное таяние ледников может привести к резкому подъему уровня Мирового океана. Таяние лишь одного ледникового щита Гренландии обусловит подъем уровня Мирового океана на 7 м [15]. Повышение температуры вод Мирового океана усилит эффект Эль-Ниньо в Южной Америке, в период которого резко сокращается количество выпадаемых осадков. В этот период продуктивность экосистемы Амазонии снижается на 10–20 %. Согласно модели П. М. Кокса (Р. М. Сох) при дальнейшем повышении температуры океанов исчезнет около 65 % лесных массивов Амазонии в результате продолжительных засух к 2090 г. Это значит, что более 3 млн км² территории потеряют функцию резервуара глобального углерода и превратятся в его массовый источник, что еще более усилит парниковый эффект на планете [Там же].

Подъем уровня Мирового океана, изменения циркуляции атмосферы станут главными следствиями нагревания атмосферы. На это указывают дискуссии о будущем островных государств на климатических саммитах. Действительно, существование целых наций — под большим вопросом. Особенно небольшие

островные государства в Тихом океане опасаются своего полного уничтожения. Повышение уровня Мирового океана приведет к затоплению территорий Соломоновых островов, Фиджи, Вануату, Науру, Кирибати, Тонга, Самоа и т. д. Здесь уровень Мирового океана растет в 4 раза быстрее, чем в среднем по миру [29]. Уже сейчас в этих государствах ощущается острая нехватка пресной воды как следствие проникновения морских вод в грунтовые. Изменение глобальной циркуляции атмосферы выражается в росте числа и мощи ежегодных опустошительных циклонов, ураганов. Циклон «Пэм», пронесшийся в марте 2015 г. над островами Тихого океана, признан самым мощным за всю историю метеонаблюдений [26]. Правительства островных государств ищут пути выхода из практически тупиковой ситуации. Так, например, в Республике Вануату в 2005 г. произошло первое плановое переселение жителей с побережья в глубь острова Тэгуа. В другом островном государстве, Кирибати, правительство выкупило более 6 тыс. га земли на острове Фиджи для переселения своих граждан. Еще в 2009 г. президент Кирибати Аноте Тонг просил у Австралии и Новой Зеландии убежища для своих более 100 тыс. соотечественников в связи с угрозой исчезновения государства после 2030 г. [10].

Затопление населенных территорий — одна из многих социально-экономических проблем, вызванных глобальным потеплением. Угрозы глобального изменения климата в различных регионах нашей планеты подробно излагаются в докладах Мирового банка, Программы ООН по развитию, Межправительственной группы экспертов по изменению климата, Римского клуба и др. Дискурс социально-экономических угроз сводится к четырем важнейшим темам: снабжение водой, продовольственная проблема, погода и энергетика.

Новые региональные риски

Региональные различия в восприятии глобального потепления и реальные угрозы изменения климата отражают территориальную асимметрию причин и следствий нагревания атмосферы: главными производителями парниковых газов являются богатые (развитые) страны, а наибольший негативный эффект от этого ощущают наименее развитые государства мира. Согласно статистике на жителя развитых государств приходится около 12,5 т эмиссий CO₂ в год, на жителя развивающихся стран — 0,9 т. В то же время большая часть жертв климатических изменений — жители наименее развитых стран мира. В этом заключена суть нового глобального порядка — *неравенство угроз климатических изменений*. Высокие риски стихийных бедствий, все более ухудшающиеся географические условия делают жизнь людей во многих развивающихся странах крайне тяжелой и практически невыносимой. Глобальное изменение климата способствует еще большему углублению пропасти между бедными и богатыми странами, превращая жизнь людей в отдельных из них в ежедневную борьбу за скудные ресурсы и выживание (см. таблицу).

Наиболее «ранимым» регионом глобального изменения климата остается *Африка*. По данным Межправительственной группы экспертов по изменению

Взаимосвязь между уровнем жизни населения, эмиссии CO₂ и смертности от природных катастроф между богатыми и бедными странами мира (1974–2003)

Страна	ВВП/чел., долл. США (2002)	Эмиссии CO ₂ т/чел.	Число ежегодных жертв (на 100 тыс. населения)
Люксембург	44 000	24,5	0
США	37 000	17	59
Норвегия	31 800	9,3	5
Ирландия	30 500	10,4	4
Канада	29 400	16,7	72
Сомали	550	0,06	2701
Бурунди	600	0,03	674
Д. Р. Конго	610	0,05	114
Малави	670	0,08	8748
Эритрея	740	0,09	6402
Эфиопия	750	0,07	5259
Мадагаскар	760	0,10	2090

Источник: Составлено автором по [14, 101; 33].

климата (IPCC), многие регионы континента будут испытывать огромные проблемы в водоснабжении по причине долгих засух и низкого количества выпадаемых осадков. Уже сейчас в отдельных странах лишь малая доля населения обеспечена водоснабжением. В Сомали доля такого населения составляет 8,8 %, в Демократической Республике Конго — 29, в Анголе — 34, в Мозамбик — 35 %. В целом в Африке уже к 2050 г. недостаток воды будут испытывать порядка 600 млн человек [10, 52]. Засухи принесут огромный урон сельскому хозяйству. И без того низкая производительность крестьянских хозяйств еще более сократится, что вызовет острые продовольственные проблемы. Социальными последствиями изменения климата станут многочисленные вооруженные конфликты между различными этническими группами за обладание и контроль над исчезающими ресурсами. Это вызовет мощные волны миграции из региона в направлении Европы и более-менее стабильных стран Азии. «Климатические беженцы» Африки станут доминирующей частью глобальной вынужденной эмиграции.

В Азии проблема недостатка воды будет еще сильнее усугубляться прогрессирующим изменением климата. Внутренние территории региона станут одними из самых засушливых мест мира, а дефицит воды — одной из важнейших причин политических конфликтов между государствами. Уже в начале XX в. французский географ Э. Реклю описывает непрекращающиеся войны между народами Центральной Азии за контроль над источниками воды: «каждая капля воды, которую им удавалось добыть, должна быть куплена ценой крови» [5, 492]. Сегодня практически все страны региона испытывают дефицит воды. В 2050 г. от нехватки воды в регионе будут страдать порядка 1 млрд человек. Многие страны будут вынуждены отказаться от возделывания традиционных культур экспорта (хлопчатники в Узбекистане, Туркменистане, Пакистане, Индии), требующих

обильного орошения. Отказ от трудоемких производств при росте численности населения потребует от властей создания рабочих мест в других отраслях хозяйства. Если структурные изменения в экологии не будут сопровождаться параллельными адаптивными мероприятиями в экономике и социуме, то это может привести к резкому обострению социальной и политической обстановки в этом уже сегодня нестабильном регионе.

В Южной и Юго-Восточной Азии, наоборот, быстрое таяние ледников в Гималаях приведет к подъему воды и затоплению прилегающих к рекам Меконг, Хуанхе, Янцзы, Иривади, Брахмапутры, Ганга и Инда территорий. Под угрозой находятся многие города, насчитывающие десятки миллионов жителей (только на берегах р. Ганг проживает более 500 млн человек). Наводнения будут также инициированы более обильными осадками, вызванными муссонными дождями. По оценкам индийских метеорологов, за последние 30 лет сила муссонных дождей выросла в несколько раз, одновременно зимы становятся все более засушливыми. Сильные, обильные дожди в короткое время не только приводят к наводнениям, но и к эрозии и ухудшению плодородия почв, оползням, распространению таких болезней, как дизентерия, холера, малярия и др. В Бангладеш под угрозой затопления находится, при линейном развитии событий до 2100 г., 15 % территории страны с населением около 20 млн человек, затопление грозит городам Японии [10].

Население *Австралии* и *Новой Зеландии* также будет испытывать огромные проблемы с дефицитом воды и многолетними засухами. Как следствие этого — снижение производительности сельского хозяйства, лесные пожары, прогрессирующее исчезновение биологических видов. Повышение температуры воздуха усилит частоту разрушительных ураганов и наводнений. Однако наличие здесь достаточных финансовых и административных ресурсов для преодоления климатических кризисов сделает социальные последствия природных катаклизмов не такими драматическими, как в странах Азии и Африки.

В *Южной Америке* будут набирать силу процессы опустынивания и расширения аридных зон во внутренних районах материка и увеличения количества выпадающих осадков на побережье. Главной причиной этого станет изменение циркуляционных процессов в атмосфере, отражающихся в ритмике и характере такого естественного феномена, как Эль-Ниньо. Как отмечают корейские исследователи, антропогенный фактор играет важную роль в трансформации Эль-Ниньо [Там же, 72–73]. В годы сильного действия Эль-Ниньо наблюдаются неурожай зерновых, сои, кофе, какао, резко снижаются улов рыбы и производства морепродуктов, происходит массовое вымирание планктона, кораллов, что отражается на уловах рыбы и морепродуктов. Так, в 1998 г. Перу потеряла около 1,2 млрд долл. в результате резкого сокращения производства рыбной муки [30]. В годы Эль-Ниньо возрастает опасность социальных и политических конфликтов. По данным К. Ширмайера (Q. Schiermeier), возникновение 1/5 всех гражданских вооруженных конфликтов в мире в период 1950–2004 гг. было связано с действием Эль-Ниньо [32]. Из этого можно сделать вывод, что учащение цикличности и изменение силы Эль-Ниньо будет способствовать возрастанию вооруженных конфликтов во многих регионах нашей планеты.

Изменение климата в *Северной Америке* будет иметь, по мнению экспертов IPCC, как негативные, так и позитивные следствия. Во многих регионах появится возможность возделывания новых культур, улучшатся показатели урожайности и т. д. В других регионах, наоборот, в результате засух и наводнений сельское хозяйство будет испытывать большие трудности. Вероятность стихийных бедствий в виде обильных снегопадов, дождей, ураганных ветров, смерчей непомерно возрастет. Уже сейчас затопление грозит американскому штату Луизиана. В этом штате каждый час исчезает под водами Мексиканского залива территория величиной с футбольное поле. Инвестиции в защитные сооружения не приносят желаемого эффекта. Самый газовый и нефтяной штат США, где насчитывается более 50 тыс. скважин и находится самая густая сеть газо- и нефтепроводов в мире (более 10 тыс. миль), больше всего среди всех американских штатов страдает от следствий глобального потепления, которое во многом обусловлено деятельностью нефтяной и газовой промышленности [10].

В *Европе* последствия глобального изменения климата будут относительно мягки. Ряд регионов улучшат показатели сельскохозяйственного производства, туризма (Северная и Центральная Европа), в других регионах (юг Европы Италия, Греция, Кипр, Испания, Португалия, Мальта), наоборот, засухи и высокие температуры принесут большой ущерб экономическому, социальному и, может быть, политическому капиталу территорий. По-видимому, в них так же, как и в странах Средней Азии, будут происходить структурная трансформация хозяйства и постепенный отказ от орошаемого экспортоориентированного сельского хозяйства и водоемких промышленных производств. Другой проблемой станет адаптация населения к изменившимся климатическим условиям, и прежде всего к волнам горячего воздуха в летний период и обильным дождям в зимний. Жара в Европе в 2003 г. унесла более 70 тыс. человеческих жизней. Ее жертвами стали главным образом пожилые люди. С того времени во многих странах были проведены комплексные мероприятия по защите населения: в домах престарелых, больницах, школах были установлены кондиционеры, улучшено снабжение водой, создана социальная служба опеки пожилых людей в экстремальных ситуациях [18].

Огромной проблемой для Европы станет сдерживание все более усиливающихся притоков «климатических беженцев» из стран Азии и Африки. Уже сейчас наплыв беженцев в Европу (самый большой за всю ее послевоенную историю) ярко демонстрирует пределы солидарности между странами ЕС, их финансовые возможности и толерантность к беженцам местного населения. Во всех странах ЕС растут антимиграционные, правые движения, направленные против мигрантов. По-видимому, в будущем тенденции «закрытия» Европы будут прогрессировать, с одновременной кооперацией ЕС с другими странами по решению гуманитарных вопросов.

В *России* глобальное изменение климата будет иметь больше негативных последствий, чем позитивных. Это связано с географическим положением страны: 60 % ее территории находится в зоне вечной мерзлоты. Глобальное потепление уже сейчас приводит к таянию промерзших территорий. Эффект таяния будет иметь катастрофические последствия как для экономики (разрушение зданий,

размывание железных и автомобильных дорог, проседание газо- и нефтепроводов), для общества (отказ от традиционного образа жизни, потеря рабочих мест, миграция), так и для экологических систем (заболочивание местностей, гибель лесов, высвобождение связанного мерзлотой метана). Экономический ущерб может достигать ежегодно 1,5–2 % ВВП страны. Освоение ресурсов Сибири будет затруднено. Кроме того, постепенный отказ от углеродных носителей топлива, переход к «low carbon economy» стран Европы, куда направлены основные потоки сибирской нефти и газа, может сделать дальнейшую разработку месторождений нецелесообразной. Большие надежды возлагают на экономическое освоение шельфа Северного Ледовитого океана, развитие транспортных морских путей. Мнения экспертов по этому поводу неоднозначны. Декларируемый новый экономический порядок (черты которого пока туманны), реализация идей устойчивого развития могут кардинально изменить действующую модель глобального разделения труда, основанную на снижении издержек за счет пространственного растягивания производственных цепочек, в которых большая часть создаваемой прибыли оседает в развитых странах. Регионализация экономики, в том числе и энергетики, резко сократит трансконтинентальные перевозки, поэтому надежды на значительный экономический эффект от использования новых транспортных коридоров скорее всего не оправдаются.

Благоприятным для развития сельского хозяйства может оказаться изменение климата на территориях европейской части России и Южной Сибири. Большее количество тепла и солнечных дней сделают возможным увеличение сбора зерновых, выращивание кукурузы, винограда и других южных культур. Это позволит сократить зависимость России от импорта продовольствия, увеличит продовольственную самообеспеченность и автономию. Также и обладание самыми большими в мире водными ресурсами представляет с экономической точки зрения важнейший экспортный ресурс. Возможно, что вместо нефти и газа Россия станет крупнейшим в мире экспортером пресной воды. В этих условиях необходима хорошо продуманная новая стратегия экономического развития. К сожалению, в имеющихся стратегиях развития страны нет ни слова о трансформации глобальной экологической системы и адаптации экономики к новым реалиям.

Пути преодоления кризиса

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что наступающие десятилетия XXI в. будут для человечества далеко не «золотым веком» и, конечно, не концом его истории (по Ф. Фукуяме). Скорее всего, они будут наполнены новыми военными конфликтами, экономическими и политическими кризисами, социальными потрясениями, волнами миграций, сравнимыми с переселением народов в I тыс. н. э., поставят многие регионы на грань гуманитарной катастрофы. Новые вызовы потребуют напряжения всех духовных сил человечества. Мировые проблемы невозможно решить шаблонными методами. Для их решения нужны инновации — духовные, технологические, социальные, экологические. Лишь единое, солидарное человечество, не разделенное искусственными национальными, культурными,

идеологическими водоразделами, сможет преодолеть климатический кризис. Какие возможные пути развития и выхода из этого положения?

По мнению современного немецкого философа П. Слотердайка, XXI в. войдет в историю как век метеорологической трансформации. По своему значению она равносильна христианской реформации в Новое время. В этой трансформации возможно два варианта развития: экологическая модернизация или построст. Современный статус-кво, продолжение развития на основе конвенциональных источников энергии и технологий, потребительских привычек приведет к разрушению глобальной экологической системы, полному истощению ее ресурсов. При таком варианте развертывания событий нашу планету ждет будущее, описанное в книге американского исследователя Джеймса Хансена. В ней он предсказывает полную стерилизацию биосферы Земли и повышение температуры на ее поверхности до 100 °С [11].

Первый вариант развития — «зеленый капитализм» — подразумевает преодоление климатического кризиса технологическим путем. Этот сценарий развития широко поддерживается современной политической элитой развитых стран. Экологическая модернизация, на основе перманентного производства технологических инноваций (возобновляемые источники энергии, новые материалы, био- и нанотехнологии, искусственный фотосинтез и т. д.), позволит сократить эмиссии парниковых газов, приблизить производственные циклы к природным, что позволит снизить нагрузку на планетные ресурсы. При этом «зеленый капитализм» не требует изменений существующих общественных отношений, организационных форм производства, потребления. В основе этой доктрины лежат экономический рост, нерегулируемый рынок, свободная торговля, но в определенных экологических и социальных границах. По сути, Green New Deal есть продолжение существующей экономической модели, только в ее модифицированном виде: вместо устаревших технологий появляются новые, отвечающие новым экологическим требованиям и стандартам. Движение по спирали развития продолжается. Поэтому во многих странах развитие экологических отраслей считают не только эффективным методом борьбы с глобальным изменением климата, но и мощным фактором экономического роста территорий, усиления их позиций в мировой торговле, лидерства в новом экономическом цикле. Не случайно в ряде стран именно государство является главным инициатором экологической модернизации (например, Германия). Но и здесь мы видим, что «экологическая модернизация» встречает на своем пути огромное сопротивление со стороны традиционных отраслей, особенно лоббистских структур автомобильной, угольной промышленности и аграрного сектора.

Оптимизм сторонников экологической модернизации не разделяют представители концепции построста (Degrowth, Decroissance, Postwachstumstheorie) — целого научного и социального направления, получившего широкое распространение в Великобритании, Франции, Германии и Швейцарии. Наиболее знаменитыми его протагонистами являются проф. Т. Джексон из Великобритании, автор книги «Процветание без роста», и немецкий проф. Н. Печ (N. Paech), создатель теории построста. Главная критика «зеленого капитализма» заключается

в том, что, несмотря на введение сберегающих технологий, экологических продуктов, потребление сырья и энергии как в мире, так и в отдельных странах не сокращается, а, наоборот, возрастает. Главная проблема — современная модель потребления, в основе которой находится короткий жизненный цикл продукта, сокращенный период смены одних товаров другими. Действительно, в странах ЕС в 2015 г. сроки эксплуатации телевизоров, стиральных, посудомоечных машин, ноутбуков уменьшились за 15 лет более чем в два раза [22]. Их заменили более современными моделями. Так и с экологической модернизацией: производство экотехники для достижения климатических целей потребует таких затрат сырья и энергии, что их реализация ни в 2030, ни в 2050, ни в 2100 гг. станет невозможной. Экономический рост, все равно какого «цвета», обозначает огромное потребление ресурсов [12]. Единственный выход — экономика без роста. Это означает уменьшение потребления и производства, «экономика обмена», сокращение рабочего времени в пользу свободного, ориентация в производстве не на прибыль предприятия, а на социальную стабильность, производство «долгоживущих» товаров, сокращение производственных цепочек, регионализация экономики, изменение потребительского поведения и т. д. [23]. По мнению Н. Печа, экономика построста — единственный, безальтернативный на сегодняшний день путь развития. Лишь переход глобальной территориальной системы в новый режим развития (более замедленного, с прекращением роста и даже сжатием социальных систем) может предотвратить грядущую катастрофу.

Синергетика показывает, что смена стадий развития в эволюции систем является необходимым условием для сохранения их функциональных свойств. Циклы роста и сжатия, замедленного и ускоренного развития характерны для всех аутопоэзных систем. В истории человечества стадии замедленного развития наблюдались не раз (например, Средневековье) [3, 168]. Различные геопространства и различные подсистемы территорий асинхронны в их развитии, но, эволюционируя, взаимозменяют друг друга. По аналогии с демографическим развитием населения планеты, которое, как мы видим, уже прошло стадию ускоренного развития (темпы прироста населения сократились), можно прогнозировать также уравнивание и экономического развития [2]. Уже сейчас мы видим, что развитые страны «де факто» стоят одной ногой в фазе «охлажденного» экономического развития. Низкий экономический рост (1,5–2 % ВВП), миллиардные инвестиции в рекламу, конъюнктурные программы, государственная поддержка для поддержания слабого роста — признаки «сжимающегося» общества.

Замедление процессов развития не означает возврат в прошлое, автоматическое ухудшение жизненных условий. Наоборот, перед человеком открываются новые пространства для творчества, эксперимента, создания новых отношений, форм проживания, стилей жизни, которые, возможно, сделают его жизнь более насыщенной, гармоничной, счастливой. Э. Морен говорит о поэтической жизни, к которой надо стремиться [16, 293]. Может быть, лишь на стадии медленного развития человек начнет ценить другие стороны бытия, которые ему были недоступны из-за нехватки времени в водовороте борьбы за выживание и социальный статус. Но такая стадия еще не наступила. Страх перед неизвестным заставляет

жить и действовать людей по традиционным схемам, мешает инновационному развитию и глубоким реформам. Изменение климата, возможно, станет тем общественным толчком, который окажет более сильное воздействие на развитие человечества, чем все предыдущие технологические, духовные и социальные инновации. У человечества есть шанс почувствовать свое единство, общность планетарной судьбы, свою хрупкость и уязвимость перед лицом реальной глобальной угрозы и предпринять коллективные шаги в сторону масштабных изменений.

1. Вернадский В. И. Биосфера и Ноосфера. М., 2004.
2. Капица С. П. Демографическая революция и Россия. Век глобализации. 2008. № 1. С. 128–143.
3. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М., 2011.
4. Котляков В. М., Комарова А. И. География: понятия и термины. М., 2007.
5. Реклю Э. Человек и Земля. СПб., 1909. Т. 5 : Новая история. Современная история.
6. Реклю Э. Человек и Земля. СПб., 1909. Т. 6 : Современная история.
7. Binswanger H.C. Vorwärts zur Mässigung. Perspektiven einer nachhaltigen Wirtschaft. Hamburg, 2009.
8. Chakrabarty D. Das Klima der Geschichte: Vier Thesen // KlimaKulturen. Soziale Wirklichkeiten im Klimawandel. Harald Welzer, Hans-Georg Soeffner, Dana Giesecke (Hg.). Frankfurt ; N. Y., 2010.
9. Climate Change 2014. Synthesis Report. Summary for Policymakers. N. Y., 2015.
10. Gonstalla E. Das Klimabuch. Hamburg, 2012.
11. Hansen J. E. Storms Of My Grandchildren: The Truth About the Coming Climate Catastrophe and Our Last Chance to Save Humanity. N. Y., 2000.
12. Klingholz R. Sklaven des Wachstums. Die Geschichte einer Befreiung. Frankfurt a/M, 2014.
13. Kurz R. Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgang auf die Marktwirtschaft. Frankfurt a/M, 1999.
14. Laurent E. Demokratisch, Gerech, Nachhaltig. Die Perspektive der Sozial-ökologie. Bern, 2012.
15. Messner D. Globale Strukturanpassung: Weltwirtschaft und Weltpolitik in den Grenzen des Erdsystems // KlimaKulturen. Soziale Wirklichkeiten im Klimawandel. Harald Welzer, Hans-Georg Soeffner, Dana Giesecke (Hg.).
16. Morin E. Der Weg. Für die Zukunft der Menschheit. Hamburg, 2012.
17. Ostrom E. Was mehr wird, wenn wir teilen. Von gesellschaftlichen Wert der Gemeingüter. München, 2011.
18. Aus dem Hitzesommer 2003 gelernt // Stuttgarter Zeitung. 15.07.2015.
19. Das 21 Jahrhundert beginnt mit dem Debakel vom 19. Dezember // Süddeutscher Zeitung. 20.12.2009.
20. Das Abkommen zur Rettung der Erde // Stuttgarter Zeitung. 14.12.2015. № 289.
21. Hürdenlauf bis zum Pariser Gipfel // Ibid. 20.05.2015. № 114.
22. Immer mehr Elektrogeräte gehen früh kaputt // FAZ. 01.03.2015. [Electronic resource]. URL: www.faz.net (accessed: 01.03.2015).
23. Jenseits der Krise // Natur. 2015. № 6.
24. Klimawandel bereitet Sorgen // Stuttgarter Zeitung. 26.06.2013.
25. Sloterdijk P. Wie groß ist "groß". Rede auf der Klimakonferenz in Kopenhagen // Die Welt. 17.12.2009.
26. Апокалипсис в Вануату: циклон «Пэм» признан одним из самых мощных в истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2425833> (дата обращения: 22.07.2015).
27. Кляйн Н. Капитализм vs. Климат [Электронный ресурс]: URL: <http://commons.com.ua/kapitalizm-vs-klimat/> (дата обращения: 29.06.2015).

28. Обнародована энциклика Папы Франциска *Laudato si'* [Электронный ресурс]: URL: <http://www.katolik.ru/vatikan/122559-obnarodovana-entsiklika-papy-frantsiska-laudato-si.html> (дата обращения: 09.06.2015).

29. An Islander's Bid to Be the World's First Climate Refugee [Electronic resource]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-03-30/an-islander-s-bid-to-be-the-world-s-first-climate-refugee> (accessed: 10. 07.2015).

30. EL Niño und seine Auswirkungen auf die Weltwirtschaft [Electronic resource]. URL: <http://www.elnino.info/k5.php> (accessed: 22.07.2015).

31. NOAA. Global Analysis — Annual 2015 [Electronic resource]: URL: <https://www.ncdc.noaa.gov/sotc/global/201513> (accessed: 28.01.2016).

32. *Schiermeier Q.* Climate cycles drive civil war [Electronic resource]//Nature. 24.08.2011. URL: <http://www.nature.com/news/2011/110824/full/news.2011.501.html> (accessed: 25.07.2015).

33. CO2 Emissionen pro Kopf (metrische Tonnen) — für alle Länder. Factfish [Electronic resource]. URL: <http://www.factfish.com/de/statistik/co2+emissionen+pro+kopf>. (accessed: 15.07.2015).

Рукопись поступила в редакцию 11 сентября 2015 г.

УДК 327.82(470:477) + 323.276

Р. С. Мухаметов

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается состояние межгосударственных отношений России и Украины. Автор отмечает, что в период 2010–2013 гг. отношения Москвы и Киева характеризовались нормальным двусторонним диалогом, имели прагматичный характер, между странами наблюдалось конструктивное взаимодействие. Показано, что приход к власти на Украине П. Порошенко привел к резкому ухудшению отношений Киева с Москвой. Автор делает вывод, что главная причина ухудшения российско-украинских отношений лежит в смене правящей элиты на Украине в результате государственного переворота в феврале 2014 г.

Ключевые слова: Россия, Украина, Янукович, Порошенко, государственный переворот.

Для большинства государств их основные внешнеполитические приоритеты сосредоточены в том географическом регионе, где они расположены. Поэтому отношения с соседними странами всегда имеют важное, ключевое значение, составляют первый забот дипломатов.

Российско-украинские отношения занимают особое место во внешней политике России. Украина является одним из самых крупных по территории и населению и мощным по своему промышленному и военному потенциалу государством Восточной Европы, непосредственно граничащим с Россией. Этой стране принадлежит уникальная роль в определении внешнеполитического статуса самой России. Украина способна служить как барьером, так и мостом российско-европейского сотрудничества.

Межгосударственные отношения между Москвой и Киевом имеют большое значение и выходят за двусторонние рамки, влияют на характер интеграционных процессов на постсоветском пространстве, на военно-политическую обстановку в Европе.

Основной целью данной статьи является анализ современного состояния, проблем и перспектив развития российско-украинских отношений. Хронологические рамки исследования охватывают период президентства на Украине В. Януковича (2010–2013) и П. Порошенко (с 2014 г. по настоящее время).

При президенте В. Януковиче официальный Киев проводил многовекторную политику, которая заключалась в поддержании Украиной хороших отношений как с западными странами (с США, Евросоюзом и НАТО), так и с восточными соседями (сотрудничество с Россией). Многовекторность подразумевала внеблоковость и нейтралитет Украины по отношению к системам коллективной безопасности — НАТО и ОДКБ. В частности, президент В. Янукович своим указом от 2 апреля 2010 г. ликвидировал межведомственную комиссию по вопросам подготовки страны к вступлению в НАТО. Другим указом он упразднил национальный центр по вопросам евроатлантической интеграции. Кроме того, 1 июля 2010 г. парламент Украины принял закон «О принципах внутренней и внешней политики», который предусматривал, что основным принципом внешней политики страны является соблюдение Украиной политики внеблоковости, что означало неучастие Киева в военно-политических союзах. Другими словами, из основных направлений внешней политики исключалось стремление страны к членству в НАТО (возможное присоединение Украины к альянсу воспринималось и воспринимается Россией как угроза ее национальной безопасности). Отказавшись от вступления в НАТО, Киев сосредоточился на развитии сотрудничества с Европой (евроинтеграции) при сохранении добрососедских отношений и стратегического партнерства с Россией [6, 31–35].

Одним из основных направлений внешней политики Украины при Януковиче была евроинтеграция. Развитие Украины определялось в общем контексте европейской интеграции с ориентацией на фундаментальные ценности общеевропейской культуры: права человека, либерализация, свобода передвижения, свобода получения образования любого уровня. Интеграционный процесс заключался во внедрении европейских норм и стандартов в образование и науку, в интеграции в общеевропейское интеллектуально-образовательное и научно-техническое пространство. В практическом плане шла работа над заключением соглашения об ассоциации Украины с Европейским союзом.

В то же время Виктор Янукович взял курс на сближение с Россией. Отношения Москвы и Киева характеризовались нормальным двусторонним диалогом, имели прагматичный характер, между странами наблюдалось конструктивное взаимодействие: были активизированы экономические связи, налаживалось экономическое сотрудничество Украины с Россией, обсуждались планы по развитию кооперации по ряду направлений (авиастроение, судостроение, космическая отрасль, атомная энергетика). Одним из главных достижений явилось подписание 21 апреля 2010 г. в Харькове соглашения, продлевающего пребывание Черноморского флота РФ в Крыму после 2017 г. на 25 лет [8, 65].

При П. Порошенко был выбран прозападный курс внешней политики страны. Главным направлением внешнеполитической деятельности стала европейская и евроатлантическая интеграция. Новое руководство Украины отказалось от многовекторной политики В. Януковича. Однозначным приоритетом Украины стало приближение к членству в ЕС и вступление в НАТО. Так, парламент Украины в декабре 2014 г. отменил внеблоковый статус страны, закрепив в законодательстве курс на сближение с НАТО. Изменения, предусматривающие отказ от внеблокового статуса, были внесены в законы «Об основах внутренней и внешней политики» и «Об основах национальной безопасности Украины». В документах были прописаны новые цели — членство в ЕС, интеграция в евроатлантическое пространство, углубление сотрудничества с НАТО. В статье «Приоритеты национальных интересов» закона «Об основах национальной безопасности Украины» теперь указано, что внешнеполитическим приоритетом страны является «интеграция Украины в европейское политическое, экономическое, правовое пространство с целью обретения членства в Европейском союзе и в евроатлантическое пространство безопасности». В пояснительной записке к новому закону говорилось о причине такого решения: «Внеблоковый статус Украинского государства, который был закреплен в законе “Об основах внешней и внутренней политики”, оказался слабоэффективным в контексте обеспечения безопасности Украины от давления и внешней агрессии» [14]. Другими словами, НАТО рассматривается Украиной как гарантия территориальной целостности страны и государственного суверенитета. Кроме того, правительство А. Яценюка 21 марта 2014 г. подписало политическую часть соглашения об ассоциации с ЕС, а 27 июня 2014 г. — экономическую часть; 16 сентября 2014 г. Соглашение об ассоциации было ратифицировано Верховной радой и Европарламентом. Как нам представляется, для Киева США, НАТО, Запад в целом не просто партнеры, с которыми нет принципиальных разногласий, это то политико-экономическое и культурное пространство, в которое Украина стремится влиться, став его составной частью. Таким образом, исключительно прозападный вектор внешней политики Украины не отвечает национальным интересам России.

Приход новой власти на Украине привел к резкому ухудшению отношений Киева с РФ. Киев после февральского госпереворота стремится свести до минимума сотрудничество с Москвой, особенно в военно-технической сфере. В частности, с конца марта 2014 г. Украина приостановила отгрузку в Россию товаров военного назначения. 16 июня 2014 г. президент страны Петр Порошенко полностью запретил сотрудничество с РФ в сфере ВПК. 20 мая 2015 г. Правительство Украины приняло решение о прекращении действия соглашения о военно-техническом сотрудничестве с Россией, заключенного 26 мая 1993 г. [17, 21]. 21 мая 2015 г. Верховная рада Украины приняла законы о денонсации ряда соглашений о военном сотрудничестве с Россией: о транзите через территорию Украины российской военной техники, грузов и военнослужащих; об организации военных межгосударственных перевозок и расчетов за них; о сотрудничестве в отрасли военной разведки и о взаимной охране секретной информации [15].

В целом военно-техническое сотрудничество на протяжении последних десятилетий прочно связывало промышленность двух стран. Глава Минпромторга РФ Денис Мантуров в апреле 2014 г. оценил общий портфель российских гражданских и военных заказов, размещенных на украинских предприятиях, в 15 млрд долл. США или 8,2 % ВВП Украины. Замдиректора московского Центра анализа стратегий и технологий Константин Макиенко оценил объем экспорта украинских товаров для нужд российского ВПК в 1 млрд долл. в год. Конструкторские бюро «Южное» и «Южмаш» (Днепропетровск) сотрудничали с ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) России, занимаясь обслуживанием, продлением срока службы и поставкой запасных частей для межконтинентальных баллистических ракет Р-36М2 («Воевода», по классификации НАТО – «Satana»). Кроме того, «Южмаш» сотрудничал с Россией в области космических запусков (ракеты-носители «Днепр» и «Зенит»). Украинская корпорация «Мотор Сич» поставляла в Россию вертолетные, авиационные и ракетные двигатели [1]. Результатом сворачивания сотрудничества с Москвой явилось падение товарооборота между странами (см. таблицу).

Показатели внешней торговли товарами и услугами между РФ и Украиной

Год	Товарооборот, млн долл. США
2009	25 858,8
2010	41 565,0
2011	55 523,8
2012	51 402,1
2013	44 960,0
2014	26 872,8

Источник: Торгово-экономическое сотрудничество между Украиной и Россией [Электронный ресурс]. URL: <http://russia.mfa.gov.ua/ru/ukraine-ru/trade> (дата обращения: 19.05.2015).

Виктор Янукович во время своей президентской предвыборной кампании обещал, что он постарается придать русскому языку статус второго государственного. Однако после выборов сделал заявление, что украинский язык будет единственным государственным языком, но при этом в стране в обязательном порядке будет внедрена Европейская хартия региональных языков. Во исполнение этих слов Верховная рада 3 июля 2012 г. приняла инициированный Партией регионов законопроект «Об основах государственной языковой политики», а 8 августа 2012 г. В. Янукович его подписал. Согласно закону в тех регионах Украины, где негосударственный язык являлся родным минимум для десяти процентов населения, ему может быть присвоен статус регионального. Этот статус означал, в частности, что язык используется в делопроизводстве и при общении местных органов власти с гражданами. После принятия закона русскому языку был официально предоставлен статус регионального в ряде городов и областей Украины, в том числе в Крыму [7, 272–278]. В Москве данное решение было воспринято положительно, так как сохранение и укрепление позиций русского языка и русской

культуры в сопредельных с Россией государствах отвечает внешнеполитическим приоритетам страны.

При новой власти Верховная рада 23 февраля 2014 г. приняла решение об отмене закона «О государственной языковой политике», который позволял придавать официальный статус русскому и другим негосударственным языкам на территории республики. Однако 1 марта 2014 г. исполняющий обязанности президента Украины А. Турчинов наложил вето на отмену закона. Тем не менее на Украине прекращено вещание 14 российских телеканалов (Первый канал, Всемирная сеть, РТР-Планета, НТВ Мир, Россия-24, ТВСИ (ТВ Центр-Интернэшнл), Лайф Ньюс, Russia Today) и т. д. [16]. Кроме того, государственное агентство Украины по вопросам кино запретило к показу 162 фильма и сериала, которые были произведены в России [2]. Ограничение российского информационного пространства на Украине рассматривается в Москве как шаг, который отрицательным образом влияет на межгосударственные отношения двух государств.

Украинская языковая политика направлена на вытеснение русского языка из политического, правового, культурного и информационного пространства страны. С нашей точки зрения, основная цель заключается в том, чтобы взять реванш за дискриминацию украинского языка и культуры в периоды русской и советской истории, дерусифицировать и украинизировать все сферы жизни на Украине. Нынешней правящей элитой Украины русскоязычное население страны зачастую воспринимается как «пятая колонна». Русский язык трактуется националистами как язык колониального прошлого. Сторонники единственного украинского государственного языка опасаются угрозы со стороны русского языка как самому украинскому языку, так и украинской культуре. Они считают, что более мощный русский язык является препятствием для развития украинского языка и литературы, что в условиях молодого национального государства русский язык может угрожать потерей и самой украинской идентичности [10]. Эксперты выделяют основные мифы «украинского языкового проекта»: миф о существовании самобытного украинского языка, миф о насильственной русификации Украины и миф о современном процессе дерусификации и возвращении к национальному украинскому языку [3].

В. Янукович не только в предвыборных лозунгах декларировал приверженность Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП), но и за годы президентства показал, что является практикующим верующим РПЦ, продолжил свое членство в совете при Патриархе Московском и всея Руси Кирилле, участвовал в молитвах только с духовенством канонической церкви, ни на какие молитвенные мероприятия государственного масштаба не приглашал представителей Киевского патриархата [20].

При П. Порошенко отношение украинского государства к УПЦ МП помешалось кардинально. На сегодняшний день негативное отношение к УПЦ МП обусловлено искусственно нагнетаемой истерией в украинских СМИ. Так, с их подачи УПЦ МП стала «агентом Кремля»; организацией, укрывающей «титушек» и «зеленых человечков»; пособницей руководителей «террористов»; организацией, вооружающей боевиков в своих храмах, и т. д. Положение усугубила деятельность клириков Украинской православной церкви Киевского патриархата (УПЦ КП).

На телевидении они выступали и выступают с требованием запрета деятельности УПЦ МП на территории Украины [18]. Новые власти периодически посещают храмы УПЦ КП, награждают их представителей государственными наградами.

В годы президентства В. Януковича украинская власть высказывалась за примирение противников и сторонников реабилитации Организации украинских националистов (ОУН), Украинской повстанческой армии (УПА). В. Янукович не противодействовал прославлению ОУН-УПА, но и не способствовал. Глава государства не имел ничего против того, чтобы оставить за современными последователями украинских националистов из ОУН-УПА право «читать героев». Позиция президента Януковича была примерно такая: Украина является демократическим государством, где каждый вправе уважать и чтить тех героев, каких хочет. В то же время 21 апреля 2010 г. Донецкий апелляционный административный суд признал незаконным указ, изданный президентом Виктором Ющенко, о присвоении звания Героя Украины главнокомандующему УПА Роману Шухевичу и отменил его. Иными словами, формально В. Янукович никакого отношения к отмене указа не имел, но это было символично.

При П. Порошенко процесс реабилитации-героизации ОУН-УПА и ряда других националистических структур и формирований, их идеологии, целей и участников стал демонстративным. В частности, Парламент Украины принял закон о признании воинов организаций ОУН и УПА борцами за независимость Украины в XX в. и предоставил им право на социальные гарантии [9].

На Украине идет процесс формирования украинской нации и соответственной украинской национальной идентичности. После госпереворота 22 февраля 2014 г. тенденция отчуждения жителей Украины от общего с жителями России исторического прошлого доведена до крайности: украинская идентичность стала больше ассоциироваться с Галичиной, Шухевичем, униатством, радикальным национализмом, бытовым насилием, русофобией, антисемитизмом и политикой прямых силовых действий. Частью официальной идеологической доктрины Украины стала концепция «титового украинского этноса» как основы украинской политической нации. Данная концепция лежит в основе политики украинской этнической консолидации. Иными словами, украинская идентичность формируется на сугубо этнической основе, к тому же в ее галицкой версии, и при исключении из этого процесса всех неукраинцев [12]. Частью политики национальной памяти на Украине является русофобия. В рамках данной идеологической доктрины весь стержневой исторический сюжет выстраивается вокруг тезиса о борьбе украинцев за независимость от России. «Переписывание истории» на Украине выразилось в изменении трактовок всех значимых исторических событий с целью вычленив из истории Российской империи и СССР собственную, национальную часть [13]. Новые власти, пытаясь построить украинское государство в качестве «не-России», перевоспитывают народ на принципах русофобии, ненависти к Москве. Украинизация идет рука об руку с вытравливанием из народного сознания любых проявлений русскости (советскости).

Порошенко и Яценюк стремятся утвердить в государстве и обществе националистическую идеологию и так называемый «национально-украинский взгляд»

на прошлое. Эта историческая концепция является важнейшей составляющей украинского национального проекта. Своим происхождением она обязана идеологии украинского движения (украинства). В соответствии с идеологическими постулатами украинского движения украинская нация преподносится как совершенно особая по происхождению, культуре, истории, не имеющая ничего общего с прочим Русским миром. «Украина» рассматривается как «не-Россия» и даже как «анти-Россия». Важнейшим постулатом, который данная историческая концепция позаимствовала из идеологического арсенала украинства, является представление о России как об извечной противнице и угнетательнице украинского народа, против которой тот вел непрерывную борьбу. Эта борьба — квинтэссенция всей концепции, там — ее герои и предатели, ее друзья и недруги, там сталкиваются «национальное добро» и «российское зло». Цель украинского движения — построение украинской нации и «Украины» [4].

В идеале «настоящий» гражданин Украины — это индивид, который говорит только по-украински; отказывается участвовать в коммуникации с использованием русского языка; считает, что вся официальная и политическая жизнь и вся сфера повседневности (реклама, телевидение, обучение и т. п.) должны быть украиноязычными; считает, что все население Украины в обязательном порядке должно говорить на украинском языке; видит в Украине самостоятельную страну с самобытной культурой, неотъемлемой частью которой является украинский язык; определяет тех, кто говорит по-русски, как приверженцев соседней враждебной страны (России); считает, что никакой проблемы русского языка в Украине не существует; поддерживает государство в его политике повсеместного распространения украинского языка; считает, что Украина должна вступить в НАТО и ЕС [19, 49–50].

С февраля 2014 г. отношение украинцев к России и россиянам, а также россиян к Украине и украинцам значительно ухудшилось. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного Киевским международным институтом социологии и российской негосударственной исследовательской организацией «Левада-Центр». Так, например, количество положительно настроенных к России украинцев резко снизилось с 78 % в феврале до 52 % в мае. Доля же украинцев, которые негативно относятся к России, выросла почти втрое: с 13 % в феврале до 38 % в мае. Ухудшение отношения украинцев к России касается всех регионов. Наибольшая доля положительно настроенных к России украинцев остается в восточном регионе (77 %, было 92 %) и в южном регионе (65 %, было 86 %). В центральном регионе положительно относятся к России 43 % (в феврале — 76 %). Наименьшая доля их в западном регионе (30 %, было 70 %). В России количество положительно настроенных к Украине россиян уменьшилось почти вдвое — с 66 до 35 %. Количество негативно настроенных, наоборот, увеличилось за этот же период с 26 до 49 % [11]. По данным другого опроса, число граждан РФ, положительно настроенных к Украине, уменьшилось с 60 % (январь 2014 г.) до 20 % (январь 2015 г.), а негативно настроенных за тот же период увеличилось с 4 до 28 % [5].

Таким образом, можно констатировать, что в России на смену дружелюбной лексике по отношению к украинцам времен В. Януковича пришла почти

враждебная, откровенная неприязнь, слышатся обвинения в предательстве «братской любви» и «родственной близости».

Как нам представляется, главная причина ухудшения российско-украинских отношений лежит в смене правящей элиты на Украине в результате государственного переворота в феврале 2014 г. Данная «революция» привела к власти политическую оппозицию, которая резко сменила вектор внутренней и внешней политики страны. Оппозиция изначально ориентировалась на Запад и недоброжелательно относилась к Москве, обвиняя ее в поддержке президента Виктора Януковича, который, по ее мнению, проводил «антинародную» политику. Резкое ухудшение отношений между Москвой и Киевом было также обусловлено присоединением Крыма к России и началом военного конфликта на востоке Украины. Киевские власти обвиняют Российскую Федерацию в аннексии Крыма и прямой военной поддержке «сепаратистов» на Донбассе, говорят о вторжении регулярных российских войск в Украину. Москва неоднократно заявляла, что непричастна к событиям на востоке Украины, не является стороной внутриаукраинского конфликта (с точки зрения Москвы это гражданская война) и заинтересована в преодолении Украиной кризиса дипломатическим путем. Официальный Киев с середины апреля 2014 г. проводит на востоке Украины силовую операцию, направленную против недовольных февральским госпереворотом жителей региона, где было объявлено о создании Донецкой и Луганской Народных Республик. В Москве данную спецоперацию называют карательной и призывают Киев медленно ее прекратить.

---

1. Военно-техническое сотрудничество Украины и России : досье [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/1266442> (дата обращения: 15.05.2015).

2. Госкино Украины запретило показ 162 российских фильмов и сериалов [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/culture/20150604/1068148322.html#ixzz3dmSEmszO> (дата обращения: 16.05.2015).

3. Малер-Матязова Е. Украинский язык как мифологема «украинского проекта» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravaya.ru/look/7054> (дата обращения: 17.05.2015).

4. Марчуков А. В. О «национальной концепции истории Украины» и фальсификациях [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/history/o_nacionalnoj_koncepcii_istorii_ukrainy_i_falsifikacijah_2010-11-22.htm (дата обращения: 20.05.2015).

5. Международные отношения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/09-02-2015/mezhdunarodnye-otnosheniya> (дата обращения: 15.05.2015).

6. Мухаметов Р. С. Внешняя политика России в ближнем зарубежье : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2015.

7. Мухаметов Р. С. Российско-украинские отношения и президентство Януковича // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 4.

8. Мухаметов Р. С. Украина между Евросоюзом и Россией: опыт геополитического анализа // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2013. № 3.

9. На Украине УПА причислили к «союзникам» по антигитлеровской коалиции [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20150409/1057569814.html#ixzz3ZRSNXuRQ> (дата обращения: 18.05.2015).

10. Неменский О. Ориентация на Россию в общественно-политической жизни Украины [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspectivy.org/rus/gos/orijentacija_na_rossiju_v_obshhestvenno-politicheskoj_zhizni_ukrainy_2014-04-24.htm (дата обращения: 19.05.2015).

11. Отношение украинцев к России резко ухудшилось : опрос. 17.06.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://news.liga.net/news/politics/2178890otnoshenie_ukraintsev_k_rossii_rezko_ukhudshilos_opros.htm (дата обращения: 17.05.2015).

12. Пироженко В. История и политика как орудие фашизации Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.og.com.ua/st1635.php> (дата обращения: 17.05.2015).

13. Пироженко В. Политика исторической памяти на Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1466614/> (дата обращения: 16.05.2015).

14. Рада приняла закон об отказе Украины от внеблокового статуса [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20141223/1039768806.html> (дата обращения: 15.05.2015).

15. Рада Украины разорвала соглашения с РФ о военном сотрудничестве [Электронный ресурс]. URL: <http://rusnovosti.ru/posts/374207> (дата обращения: 18.05.2015).

16. Украина запретила вещание 14 российских каналов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unian.net/politics/953168-ukraina-zapretila-veschaniye-14-rossiyskih-kanalov.html> (дата обращения: 15.05.2015).

17. Украина прекращает экспорт в Россию товаров военного и двойного назначения [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1404866> (дата обращения: 19.05.2015).

18. Факты гонений в отношении Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) на Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/72684.htm> (дата обращения: 15.05.2015).

19. Чимирис Е. Фактор языковой идентичности в украинской политике // Космополис. 2007. № 2.

20. Юрьев И. УПЦ и власть в Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2010/12/19/upc-i-vlast-v-ukraine.html> (дата обращения: 15.05.2015).

21. Яценюк: Украина разрывает военно-техническое сотрудничество с РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1981948> (дата обращения: 20.05.2015).

Рукопись поступила в редакцию 6 июля 2015 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091) + 101.9 + 82(091)

В. Т. Звиревич

ВЕРГИЛИЙ-ФИЛОСОФ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МАКРОБИЯ

В «Сатурналиях» и в «Комментарии на “Сновидение Сципиона”» Макробий создает представление о Вергилии как о философе, привлекая его стихи для описания и объяснения некоторых природных явлений и философских вопросов. В качестве дополнения был использован комментарий грамматика Сервия на сочинения Вергилия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Макробий, Вергилий, Сервий, поэзия и философия.

В «Сатурналиях» Макробий рассматривал творчество Вергилия как вершину римской мудрости. В конце первой книги участники беседы в дни Сатурналий называют дарования Вергилия. Симмах отмечает его «сильные риторические находки» [5, 1, 24, 14] (рассуждения об этом представлены в четвертой и пятой книгах). Ветгий Претекстат и Флавиан указывают на его ученость в жреческом праве [Там же, 1, 24, 16–17] (этому посвящена книга третья). Особенно же значимы для нас слова Евстафия об охватившем его «восхищении от астрологии и всей философии», которую Вергилий «рассыпал по своему произведению» [Там же, 1, 24, 18]. Это позволяет допустить, что Макробий, возможно, предполагал также показать значение произведений Вергилия для философии, что сподручнее всего было сделать в виде выступления философа-неоплатоника Евстафия, о чем и свидетельствует завершающая беседу реплика Претекстата: «Потому что философия является даром богов и наукой наук, надо уважить [ее правом] вступительного слова, в связи с чем Евстафий мог бы припомнить, что ему [всегда] уступали первое место при обсуждении, когда шло изложение всякого разного» [Там же, 1, 24, 21]. Но, к великому сожалению, какое-либо рассуждение о философии Вергилия в «Сатурналиях» отсутствует, а намеченная, по-видимому, в начале третьей книге речь Евстафия [Там же, 3, 2, 6] не сохранилась в дошедших до нас рукописях.

Тем не менее стремление связать Вергилия с философией выражено вполне определенно. Вот весьма примечательное высказывание Претекстата, который имеет при этом в виду Вергилия: «Не думай, мой Авиен, будто сообщество

поэтов, когда они рассказывают о богах, не заимствует основу по большей части из святилищ философии» [5, 1, 17, 2]. Эту наметившуюся тенденцию превратить Вергилия в философа улавливает и критик всего и вся Евангел, который замечает по поводу сказанного о Вергилии: «Пожалуй, как греки превозносят все свое до бесконечности, мы тоже хотим, чтобы философствовали даже наши поэты» [Там же, 1, 24, 4]. И он упрекает собеседников в том, что их угодливость привела Вергилия к философам [Там же, 1, 24, 9].

В «Комментарии на “Сновидение Сципиона”», написанном Макробием для разъяснения той картины мира, которая нарисована в трактате Цицерона «О государстве», также говорится о принадлежности Вергилия к философам. Макробий прямо называет здесь Вергилия и поэтом, и философом одновременно. Более того, он изображает Вергилия непререкаемым философским авторитетом. При упоминании Вергилия Макробий в некоторых случаях не преминет наделить его похвальными эпитетами: «Вергилий, ни в одной науке не вполне несведущий» [8, 1, 6, 44]; «голос (sententia) Марона из сокровенной глубины науки» [Там же, 1, 7, 3]; «ученейший из вещей певцов» [4, 1, 13, 12]; «Вергилий, самый сведущий во всех науках» [8, 1, 15, 12]; Вергилия «никогда не окутывало заблуждение ни одной науки» [Там же, 2, 8, 1].

Можно отметить, что иногда Макробий ищет для него оправдание, если встречает не совсем точное словесное описание какого-либо научного положения. Мы имеем в виду разбор выражения Вергилия «per ambas [zonas]», когда он говорит о вращении (verteret) зодиака (signorum ordo) [2, 1, 238–239; 8, 2, 8, 1]. У Вергилия формально (вербально) получается, что зодиак и соответственно солнце проходят через оба умеренных климатических пояса (per temperatas [zonas]) [8, 2, 8, 2], в то время как область их движения ограничена северным и южным тропиками, отделяющими умеренные зоны от экваториального пояса, так что они (зодиак и солнце) проходят лишь под, около или близ умеренных поясов (sub ambas temperatas [zonas]), но не через них (per ambas). Макробий допускает, что использование выражения «per ambas» вместо «sub ambas» можно отнести на счет «poetica licentia» [Там же, 2, 8, 5]. Но он больше склоняется к тому, что Вергилий употребил выражение «per ambas» вместо «inter ambas» (между обоими [поясами]), и находит у него подтверждение тому, что в обычае самого поэта (more ipsius poetae) было ставить предлог «per» вместо «inter» в следующих стихах: «[Змей] и этак и так (circum perque) оплетает Арктово обоих» [2, 1, 245; 8, 2, 8, 6]. Макробий разъясняет, что созвездие Дракона вьется вокруг и между Большой и Малой Медведицами (circum eas et inter eas volvitur), а не через них (per eas) [8, 2, 8, 7]. Можно сослаться также и на комментарий грамматика Сервия — кстати, персонажа «Сатурналий» — на этот стих из «Георгик»: «Ведь [Змей] проскальзывает через ту и другую [Медведицу], *то есть между* [ними] *двумя*, касаясь хвостом Большой (maiorem) [Медведицы], брюхом достигая Малой (minorem)» [12, 1, 245].

В другом случае Макробий защищает высказывание Вергилия, которое буквально означает, что созвездие «Пса заходит (Canis occidit)», уступая место восходящему Тельцу [2, 1, 218]. На деле же Пес, «соседний с Тельцом, не виден, скрытый близостью света [солнца]». Поэтому, полагает Макробий, Вергилий в действительности

говорит о том, что Пес «пропадает (occidere)», «fades away» [9, 161], потому что, когда Телец приводит [с собой] солнце, тогда он начинает быть невидимым при соседстве солнца» [8, 1, 18, 15]. Дополним сказанное несколькими положениями из объяснений Сервия: «О чем же [Вергилий] говорит “заходит (occidit)”, он отнес к нашему зрению. Ведь суть два восхода и захода: один ἡλιακός, то есть солнечный, и другой κοσμικός, то есть мировой; откуда бывает, что те созвездия, которые вместе с солнцем восходят, не могли бы быть видимы нами» [12, 1, 218].

Превращение Вергилия в авторитетнейшего философа явно связано с тем, что Макробию нужно было убедить в правильности своих положений именно, так сказать, широкого римского читателя, и ссылки на великого поэта Рима служили этому намного лучше, чем указание на мнение греческих философов. М. С. Петрова отмечает, что «Макробий писал для латинского читателя и помимо греческих использовал латинские сочинения» [7, 79]. И далее пишет: «Повидимому, большинство выбранных фраз, вставленных в собственный текст, были хорошо известны латинским читателям... они были “на слуху” у римлян и широко использовались. Употребляя знакомые цитаты, Макробий делал шаг навстречу латинскому читателю» [Там же, 93].

Итак, Макробий создает облик Вергилия-философа, во-первых, вскрывая рациональный смысл его мифопоэтических образов. Такой подход к Вергилию мы видим в «Сатурналиях», в заключительной реплике Евстафия при рассмотрении истории римского календаря. По поводу перехода римлян от лунного календаря к солнечному он приводит слова Вергилия: «Вы, что по кругу небес ведете бегущие годы, / Либер с Церерой благой!» [2, 1, 6] — и дает им такое толкование: он обозначил «в этом обращении вожатыми года как солнце, так и луну» [5, 1, 16, 44]. В комментарии грамматика Сервия это немного конкретизируется: «Их бегом исчисляются времена; ведь посредством луны показывается месяц, посредством солнца — год» [12, 1, 6]. Такое объяснение созвучно современным представлениям о том, что философы сделали акцент на физическом (природном) содержании мифологических образов богов [6, 146–147], что и обнаруживается в стихах Вергилия. Вслед за тем Претекстат уже прямо говорит [5, 1, 18, 23], что Вергилий знал то, «что Либер-отец есть солнце и Церера — луна», и подкрепляет это ссылкой на стихи, в которых они связываются с плодородием почвы и созреванием плодов»: «Через ваши деяния почва / Колосом тучным смогла сменить Хаонии желудь» [2, 1, 7]. При этом подразумевается, что, согласно римским народно-мифологическим представлениям, Либер — это бог виноделия, а Церера — богиня земледелия и хлебных злаков.

Встречается подобное истолкование Вергилия [1, 3, 60] и в «Комментарии» Макробия: «А вот древние называли [небом] самого Юпитера, и у богословов Юпитер — это душа мира. Отсюда слова [Вергилия]: *От Юпитера — начало, о Музы, все полно Юпитером*» [4, 1, 17, 14]. Таким образом, и Вергилию приписывается понимание Юпитера как души мира. Интересно то, что Сервий сравнивает эту строку из «Буколик» со строками «Энеиды», в которых говорится о дыхании, питающем мир, и уме, движущем его [3, 6, 726–727], из чего заключает, что Юпитер «есть дыхание (spiritus), без которого ничего не движется и не управляется» [11, 3, 60].

Также и мифологический сюжет о наказании Тития, который использует Вергилий, Макробий относит к такого рода воззрениям — рационально-философским и близким неоплатоникам, согласно которым преисподняя — это наш мир и сами человеческие тела, а поэтому и «описание наказаний взято из самой практики человеческого общежития». Соответственно и цитаты Вергилия он включает в следующий контекст: «Стервятника, *терзающего бессмертную печень* [3, 6, 598], они предпочитали понимать не иначе, как угрызения совести, которая берedit самое нутро... И если [люди] вдруг попробуют успокоиться, она всегда возбуждает заботы, словно *внедряется в отрастающую заново печень*» [3, 6, 600; 4, 1, 10, 12].

Второй путь «прикрепления» Вергилия к философии состоит в том, что Макробий перемещает стихи Вергилия из его сочинений в строй своей философской аргументации, невзирая на то, есть ли какое-либо соответствие между контекстами используемых цитат и его собственного комментария. Разумеется, в этом случае могли иметь место как рационализация мифологических представлений, на что было указано выше, так и придание словам Вергилия чисто философского звучания и даже выражения идей какого-либо философского учения.

В ряде случаев соотношение контекста Макробия с контекстом цитат Вергилия рассмотрено в источниковедческом плане, то есть преимущественно в смысле фиксации их совпадения и расхождения, в указанной выше книге М. С. Петровой [7, 79–93]. Наша же задача заключается в том, чтобы на этом основании сделать выводы, касающиеся формирования образа Вергилия-философа.

При описании видов сновидений Макробий, чтобы подтвердить существование снов-наваждений, привлекает строчку Вергилия о том, что «души усопших к небу шлют наваждения» [4, 1, 3, 6]. Эта строчка содержится в завершении описания путешествия Энея по подземному миру [3, 6, 897], то есть в сюжете чисто мифологическом, но переносится в область психологии, когда наваждения рассматриваются как сопутствующие любовным волнениям [4, 1, 3, 6; 3, 4, 4; 8]. Если воспользоваться выражением Сервия, это можно назвать переходом от поэтически (poetice) изображенного вымысла к природоведению (physiologia) [10, 6, 893]. Такого же рода переносы, но касающиеся уже этики, имеют место в использовании слов Вергилия [3, 6, 664] о наградах мертвым, оставившим по себе добрую память ([Комм. 1, 8, 6]), и о душах, которые «*боятся и жаждут, печалются и радуются*» [4, 1, 8, 11; 3, 6, 733; 7, 81–82].

В отыскании у Вергилия «философской истины» Макробий перетолковывает его изображение подземного мира в шестой книге «Энеиды» в связи с посмертными путями людей. Философы пришли к представлению о том, что души славных людей приходят на небо, в то время как мифология и Вергилий помещают умерших героев в подземный мир. И Макробий, привлекая мнение Гесиода о том, что древние герои, «*некогда люди, теперь, вместе с небожителями они охраняют земное*» [4, 1, 9, 7], стремится обелить Вергилия как философа и говорит: «Это отрицает и Вергилий, который, хотя и отправил, сообразуясь со своим повествованием, героев в преисподнюю, однако не лишает их неба, но отдает им “высокий эфир” и прямо заявляет, что они [там] *знают свое солнце и свои звезды*, чтобы

изложением двуединого учения (*geminae doctrinae*) представить и поэтический вымысел (*poeticae figmentum*), и философскую истину (*philosophiae veritatem*)» [4, 1, 9, 8]. Таким образом, преисподняя Вергилия приобретает философский характер, становится неким микрокосмом: «Здесь над полями высок эфир, и светом багряным / Солнце сияет свое, и свои загораются звезды» [3, 6, 640–641]. Макробий создает у читателя впечатление, что и у Вергилия герои получают блаженное существование как бы на небе. Это «подтягивание» подземного мира Вергилия к небесному философов мы видим и в следующем параграфе [4, 1, 9, 9], в котором Макробий приводит его слова о том, что души «за гробом (*tellure repostos*)» занимаются тем же, чем занимались «при жизни (*vivis*)» [3, 6, 653–654], и заключает, что тем более это свойственно и «принятым обратно на небо». Отметим еще и то, что Макробий подобно Сервию соотносит поэзию с мифологическим вымыслом, а философию — с истинным, разумеется в его понимании, положением дел.

Для указания на значительность чисел «три» и «четыре», из которых, в частности, рождаются музыкальные созвучия, Макробий цитирует стих «Трижды, четырежды тот блажен...» [Там же, 1, 94], в котором, по его мнению, Вергилий желал «изобразить во всем счастливых [людей]» [8, 1, 6, 44]. В таком истолковании строка Вергилия наполняется духом пифагорейского учения. Однако для этого нет достаточных оснований, ибо цитируемые слова взяты из молитвы Энея во время бури, в которой он называет блаженными тех, кто встретился со смертью в бою, а не в кораблекрушении. Натяжка Макробия становится еще более заметной, если обратиться к комментарию Сервия, который чисто грамматически понимает слова Вергилия: «“Трижды, четырежды”, то есть многократно; конечное число вместо бесконечного» [10, 1, 94].

Очередное «подтягивание» Вергилия к пифагорейско-платоновским воззрениям имеет место тогда, когда Макробий пишет о том, что сочетание души с телом определяется числами; пока они сохраняются, тело одушевлено; конец же телу приносит «иссякновение его чисел» [4, 1, 13, 12–13]. И для подтверждения, а равно и выражения этого ему очень подошли слова Вергилия «...*explebo numerum reddarque tenebris*» [3, 6, 545]. Поэтому нам кажется, что, в согласии со своими рассуждениями, Макробий мог вкладывать в слова «*explebo numerum*»¹ тот смысл, на который среди прочего указывает Сервий: «“*explebo*” означает (*est*) “я уменьшу (*minuam*)”... пониманием, следовательно, является: я уменьшу ваше число и возвращусь во мрак» [10, 6, 545]. Но если слово «*explebo*» в таком понимании еще могло иметь отношение к тому, о чем говорил Макробий, то самое главное для него слово «*numerum*» совершенно не имело у Вергилия того значения сущности, связывающей душу и тело, которое было ему нужно. Ибо приведенные Макробием слова вложены Вергилием в уста Деифоба, с которым Эней беседует в преисподней и который говорит просто о количестве, «толпе»². Именно для характеристики подобного, чисто внешнего, вовлечения Вергилия в философию

¹ С. А. Ошеров вообще обходится в своем переводе без глагола «*expleo*»: «...в толпу и во мрак возвращаюсь!» [3, 6, 545]. М. С. Петрова переводит: «я пополнил число и вновь воссоединюсь с тьмою» [4, 1, 13, 12].

² Вопрос о том, кто составляет это количество, толпу, мы оставляем в стороне. Укажем лишь на толкование М. С. Петровой [7, 89].

подходит мнение М. С. Петровой: «Макробий, как правило, выхватывает у Вергилия то, что кажется ему подходящим для собственного изложения... легко и умело переставляя акценты...» [7, 84].

Третий момент в изображении Вергилия в качестве философа — это приведение Макробием цитат, которые более-менее близки к научно-философскому контексту его комментария и соответственно показывают поэта знатоком в таких вещах. В немалой степени это цитирование «Георгик», в которых природные явления затрагиваются в связи с их главной темой — земледелием. Так что не случайно именно из «Георгик» Макробий берет слова «*для смерти места нет*» [2, 4, 226], выражающие натурфилософский принцип вечности бытия и соответствующие, согласно его заявлению, «выводам здравого рассуждения, которые были ведомы и Цицерону, и Вергилию» [4, 2, 12, 13]. В комментарии на эту строку Сервий справедливо упоминает о Лукреции [12, 4, 226].

В ходе цитирования «Георгик» по различным астрономическим вопросам Вергилий удостаивается у Макробия определения «поэт, знаток (*consciens*) самой природы», так как ему многое ведомо. Ему известно, что луна «при затмении испытывает ущерб (*laborat*), не воспринимая света солнца» [8, 1, 15, 12], который он описывает как «Муку луны» [2, 2, 478]. В стихах об Арктах, «которым в волнах океанских страшно намокнуть» [Там же, 1, 246], Макробий видит указание Вергилия на то, что Большая Медведица и Малая Медведица всегда находятся над нами и всегда видны нам, в то время как в стихах о другой мировой вершине, которую «видит у ног своих Стикс и маны в подземных глубинах» [Там же, 1, 242–243], — указание на то, что южная вершина неба, напротив, навсегда спрятана от нас [8, 1, 16, 4, 5]. Вергилий, пишет Макробий, различает «лунный год, который является коротким», и «год, который создается бегом солнца», так как называет «год солнца большим в сравнении с лунным» [Там же, 2, 11, 6]: «Солнце свой круг пролетело и год большой завершило»³ [3, 3, 284].

Есть еще и другие примеры использования стихов, в которых затрагиваются вопросы, обсуждаемые и самим Макробием. Так, для подтверждения положения Порфирия о завесе, мешающей душе «видеть связи затененной природы» [4, 1, 3, 18], он ссылается на Вергилия: «А что так и есть в природе, показал Вергилий», — и цитирует его: «Я развею ту пелену, что ныне... притупляет твой смертный взор» [Там же, 1, 3, 19]. Эта цитата [3, 2, 604] взята из рассказа Анхиза, который хочет раскрыть Энею истинную причину падения Трои — «богов беспощадность». Непонимание этого Энеем он и называет туманом и завесой его очей. Сервий находит для этого тумана соответствие в реальном явлении: «Говорят ведь, что туман, поднявшийся от земли, мешает нашим взорам; откуда орел, потому что он бывает выше тумана, видит больше» [10, 2, 604].

Далее, основанием для того, чтобы сделать Вергилия сведущим в науке прорицаний, Макробию, в то время как он сам рассуждает о предвидении опасностей, служат слова предсказателя Гелена, к которому обратился Эней. Гелен говорит,

³ Перевод С. А. Ошерова изменен, так как в нем отсутствует слово, ради которого Макробий цитирует Вергилия, — «*magnum (annum)*».

что не может знать всего о грядущих бедах, ибо этого не позволяют ему Парки и Юнона, дочь Сатурна [3, 3, 379–380]. Так Макробий подкрепляет свое мнение, что человек отыскивает знаки будущего, «если этому не препятствует божественная сила» [8, 1, 7, 3]. Далее он отмечает, что Вергилий искусно описывает наставление оракула [Там же, 1, 7, 8]. Кроме того, в «Сатурналиях» [5, 3, 7, 1–2] и сам Вергилий наделяется даром пророка, когда пишет, что баран с багряной или золотистой шерстью знаменует удачу и награды [1, 4, 43–44]. Это вполне оправданно, так как четвертая эклога «Буколик» рассказывает о наступлении золотого века.

Недвусмысленное указание на то, что Вергилию присущи воззрения, роднящие его с неоплатонизмом, Макробий делает после того, как описал неоплатоническую иерархию бытия: «Такой порядок вещей устанавливает и Вергилий» [4, 1, 14, 14]. Свидетельства этого он находит в рассказе Анхиза о мирострое и круговороте душ. Во-первых, Вергилий «наделил мир душой», ибо его «*питает изнутри дыхание* (spiritus) [3, 6, 726], то есть душа». Сервий считает это дыхание божественным, а слова «изнутри питают» означают у него, что «оно оживляет и сохраняет в веках (in aeternitatem), потому что оно смешано, и ни одна часть первоэлемента не пребывает без бога» [10, 6, 726]. Во-вторых, Вергилий «объявил, что она есть Ум: *ум (mens) движет громаду [мира]*» [3, 6, 727] и сочетается с ним, называемым Вергилием «большим телом» [4, 1, 17, 5]. Хорошо выразил положение о их единстве Сервий: «одно и то же есть, сказал [ли] бы он, или ум (mentem), или дух (animum), или дыхание (spiritum)» [10, 6, 726]. В-третьих, «дабы показать, что вся совокупность живого движется и одушевляется самой Душой, он добавляет: *род оттуда людей и скотов* и прочие [твари]» [3, 6, 728].

К этому месту Вергилия Макробий обращается далее в обширном рассуждении о мировом движении, звучании небесных сфер, о музыкальной сущности души с позиций пифагорейско-платоновской философии и говорит, что «душа мира доставляет жизнь всем живущим» [8, 2, 3, 11]. И затем вновь приводит указанную выше цитату с дополнением: «Род отсюда [идет] и людей, и зверей, и пернатых, / Рыб и чудовищ морских, сокрытых под мраморной гладью⁴» [3, 6, 728–729]. Платоновский дух этого высказывания Вергилия хорошо выразил и Сервий: «"Откуда род людей и скотов" — от четырех первоначал (elementis) и бога» [10, 6, 728].

Наконец, в повествовании Анхиза Макробий находит подтверждение того важного положения неоплатонизма, что душа ослабевает, опускаясь в материальный мир. Он цитирует одну из двух строк [3, 6, 731], в которых сказано, что жизненная сила присутствует «*в той мере, в какой не препятствуют вредоносные тела*» [4, 1, 14, 14]. Сервий поясняет эту строчку так: «...настойко, он говорит, полнится жизнью в людях часть божества, насколько позволяет качество тел» [10, 6, 730–731].

⁴ Перевод С. А. Ошерова изменен в соответствии с тем, что первая строка начинается со слова «hinc» или «inde».

Макробий связывает и некоторые другие стихи Вергилия с неоплатонической темой пленения души телом. Так, он пишет [4, 1, 9, 4–5]: «... душа, сроднившаяся с привычками тела... *негодую, к теням отлетает со стоном* [3, 12, 952]. И нелегко оставляет она тело после смерти, так как ей *не дано до конца от зла, от скверны телесной освободиться* [3, 6, 736]».

Намеченные в нашей статье направления, по которым, мы полагаем, Макробий показывает принадлежность Вергилия философии, могут быть в дальнейшем рассмотрены на всем массиве цитируемых стихов.

-
1. *Вергилий*. Буколики / пер. С. В. Шервинского [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlit/vergilius/> (дата обращения: 10.06.2015).
  2. *Вергилий*. Георгики / пер. С. В. Шервинского [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlit/vergilius/> (дата обращения: 08.07.2015).
  3. *Вергилий*. Энеида / пер. С. А. Ошерова [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlit/vergilius/> (дата обращения: 18.07.2015).
  4. *Макробий*. Комментарий на «Сон Сципиона» / пер. М. С. Петровой // Петрова М. С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней Античности. М., 2007.
  5. *Макробий*. Сагуналии. Екатеринбург, 2009.
  6. *Муравьев С. Н.* Каким было начало сочинения Гераклита Эфесского? // Вестн. древней истории. 1970. № 3.
  7. *Петрова М. С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней Античности. М., 2007.
  8. *Macrobii* Commentarii in Somnium Scipionis // Macrobius. Vol. 2. Leipzig, 1970.
  9. *Macrobius*. Commentary on the Dream of Scipio / transl. by W. H. Stahl. N. Y., 1952.
  10. *Servii*. Grammatici In Vergilii Aeneidos libros commentarius [Electronic resource]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text> (accessed: 21.09.2015).
  11. *Servii*. Grammatici In Vergilii Bucolicorum libros commentarius [Electronic resource]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text> (accessed: 21.09.2015).
  12. *Servii*. Grammatici In Vergilii Georgicorum libros commentarius [Electronic resource]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text> (accessed: 21.09.2015).

Рукопись поступила в редакцию 12 января 2016 г.

УДК 141.82 + 141.32

П. Н. Кондрашов

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧНОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ В ФИЛОСОФИИ КАРЛА МАРКСА

В статье с марксистских позиций исследуется концепция историчности экзистенциального бытия, имеющая место в философии К. Маркса. Анализируя тексты К. Маркса, автор делает вывод, что экзистенцию в рамках философии Маркса надо понимать как интимное эмоциональное отношение человека к миру (природе, культуре, другим людям, самому себе), укорененное в сущностной способности его, как страдающего существа, равнодушно относиться к миру, уникальная историчность которого обусловлена конкретно-историческими социальными и индивидуально-биографическими условиями существования индивида.

Ключевые слова: философия Карла Маркса, экзистенция, сущность человека, экзистенциальная равнодушность, историчность.

В последнее десятилетие в мировой общественной науке, особенно после начала мирового экономического кризиса в 2008 г., резко возрос интерес к марксизму в целом и к философии Карла Маркса в частности, что нашло свое отражение, например, в проведении I Всемирного конгресса по марксизму в Пекине в октябре 2015 г. Следует отметить, что в нынешнем «ренессансе Маркса» наблюдается несколько интересных тенденций, резко отличающих его от марксистского бума 60-х гг. XX в.

Во-первых, это интерес *ко всему творческому наследию Маркса*. Лозунг «Назад к Марксу!» сегодня означает *комплексное* переосмысление идей основоположника, в то время как в 60-е гг. прошлого столетия к Марксу обращались дифференцированно, четко разделяя его философию, социологическую методологию, политическую экономию и революционную тактику. Сегодня Маркса воспринимают *целостно*. Достаточно открыть марксистские работы в самых разных областях научного знания, чтобы увидеть: Маркс воспринимается и подается всегда в междисциплинарном ключе (что, заметим, коррелирует с междисциплинарным характером «Капитала»). Так, мы видим Маркса-философа и Маркса-историка, Маркса-социолога и Маркса-экономиста одновременно в работах по *экономике* (И. Мессарош, М. Аронович, А. Горц, А. В. Бузгалин, А. И. Колганов), *политической философии* (И. Валлерстайн, Э. Балибар, А. Негри, М. Хардт, Б. Ю. Кагарлицкий), *истории* (Э. Хобсбаум, П. Андерсон, Ю. И. Семенов), *эстетике* (Ф. Джеймисон, Д. Харви, Д. Гартман).

Во-вторых, в рамках собственно философии сегодня (в силу нарастания тенденции к «распылению» социальных структур и радикальной индивидуализации в условиях посмодерна) мы наблюдаем смещение марксистских исследований с макросоциальных процессов в экономике и политике на анализ культурологических и микросоциальных аспектов человеческого бытия. В рамках этого поворота

к человеку в современном марксизме наблюдается повышенный интерес к уникальности и историчности человеческой личности [5], к таким экзистенциальным феноменам человеческого бытия, как *признание* [19, 29], *достоинство* [27], *гендер* [15, 20, 24], *справедливость и оправдание* [26], *повседневность* [6]. И это притом, что в традиционном марксизме, за редким исключением (Р. Гароди, Э. Фромм), на экзистенциальный аспект бытия конкретных живых индивидов, взятый в его историчности, практически не обращали никакого внимания.

Включение в сферу марксистского анализа экзистенциальных аспектов человеческого бытия и органическое увязывание этого анализа с общей социальной теорией глобализирующегося капитализма делает марксизм XXI в. в лице его многочисленных школ и направлений действительно *тотализирующей социальной критической теорией* (Ф. Джеймисон).

В предлагаемой статье мы попытаемся показать, что в философии Маркса имеет место оригинальная концепция историчности экзистенциального бытия, которая может быть положена в основу современных марксистских исследований.

Экзистенциальная сторона философии Маркса и экзистенциализм

Во избежание разного рода недоразумений в связи с употреблением понятия «*экзистенциальный*» в отношении К. Маркса, сделаем краткое пояснение. Под *экзистенциальной* философией мы понимаем различные направления философской мысли, в которых в той или иной форме ставятся и решаются *проблемы человеческого бытия*, а именно: вопросы о сущности человека, смысле жизни, смерти, подлинном и неподлинном существовании, человеческой историчности и свободе. Стало быть, под эту рубрику попадают многие философские учения, в том числе и *философия Маркса*, взятая в одном из своих аспектов [4]. Как нам представляется, в качестве основных экзистенциальных тем в философии Маркса можно обозначить такие проблемы:

а) проблема человеческого существования (думается, что основной вопрос философии Маркса — вопрос *философско-антропологический*, причем не только в ранних работах; так, в знаменитом «Введении» к *Grundriße* (1857) Маркс писал, что «индивиды, производящие в обществе... таков, естественно, исходный пункт» [11, 17]);

б) проблема диалектики *сущности и существования* (у Маркса этот момент обнаруживает себя в его теории деятельности: с одной стороны, деятельность выступает как инвариантная родовая *сущность* человека вообще, с другой — каждый конкретный индивид всегда оказывается погруженным в *уникальный* ансамбль общественных и индивидуальных отношений, порождаемых социально-историческим *существованием* каждого конкретного живого индивида. Стало быть, *инвариантная сущность воплощается в уникальном историческом существовании* [8, 623]);

с) проблема человека как страдающего, вовлеченного-в-бытие, неравнодушного существа (здесь Маркс, безусловно, идет от

Фейербаха, однако страдание понимается им не только в чувственно-природном аспекте, но всегда именно в аспекте социальной деятельности);

d) проблема страдания выводит экзистенциальную философию к вопросу о подлинности и неподлинности человеческого бытия-в-мире (у Маркса это находит свое место в его учении об отчужденном труде и о том, что он называет *Selbstbetätigung*);

e) отсюда, из фиксации внимания на моменте непосредственного переживания, вырастает еще одна важнейшая проблема экзистенциальной философии — проблема заинтересованности (у Маркса это нашло свое отражение в *социальной обусловленности, ангажированности, партийности*);

f) в силу того что процесс человеческого существования развертывается во времени, это с необходимостью приводит к вопросу об историчности человеческого бытия (думается, что проблема историчности — одна из центральных тем Марксово учения, ибо, как он пишет в «Немецкой идеологии», «мы знаем только одну науку, науку истории» [13, 16]);

g) наконец, все эти вопросы замыкаются на проблеме свободы.

Итак, под *экзистенциальной философией* мы понимаем философию, основными вопросами которой являются *вопросы о человеке и его существовании* (в отличие от онтологически, натуралистически, космологически, теологически, гносеологически, лингвистически, сциентистски, психологически, этически и эстетически ориентированных видов философии). При этом экзистенциальная философия может иметь самую различную методологическую основу (герменевтику, феноменологию Гуссерля, психоанализ, христианскую теологию, материалистическое понимание истории). В то же время многие философские учения не являются экзистенциальными (неопозитивизм, аналитическая философия, структурализм, космизм), в том числе и многие направления марксизма (аналитический и структуралистский марксизм, марксизм-ленинизм, сталинизм, маоизм, троцкизм).

Одной из форм экзистенциальной философии, наряду с другими, в том числе и с философией Маркса, является *экзистенциализм*, который, таким образом, нельзя отождествлять с экзистенциальной философией: экзистенциальная философия — это *родовое* понятие, а экзистенциализм — понятие *видовое*. В этом плане следует четко понимать: Маркс *не был* «экзистенциалистом» в смысле Сартра или Хайдеггера (ибо это предполагает использование феноменологического метода и радикального субъективизма), но он был мыслителем, в философии которого *существенную* роль играли *экзистенциальные вопросы*. Однако *философия Маркса не исчерпывается* этими экзистенциальными мотивами, ибо она, помимо таковых, еще нося и *научный* характер, занимается экспликацией закономерностей в системе отношений «человек — мир».

Более того, мы считаем, что экзистенциальная философия Маркса *сущностно несовместима* с философией экзистенциализма и к возникновению последнего не имеет никакого отношения. Однако в истории философии, несмотря на радикальную противоположность экзистенциальной стороны философии Маркса и экзистенциализма, постоянно предпринимаются попытки провести параллели между некоторыми общими темами, поднимаемыми этими учениями.

Во-первых, и Маркс, и Кьеркегор (по иронии судьбы оба родившиеся в один день, 5 мая, с разницей в пять лет) *шли от Гегеля через его отрицание*: «И марксизм, и экзистенциализм родились из переосмысления раннего Гегеля в “Феноменологии”, оба свели к минимуму влияние Гегеля-идеалиста “Науки логики” и “Энциклопедии”. Оба восприняли попытку раннего Гегеля определить человеческую реальность как разворачивающуюся во времени, как сущностно темпоральный феномен. Следовательно, марксизм и экзистенциализм утверждали приоритет жизни перед мышлением» [14, 124].

Во-вторых, и марксизм, и экзистенциализм утверждают *единство мысли и действия*: *Praxis* у Маркса — это диалектическая тотальность психической и физической преобразующей активности человека, а у Сартра «действие» и «бытие» внутренне связаны. К тому же «Маркс определяет человека через его социальные интеракции, а у Сартра “бытие-для-других” и “взгляд” конституируют первичные основания самости» [Там же, 125].

Наконец, Маркс и Сартр рассматривают реальность как диалектическую тотальность. «В общем, — заключает М. Постер, — существовал основательный базис для соглашения о фундаментальных принципах, которые могли стать отправной точкой для плодотворной дискуссии» [Там же].

Следует также признать, что экзистенциальные (подчеркнем еще раз: *экзистенциальные, а не экзистенциалистские*) идеи молодого Маркса сильно повлияли на некоторые идеи экзистенциалистов, прежде всего французских (Ж. П. Сартр, М. Мерло-Понти, К. Лефор) [34], а экзистенциалистские идеи оказали значительное влияние на многих неомарксистов (ранний Г. Маркузе, который был аспирантом у М. Хайдеггера, Э. Фромм, Р. Гароди, К. Касториadis, А. Шафф, Б. Брехт) [30]. Известен спор о взаимовлиянии Хайдеггера и Лукача, исследованный Л. Гольдманом.

В работах последних лет наибольший интерес представляют сравнения учений Маркса и экзистенциалистов о *технике* [22, 38], *отчуждении* [36, 37], *живом труде* [35]. Неудачной представляется попытка сблизить учение о *языке* у Маркса и Хайдеггера [28]. Интересный анализ взаимоотношения экзистенциалистской проблемы *моральной ответственности* и марксистской идеи *социальной причинности* в философии Сартра проводит Томас Флинн [23]. Что касается непосредственного синтеза отдельных идей Маркса и экзистенциализма, то среди последних веяний в этой области наиболее ярко выделяются педагоги из школы *критической педагогики* П. Фрейре, сгруппировавшиеся вокруг *Journal for Critical Education Policy Studies* (JCEPS, Великобритания) [21].

Тем не менее философия Маркса и философия экзистенциализма — две различные версии экзистенциальной философии, но формы фактически несовместимые [32, 33], ибо экзистенциалисты в качестве отправного пункта берут замкнутого-в-себе-индивида (как для-себя-бытие у Ж. П. Сартра), а марксисты — социализированного субъекта («индивидов, производящих в обществе»). «Между “Бытием и ничто” и “Рукописями 1844 г.” — считает Марк Постер, — был и глубокий антагонизм. Сартровское понятие свободы было по сути субъективистским и, по-видимому, вело к совершенно не-марксистской этической теории. К тому

же Марксово понятие отчуждения было жестко объективистским и полностью субординировало форму понимания человеком отчуждения своей деятельности как отношения отчуждения в нем самом» [14, 125].

Наконец, в центральном философском вопросе Маркса об историчности экзистенции имеет место наибольшая противоположность между марксистской и экзистенциалистской версиями экзистенциальной философии.

Понятие человека у Маркса

Постольку, поскольку понятие экзистенции непосредственно связано с проблемой человеческого бытия в мире, то понять его можно лишь в свете раскрытия философско-антропологических идей Маркса. Способ, каким живое существо удовлетворяет свои потребности, представляет способ бытия этого живого существа в мире. В отличие от микроорганизмов и грибов, растений и животных человек не только *адаптируется к природе*, но и *адаптирует природу к самому себе, преобразуя ее*. Такой *специфически человеческий* способ удовлетворения потребностей посредством преобразования природы и созидания в результате этого преобразования *нового, искусственного, ранее не существовавшего в природе* называется *сознательной деятельностью* или *праксисом (Praxis)*, под которым в самом общем смысле Маркс понимает целеполагающую, целесообразную, сознательную, предметно-орудийную преобразующую активность субъекта, направленную на такое изменение материального или идеального объекта, которое бы позволило посредством уже практическим образом преобразованного объекта удовлетворить ту или иную конкретную потребность субъекта. В результате развертывания праксиса возникает собственно *человеческий мир искусственной предметности*, т. е. мир материальной и духовной культуры [7, 414], а также конституируются интерсубъективность, социальность и историчность человеческого бытия-в-мире. Поэтому праксис выступает одновременно и родовой сущностью человека, и способом человеческого существования в мире, и субстанцией социального бытия. «Продуктивная жизнь и есть родовая жизнь, — пишет Маркс. — Это есть жизнь, созидающая жизнь [Das produktive Leben ist aber das Gattungsleben. Es ist das Leben erzeugende Leben]» [31, 516; ср.: 12, 565], ибо «практическое созидание [praktische Erzeugen] *предметного мира, переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа, т. е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как к родовому существу... Поэтому именно в переработке [Bearbeitung] предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь [Diese Produktion ist sein werktätiges Gattungsleben]. Благодаря этому производству природа оканчивается *его* (человека) производением [Werk] и его действительностью» [12, 566; ср.: 8, 195].

В целях последующей экспликации феномена экзистенции у Маркса в понятии праксиса следует выделить два важных аспекта. Во-первых, то, что в его структуре Маркс никогда не разрывал моменты *физические* и *психические*, ибо

в человеческой деятельности они всегда оказываются диалектическими моментами тотальности. «Хотя мышление и бытие отличны друг от друга, — пишет Маркс, — но в то же время они находятся в единстве друг с другом» [12, 591]. Стало быть, не существует чисто материальной и чисто идеальной деятельности, — они всегда протекают в единстве.

Во-вторых, в силу того, что праксис, по Марксу, это не некий *actus purus*, а всегда конкретно-историческое диалектическое субъект-объектное отношение и взаимодействие, то он изначально включает в себя и субъекта с его преобразующей активностью (*внутреннее*, т. е. людей, взятых в своей целостности как физические, психофизиологические и духовные существа со всеми их потребностями, целеполаганиями, установками, мотивами, страстями, умениями, навыками, знаниями, фантазиями, предрассудками и т. д.), и объектный мир, «втянутый» в эту активность (*внешнее*, т. е. мир природы, предметный мир, созданный предшествующими поколениями, структура сложившихся общественных отношений, совокупность объективированных регулятивов этих отношений вроде права, морали, государства и т. д.).

Используя терминологию Б. Спинозы, можно сказать, что праксис выступает в качестве *субстанции* социального бытия, его *атрибутами* оказываются физическая и духовная преобразующие активности, а все остальное — ее *модусами* (результаты, стороны, состояния деятельности). «Чувственный мир», пишет Маркс, это «совокупная, живая, чувственная деятельность составляющих его индивидов» [13, 44]. Любое социально-историческое явление представляет собой либо саму деятельность, либо какой-то ее модус, какое-то ее состояние, какой-то ее результат, ибо «как показал Маркс, становится непосредственно очевидным тот факт... что все формы культуры суть только формы деятельности самого человека» [3, 184].

А коль скоро субъект-субъектная и субъект-объектная связи конституируют человеческую субъективность, то это означает, что каждый конкретный человек представляет собой *тотальность своих предметно-практических взаимоотношений со всеми объектами окружающего мира* (в том числе и с самим собой как объектом), которые оказываются втянутыми в его деятельность. Поэтому «сущность человека... есть совокупность [*ensemble*] всех общественных отношений» [10, 3].

Итак, человек, как и любое иное живое существо, имея потребности, стремится их удовлетворить с помощью чувственных предметов внешнего мира, от которых он витально *зависит*. Но «быть чувственным», пишет Маркс, «значит быть *страдающим* [Sinnlich sein ist leidend sein]. Поэтому человек как предметное, чувственное существо есть *страдающее* существо [*leidenschaftliches Wesen*]; а так как это существо ощущает свое страдание, то оно есть существо, обладающее страстью. Страсть [*Die Leidenschaft, die Passion*] — это энергично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека» [12, 631–632]. *Страдание (Leiden, Qual)*, как переживание потребности, заставляет живое существо выходить в мир, трансцендировать себя. Сугубо человеческим способом такого трансцендирования, как было сказано выше, является *праксис*, в процессе реализации которого *внутреннее* человека (проекты, идеи, эмоции, знания, в целом — его *душа*) *переходит* во

внешнюю объективную вещь (Маркс этот момент праксиса называет термином *Äußerung* — отсвоением, проявлением себя в мире) и застывает в ней, т. е. происходит *опредмечивание* (*Vergegenständlichung*) внутреннего. Обратный переход воплощенного в предмете идеального снова к человеку осуществляется в процессе *распредмечивания* (*Aneignung*, *Genuß*, усвоения, делания-предмета-своим, присвоения предмета себе), когда «покоящееся свойство» (*ruhende Eigenschaft*) из предмета обратно переходит в форму деятельности (*Unruhe*) [8, 191–192], т. е. когда другие люди, используя предметность (пользуясь вещью, читая текст, слушая речь или музыку, воспринимая и интерпретируя жесты, выражение лица), в своих действиях воспроизводят заложенное в ней *идеальное* содержание.

В силу того что в процессах *Äußerung* человек вкладывает свою душу в предметность [11, 450], а в процессах *Aneignung* вбирает душу другого в себя, он начинает не только как-то *относиться к миру* [13, 29], но и *эмоционально переживать свое отношение*, ибо «предметное бытие», согласно Марксу, является «*раскрытой книгой человеческих сущностных сил*, чувственно представшей перед нами человеческой *психологией*» [12, 594], и вне этого мира конкретных связей с предметами человека *нет*. Человек в данном случае понимается Марксом как тотальность «внешнего» и «внутреннего», «как тотальность человеческого проявления жизни [Totalität menschlicher Lebensäußerung]» [Там же, 591]. Более того, «каждое из... *человеческих* отношений к миру», пишет Маркс, «является в своем *предметном* отношении, или в своем *отношении к предмету*, присвоением последнего, присвоением *человеческой* действительности [Die Aneignung der menschlichen Wirklichkeit]. Их отношение к предмету есть *осуществление на деле человеческой действительности*; это — человеческая *действительность* и человеческое *страдание*, потому что страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть один из способов, каким человек воспринимает свое “я” [Selbstgenuß]» [Там же, 591–592].

Осознанное или неосознанное *переживание* этой зависимости-от-мира и нахождение себя в этом внешнем мире обнаруживает себя в форме *неравнодушного отношения-к-миру*, *эмоционально-экзистенциальной захваченности* человека миром и мира человеком. «Существовать (быть в смысле *existentia*), — пишет С. Л. Рубинштейн, — это страдать... Существовать — значит быть детерминированным, но не только в понятии, а в действительности. Существование — пребывание, “деление”, участие, но не в идее, а в процессе жизни Вселенной, существовать — действовать и “страдать”» [16, 303].

Сугубо человеческим способом реализации *неравнодушной* связи-с-миром является *отношение-к-другому*: человек как человек может быть только через свое *эмоционально-экзистенциальное неравнодушное (со-страдательное) отношение, общение* (*Verkehr*) [13, 19, 24–25, 33, 34–35, 37, 44, 166]. Поэтому собственно человеческой формой страдания оказывается эмоционально переживаемая общительная *неравнодушность*, фундированная в деятельно-предметной диалектике *Äußerung* и *Aneignung*.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что человек, по Марксу, есть *живое уникально-родовое материально-духовное существо, способом существования которого является общественная сознательная преобразующая деятельность*

(*праксис*) и которое сущностно представляет собой конкретно-историческое единство субъектно-внутреннего (тело и психика) и объектно-внешнего (природа, культура, общество, мир символов) бытия, обнаруживающее себя в интерсубъективности общественных отношений и переживающее эти отношения в форме экзистенциальной равнодушности.

Экспликация категории экзистенции у Маркса

В процессе реализации праксиса человек вступает в отношения с природным миром (*die Welt*), практически преобразует его и созидает *предметный мир (Umwelt)*. Но праксис всегда осуществляется совместно с Другими (*zusammenwirken*), отношения с которыми формируют *совместный интерсубъективный мир людей (Mitwelt)*. Но, в силу того, что с точки зрения философской антропологии Маркса *внутренние* психические характеристики находятся в неразрывной диалектико-конститутивной связи с практическим, деятельностным взаимоотношением человека с *его внешним* миром, то соответственно любые внутренние переживания человека представляют собой *результат взаимодействия субъекта и объекта*, но никак не пресловутое одностороннее «отражение». Речь идет о том, что отношения, складывающиеся в структурах *Welt, Umwelt* и *Mitwelt*, посредством диалектики *Äußerung* и *Aneignung* интериоризируются в психике индивида и образуют его *собственный внутренний мир (Eigenwelt)*, эмоционально-динамическую сторону которого мы именуем *экзистенцией*. А коль скоро этот мир конституируется из совместной деятельности людей, которая является способом человеческого бытия, то *Eigenwelt* действительно оказывается не чем иным, как интериоризированным (и соответственно осознанным или неосознанным) общественным бытием [13, 25].

Итак, *экзистенция* — это мое эмоционально-личностное переживание моего собственного бытия в мире, выраженное в моих разнообразных отношениях к миру. Но всякое «мое» есть результат активно интериоризированного социального, которое, преломляясь сквозь призму личного опыта, наполняется индивидуальными коннотациями. Соответственно, в зависимости от того, в структуре каких социальных отношений оказывается бытийствующий индивид, таковыми же, как правило, оказываются и его экзистенциальные переживания, встроенные в коннотативный механизм его апперцепции (седиментированного прошлого опыта). Поэтому, когда речь заходит об *экзистенциальном* плане человеческого бытия, то всегда следует ориентироваться на это диалектическое и тотализирующее понимание человека Марксом как единства субъектного и объектного.

Стало быть, внутренние, эмоциональные переживания, сколь бы глубокими и интимными они ни были, тем не менее представляют собой *результат бытийного практического взаимодействия субъекта и объекта*, человека и мира, которое обнаруживает себя в целостности бытия-человека-в-мире. Так, например, относительно любви Маркс говорит, что в отношениях мужчины и женщины человек с одной стороны проявляет «свое индивидуальнейшее бытие», а с другой — выступает «общественным существом» [12, 587].

Таким образом, в рамках Марксовой философии можно выделить два модуса экзистенции: *внутренний* модус — уникальное личное эмоциональное отношение к различным аспектам собственного бытия-в-мире; *внешний* модус — совокупность идентичных структур экзистенциальных отношений-к у индивидов, живущих в одинаковых социальных условиях, в которых и посредством которых реализуется глубинная сторона экзистенции.

Если экзистенцию *как таковую* можно исследовать только на уровне психоаналитической биографии, то ее интерсубъективный аспект вполне доступен анализу с помощью номотетических методов социальной науки. Думается, что в марксистской традиции наиболее адекватным инструментом такого исследования может служить *теория социального характера Эриха Фромма*, согласно которой способ производства среди прочего определяет и те личностные качества, которые необходимы индивидам для того, чтобы иметь возможность успешно воспроизводить в своей повседневной деятельности всю тотальность социального универсума. Люди, пишет Э. Фромм, «должны уметь работать и потреблять сообразно со стандартами, определяемыми средствами производства и потребительскими образцами их [социальной] группы и общества, в котором они живут» [25, 163]. Стало быть, по Фромму, повседневные трудовые структуры конституируют фундаментальные потребности и цели, способы их реализации, базисные установки совместно действующих индивидов.

Если характерологическая структура большинства индивидов того или иного общества не будет соответствовать господствующему в *этом* обществе способу производства, то такое общество просто-напросто не сможет существовать. В силу этого социальная структура и имманентные механизмы воспроизводства отображаются («отражаются») в структуре психики индивидов, т. е. формируют их идеалы, установки, ценности, практики, акцентуации, стандартные поведенческие реакции и т. д., а также и механизм, определяющий, каким мыслям и чувствам «разрешено достигнуть сознательного уровня, а какие должны остаться на бессознательном уровне» [18, 261]. Первый механизм Фромм называет «*социальным характером*», второй — «*социальным бессознательным*». Индивид должен действовать почти автоматически для сохранения своего общества в норме; это значит, что социальные поведенческие черты должны стать чертами характера. В каждом обществе имеется группа характерных черт, общих большинству его членов, которую мы называем «социальным характером», функцией которого является выживание данного общества» [25, 164]. «Таким образом, — заключает Э. Фромм, — социальный характер интериоризирует внешнюю необходимость и тем самым мобилизует человеческую энергию на выполнение задач данной социально-экономической системы» [17, 349].

Исходя из этого, Э. Фромм делает вывод, что социальный характер представляет собой совокупность черт, характерных большинству общества, которые появились как результат общего для всех членов социума образа жизни (жизненного уклада) и общих переживаний, детерминированных этим укладом, и которые заставляют людей действовать и думать так, как они должны действовать и думать с точки зрения нормального функционирования общества, в котором они

живут [18, 261]. «Вопреки всем существующим теориям мы склонны считать, что именно социальный характер обуславливает идеологию и культуру общества; в свою очередь, сам социальный характер формируется образом жизни, принятым в данном обществе, но основные черты этого характера далее, в процессе развития, становятся теми силами, которые влияют на социальный процесс, формируя его и корректируя» [17, 363].

Более того, Фромм особо подчеркивает, что «не только “экономический базис” создает определенный социальный характер, который, в свою очередь, культивирует определенные идеи. Однажды появившись на свет, идеи также влияют на социальный характер и косвенным образом на экономическую структуру... *Социальный характер является посредником между социально-экономической структурой и идеями и идеалами, превалирующими в обществе. Он осуществляет посреднические функции в обоих направлениях, от экономического базиса к идеям и от идей к экономическому базису*» [18, 259–260].

Таким образом, марксистское истолкование экзистенции предполагает возможность и сущностного (эссенциалистского), и собственно экзистенциального исследования данного феномена: с одной стороны, мы можем выявить всеобщие, инвариантные структуры наших отношений-к, характерных для всех исторических эпох, т. е. выявить механизмы *как-бытия* экзистенции, возможных способов ее быть; с другой стороны, мы можем выявить особенность и уникальность отдельной экзистенции, исследуя содержание ее *что-бытия*, данного в конкретно-исторической ситуации заброшенности.

Историчность экзистенции

Так как праксис (как родовая сущность человека) есть деятельность преобразующая, а значит и историчная («вся история», говорит Маркс, «есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы» [9, 162]), то и экзистенция (понимаемая как индивидуальное эмоциональное отношение-к, порождаемое праксисом) также включается в поток этой тотальной историчности.

Каким же образом экзистенция оказывается историчной? Для того чтобы ответить на этот вопрос в рамках Марксовой философии, надо учесть два важных обстоятельства.

Во-первых, коль скоро целостный *жизненный мир* человека (*Lebewelt*) представляет собой практическое единство *окружающей природы* (*Welt*), *искусственной предметной среды* (*Umwelt*), совместного *бытия с Другими* (*Mitwelt*) и *собственно-внутреннего мира* (*Eigenwelt, Existenz*), то соответственно изменения во «внешних» (материально-предметных и социальных) структурах с необходимостью передаются и в сферу экзистенции, поэтому «внутренние» переживания (наши *отношения-к миру и самим себе*) также оказываются *историчными*. Феноменологически это разворачивается следующим образом: 1) сначала способ производства через структуры производства и воспроизводства непосредственного бытия задает общую модель, «парадигму» взаимоотношений, интеракций, которая господствует в данном типе социальной структуры в форме социального характера; 2) затем

этот господствующий тип отношений реализуется в отношениях с вещами; 3) отношение-к-вещам, *непосредственно* фундированное в механизмах способа производства, постепенно «распространяется» на отношения между людьми; 4) и, наконец, на фундаменте всего предыдущего формируется определенный тип отношения-к-самому-себе.

Если мы попробуем на основе эксплицированного представления об экзистенции детально проанализировать зависимость эмоциональных структур отношения человека к природе, вещам, другим людям и самому себе от структур производства, то увидим, что в разные исторические эпохи имеет место не только «внешнее» проявление историчности социального бытия, выраженное в изменениях базисных и надстроечных структур, но и проявление историчности «внутреннее», обнаруживающее себя в изменениях того, *как люди переживают* эти «внешние» исторические изменения и *как* они к ним *эмоционально относятся*. Так, например, если в современных условиях вещи производятся конвейерным способом, то в них нет души, поэтому я равнодушен к ним, они для меня всего лишь *предметы для использования*. Из такого отношения к вещам конституируется и отношение к *Другому*. *Другой* — это вещь, которую я *использую*, поэтому между нами могут быть только утилитарные или деловые отношения, вне которых я к нему равнодушен. Отсюда же черпает свое содержание и отношение к себе как к товару («человеку-товару», как выражался Маркс [12, 574]). В связи с этим Э. Фромм справедливо подчеркивает: «Способ, каким человек воспринимает других, не имеет серьезных различий с чувством самовосприятия. Как и самого себя, человек воспринимает других в качестве товара» [17, 461–462].

Во-вторых, в отличие от экзистенциалистской установки на непознаваемость экзистенции, марксистский анализ позволяет поставить ее исследование на научные рельсы, ибо если экзистенция есть *глубина* человеческого индивидуального бытия, то в процессах преобразующей творческой деятельности именно она обнаруживает себя в процессе опредмечивания (*Äußerung*). Поэтому совершенно верно пишет Б. Г. Ананьев: «Думается, что именно в явлениях экстерииоризации внутреннего мира человека, его объективации в процессах практической деятельности можно найти возможности объективного исследования человеческой индивидуальности» [1, 275].

Мы попадаем в фактический мир, созданный всеми предшествующими поколениями, вживаемся в этот *исторический* мир посредством своей совместной с другими деятельности, усваиваем его наследие, делая последнее моментом своей *внутренней* жизни (язык, социальные нормы, формы и образцы поведения, ценности). Например, отношение-к-смерти у ребенка, подростка и старика *различны*, ибо у *каждого* *возраста* имеется *свое восприятие отсутствия*. Далее, имеет место и социальная обусловленность отношения-к. Так, крестьянин относится к смерти *иначе*, чем городской рабочий или интеллигент. Просто потому что его (крестьянина) «мир» предполагает постоянное созерцание смерти, связанное с забоем животных, в то время как для рафинированного интеллигента смерть не имеет такого рода радикально повседневных реалий и соответствующих «душевных» коннотаций.

Но от классового восприятия и отношения можно перейти и к собственно *историческому*: для людей до-индустриальной эпохи, живших в постоянных войнах, смерть была чем-то *другим*, нежели для нас. Средневековый человек не смог бы сказать то, что с ученым видом и пафосом бросил Ж. Бодрийяр: «Мир превратился в знаковую, виртуальную реальность. Это проявляется даже в таком серьезном деле, как война» [2, 20].

Наконец, с марксистской точки зрения даже на уровне *Sonderdasein* (конкретного, особенного человеческого бытия) человек в своем «онтогенезе» каждый раз *переживает* то или иное эмоциональное состояние не в его «чистом» («трансцендентальном», а значит — пустом и формальном) виде, а на основе всего предшествующего личного опыта подобных переживаний (апперцепции), связанного с интимными коннотациями. В этом смысле марксистская критика выводит нас к радикально индивидуальному пониманию человеческого экзистенциального переживания.

Таким образом, действительно *уникальное содержание нашей экзистенции* полагается конкретно-историческими условиями бытия человека в мире, ибо, как справедливо пишет Маркс, «человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны *определения* человеческой *сущности* и человеческая *деятельность*» [12, 592]. Все это означает, что индивидуальные переживания несут в себе *следы* (*наследие, das Erbe*) истории и той социальной реальности, в которой обретается *Sonderdasein*. И подлинно научный анализ должен как раз попытаться эксплицировать эти «следы» и показать те механизмы, посредством которых они усвоились в структурах экзистенции.

Резюмируя проведенный анализ, можно сказать, что под *экзистенцией* в рамках *философии Маркса* надо понимать *внутренне-интимное эмоциональное равнодушное отношение человека к миру (природе, культуре, другим людям, самому себе), уникальная историчность которого обусловлена конкретными социальными и индивидуально-биографическими условиями существования индивида.*

-
1. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб., 2002.
  2. *Бодрийяр Ж.* Америка. СПб., 2000.
  3. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1984.
  4. *Кондрашов П. Н.* Анализ экзистенциальной проблематики в философии Карла Маркса // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2014. Т. 14, вып. 3.
  5. *Кондрашов П. Н.* Онтологические структуры историчности: Исследование философии истории Карла Маркса / под ред. К. Н. Любутина. М., 2014.
  6. *Кондрашов П. Н., Любутин К. Н.* Диалектика повседневности: Попытка марксистского анализа. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2015.
  7. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 1955.
  8. *Маркс К.* Капитал I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1960.
  9. *Маркс К.* Святое семейство, или Критика критической критики // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. М., 1955.
  10. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Там же. Т. 3.

11. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. М., 1960.
12. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955.
14. *Постер М.* Экзистенциальный марксизм в послевоенной Франции: от Сартра к Альтюссеру. Гл. 3: Ранний Сартр: экзистенциалистское понимание свободы // Филос.-антропол. исслед. 2008. № 1–2. С. 101–125.
15. *Рубин Г.* Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы. СПб., 2000.
16. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
17. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя. Минск, 2000.
18. *Фромм Э.* Революция надежды. Избавление от иллюзий. М., 2005.
19. *Циплакова Ю. В.* Установка признания как ответ на вызов индивидуализма // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 2.
20. *Benhabib S.* Situating the Self: Gender, Community and Postmodernism in Contemporary Ethics. L., 1992.
21. *Dale J., Hyslop-Margison E. J.* Paulo Freire: Teaching for Freedom and Transformation. The Philosophical Influences on the Work of Paulo Freire. Ch. 4 «Marxism, Existentialism, and Freire». Dordrecht ; Heidelberg ; L. ; N. Y., 2010. P. 105–127.
22. *Eldred M.* Capital and Technology: Marx and Heidegger. 4th edition. — CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015.
23. *Flynn T.* Sartre and Marxist Existentialism. University of Chicago Press, 1984.
24. *Fraser N.* Fortunes of feminism: from state-managed capitalism to neoliberal crisis. Brooklyn ; N. Y., 2013.
25. *Fromm E.* The Influence of Social Factors in Child Development (1958) // Yearbook of the International Erich Fromm Society. Vol. 3. Münster : LIT-Verlag, 1992.
26. *Frost R.* Das Recht auf Rechtfertigung. Elemente einer konstruktivistischen Theorie der Gerechtigkeit. Frankfurt a/M, 2007.
27. *Frost R.* Toleranz. Philosophische Grundlagen und gesellschaftliche Praxis einer umstrittenen Tugend. Campus Verlag, 2000.
28. *Hemming L.* Heidegger and Marx: A Productive Dialogue over the Language of Humanism. Evanston, 2013.
29. *Honneth A.* The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge, UK, 1995.
30. *Lessing A.* Marxist Existentialism // The Review of Metaphysics. Vol. 20, № 3 (Mar., 1967). P. 461–482.
31. *Marx K.* Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844 // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 40. B., 1968.
32. *Novack G.* (Ed.). Marxism Versus Existentialism. N. Y., 1966.
33. *Novack G.* Understanding History: Marxist Essays. N. Y. 1980.
34. *Poster M.* Existential Marxism in Postwar France: From Sartre to Althusser. Princeton, 1975.
35. *Sáenz M.* Living Labor in Marx // Radical Philosophy Review. Vol. 10, iss. 1. 2007. P. 1–31.
36. *Sayers S.* The Concept of Alienation in Existentialism and Marxism: Hegelian Themes in Modern Social // Sayers S. Marx and Alienation — Essays on Hegelian Themes. N. Y., 2011.
37. *Schmitt R.* Alienation and Freedom. Westview Press, 2003.
38. *Wendling A.* Karl Marx on Technology and Alienation. Palgrave Macmillan, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 2 июля 2015 г.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФИИ В РАБОТАХ Ж. ДЕЛЕЗА

В статье рассматривается проблема взаимоотношения истории философии и философии в произведениях Ж. Делеза. Традиционное представление о несводимости этих двух дисциплин друг к другу французский мыслитель раскрывает посредством указания на творческий характер философии и его отсутствие у истории философии. Однако в работах Делеза обнаруживается возможность более радикального подхода, в рамках которого историко-философское произведение понимается как симулякр, стирающий привычное разграничение между оригиналом и копией, а также между философским и историко-философским исследованием.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Делез, философия, история философии, творчество, симулякр, постструктурализм.

Методологическое основание для интерпретации философской концепции Ж. Делеза возможно обнаружить при осмыслении проблемы взаимоотношения истории философии и философии в его работах. В отечественной и зарубежной традициях¹ сложилось устойчивое мнение, согласно которому Делез мастерски совместил роли как философа, так и историка философии. В первом случае речь идет о его творчестве «от собственного имени», т. е. о тех сочинениях, в которых он открыто заявляет свою философскую позицию. Во втором случае подразумевается, что Делез выступает от имени того мыслителя, которому он посвятил монографию, и не уделяет внимания демонстрации личного отношения к поднимаемому философом вопросу.

Подобное разграничение ролей предполагает, что за деятельностью историка философии кроются иные цели, нежели за деятельностью философа, и сводить их друг к другу было бы неоправданным шагом. В соответствии с таким подходом весь корпус работ французского мыслителя можно разделить на произведения историко-философского характера и собственно философские произведения, в число которых войдут и те, что были написаны в творческом тандеме с Ф. Гваттари.

Но был ли убежден сам Делез в неизбежности сохранения этого устоявшегося размежевания между философией и ее историей? Не несет ли историко-философское произведение в себе самой возможности разрушить известное представление о несводимости этих двух дисциплин друг к другу?

Проблематизация творческого характера философии

В первом приближении кажется, что Делез придерживается достаточно традиционного взгляда на проблему взаимоотношения истории философии

¹ См.: А. В. Дьяков, Л. А. Маркова, Я. И. Свирский; А. Бадью, К. Боундас, А. А. Грицанов, Х. Канавера, Ж.-Л. Нанси, М. Онфре, Х. Л. Пардо, Э. Рудинеско, Д. Смит, М. Хардт и др.

и философии. Он наделяет эти две дисциплины различным содержанием и проводит разграничение между стоящими перед ними задачами: философия должна создавать концепты, в то время как истории философии следует обнаруживать проблемы, к которым отсылают уже созданные концепты.

Без относительно ясного понимания того, что же такое концепт, приблизиться к разгадке отношений между философией и ее историей никогда не удастся, ведь он, по мнению Делеза, составляет сердцевину всей философии, хотя «философы до сих пор недостаточно занимались природой концепта как философской реальности» [8, 16]. Дать однозначное определение концепта довольно сложно, поскольку появляющиеся в разных работах Делеза дефиниции носят широкий и зачастую метафорический характер. Так, концепт определяется как «множественность» [Там же, 21], «чистое Событие, некая этось, некая целостность» [Там же, 27], «ансамбль сингулярностей, каждая из которых существует по соседству с другой» [4, 191], «то, что мешает мысли стать простым мнением» [Там же, 178], «система сингулярностей, выделенная из потока мыслей» [3, 16], «сигнатура духа» [Там же, 17], «чистая виртуальность» [8, 243], «своего рода форма крика» [3, 17] и т. д.²

В начале курса лекций о Лейбнице, который Делез читал в 1980 г. в Университете Париж-VIII (Венсенн), он сообщает своим слушателям, что не видит «никакой возможности определить конкретную науку, если мне не указывают нечто, что создается этой наукой и в этой науке» [Там же, 15]. Эта фраза служит ключом к пониманию той потребности, которая привела Делеза к детальной разработке понятия концепта. Дело в том, что он ищет для философии ее уникальное содержание, ее собственный предмет исследования, присущий только ей одной. Если такого содержания не найти, то философия вынуждена будет оставаться пустой, как это происходит, например, в концепции А. Бадью, предполагающего, что философия никаких истин не производит, а лишь сводит вместе истины, добытые в литературе, науке, политике и любви: «единственным вопросом философии как раз и является вопрос истины — не потому, что философия какую-либо истину порождает, а потому, что она предлагает модус доступа к единству момента истин» [2, 19].

Делез, напротив, отстаивает позицию, согласно которой философия не является размышлением обо всем на свете, рефлексией о различных аспектах бытия, так как рефлексия присуща абсолютно всем формам деятельности и, «объявляя философию искусством размышления, ее скорее умаляют, чем возвышают, ибо чистые математики вовсе не дожидались философии, чтобы размышлять о математике, как и художники — о живописи или музыке» [8, 10–11]. Для того чтобы развеять этот миф о рефлексивной природе философии, надо непосредственно указать на присущее ей специфическое содержание, противопоставив его содержанию науки и искусства. Таким содержанием для Делеза выступает концепт,

---

² В качестве примеров концепта можно указать на «идею» Платона, «сogito» Декарта, «монаду» Лейбница, а также на все то, что принято называть философскими категориями, — пространство, время, движение, материя и т. д. Так, Кант создал новый по отношению к предшествующей традиции философствования концепт времени, но и Хайдеггер сделал то же самое, добавив в сотворенный Кантом концепт новые смыслы, не содержащиеся в нем ранее.

по своим характеристикам принципиально отличный от проспектов, которые создаются в науке, и от перцептов с аффектами, которые творятся в искусстве. Концепт не дан в готовом виде, его необходимо сконструировать, чтобы выразить определенный аспект бытия, он представляет собой фрагментарное целое, мысль, тождественную бытию. Само понятие мышления для Делеза синонимично понятию творчества, чей экстенционал как раз составляют философия, наука и искусство, которые поэтому в то же самое время являются и тремя формами мышления: «Мыслить — значит мыслить концептами, или же функциями, или же ощущениями» [8, 230].

Такая творческая сущность философии Делезом раскрывается в двух аспектах: изобретении новых концептов и постановке проблем. Проблема — это путеводная нить философа, она есть начало и условие возможности возникновения самой философии, так как подталкивает мыслителя к созданию концепта-решения. Этот акт первичного вопрошания осуществляется в том, что Делез именуется планом имманенции, — префилософском образе мышления, «образе мысли, том образе, посредством которого она сама себе представляет, что значит мыслить, обращаться с мыслью, ориентироваться в мысли» [Там же, 45]. Именно в плане имманенции, характерном лишь для философии (наука возникает в плане референции, а искусство — в плане композиции), обитают созданные концепты. Однако план имманенции никогда не является единственным, общим, разделяемым всеми мыслителями, и Делез даже допускает, что многовековое существование философии можно понимать как учреждение различных планов имманенции [Там же, 54], т. е. установление тех или иных образов мышления, которые руководят творчеством концептов.

В сущности, план имманенции образуется из совокупности проблем, они его содержание. Поэтому для начертания плана философу не требуется какая-то специальная деятельность, которую необходимо осуществить перед непосредственным созданием концептов: как только он ставит проблему — то есть обнаруживает неочевидное внутри уже сложившейся традиции мышления, внутри того, что всем давно кажется очевидным, — он автоматически задает и новый план имманенции. Сделать непроблематизированное ранее проблемой означает провести разметку территории мысли, начертить для себя план, дабы знать, куда и как направляться. Те концепты, которые возникнут в качестве ответов на проблемы, станут мерными столбиками на участке мысли, избранном философом. Расстановка этих столбиков тождественна процессу разработки проблемы.

И уже в своей первой книге «Эмпиризм и субъективность: Опыт о человеческой природе по Юму» Делез заявляет о том, что любая философская теория является «тщательно разработанным вопросом и ничем более» [7, 112]. Система связанных между собой концептов — а именно это предполагает понятие теории — есть закономерный результат развития поставленной определенным способом проблемы, заданного тем или иным образом вопроса. Создать концепт означает показать решение проблемы, и тогда оценивать справедливость предложенного решения при подобном подходе можно лишь в рамках именно такой постановки проблемы. Если создание концепта будет реакцией на иную проблему, то

оценивать его, исходя из предыдущей проблемы, будет неверно: «Не соглашаться с Лейбницем можно, лишь исходя из совокупности концептуальных координат самого Лейбница» [3, 42].

Концептуальные координаты, эти мерные столбики, — это решения поставленных ранее проблем, но «решение не может обладать смыслом независимо от задачи, определяемой через ее условия и неизвестные величины, но и условия, и величины эти также не могут иметь смысла вне зависимости от решений, определяемых как концепты» [8, 94]. Эта взаимообусловленность проблемы и концепта, однако, не приводит Делеза к понятию герменевтического круга, так как в отличие от герменевтики речь у него всегда идет о создании и конструировании, а не о понимании, и критика различных концепций в философии может происходить лишь в режиме критики проблем, но не концептов: «Дело не в знании того, так или эдак выглядят вещи, дело в знании, *правилен или нет, строг или нет вопрос, представляющий вещи в данном свете*» [7, 112].

Подобная методологическая установка предохраняет философию от превращения в бесконечную дискуссию, коммуникацию, поиск консенсуса — таково еще одно распространенное сегодня представление о философии наряду с имеющимися определениями ее сущности как созерцания или как рефлексии. С точки зрения Делеза, возникновению этого образа философии как интеллектуального спора мы обязаны диалектике, покоящейся на принципе свободы мнений, который царил в древнегреческом полисе. Задача философа там состояла в том, чтобы извлекать из множества мнений знание, т. е. «в каждом конкретном случае находить инстанцию, способную измерить истинностное значение противоположных мнений — либо выбирая некоторые мнения, более мудрые, чем другие, либо признавая за каждым из мнений свою долю истины» [8, 92–93].

Философия же, с позиции Делеза, не имеет дела ни с истиной, ни с ложью, она вдохновляется «такими категориями, как Интересное, Примечательное или Значительное» [Там же, 95]. И о постановке проблемы тоже не следует говорить в терминах истинности и ложности, так как проблемы ставятся, исходя из самой жизни, реальной действительности нашего существования, к которой подобные термины неприменимы. Критика сформулированной каким-либо философом проблемы может заключаться лишь в демонстрации того, как эту проблему можно поставить по-другому и, как следствие, получить совершенно другие результаты: «Философия в строгом смысле слова не имеет ничего общего с дискуссией, достаточно легко понять, какая проблема и кем поставлена, и как он ее ставит, следует только сделать ее более богатой, варьируя условия, добавить что-то к ней, присоединить, но никогда не обсуждать» [4, 182].

При подлинно критическом подходе к сущности проблемы становятся понятными и расхождения в трактовке одних и тех же концептов различными мыслителями, ведь изменение проблемы всегда влечет за собой изменение плана имманенции и подталкивает к сотворению принципиально нового концепта (или добавлению существенной черты в уже существовавший концепт таким образом, что он начинает мыслиться по-иному). И тогда историю существования философии можно понимать уже не только как учреждение различных планов

имманенции, как мы отметили ранее, но и как эволюцию проблем. Варьирование проблемы — это условие как возможности единичного акта философствования, т. е. конструирования концепта, так и существования философии как феномена культуры в целом.

Теперь, оглядываясь на вышесказанное, мы можем сформулировать, в чем для Делеза состоит непосредственная задача философа, а именно — в определении проблемы и предоставлении ее решения: «Заниматься философией — это конституировать проблемы со смыслом и создавать концепты, заставляющие нас двигаться к пониманию и решению проблем» [1, 80]; «философия — это одновременно творчество концепта и установление плана. Концепт — есть начало философии, план же — ее учреждение» [8, 50].

Однако у двух составляющих философской деятельности совершенно различные режимы существования. Если с созданными концептами мы встречаемся непосредственно при чтении философского произведения, то стоящие за ними проблемы никогда не сообщаются открыто, они никогда не явлены читателю, несмотря на то, что всегда незримо присутствуют в каждом философском тексте. Это объясняется тем, что «задача философа — демонстрация концептов, которые он создает, поэтому он не может попутно еще указывать на проблемы или, по крайней мере, эти проблемы можно обнаружить лишь за уже созданными концептами» [1, 74].

Но существует ли необходимость выявления проблем, скрывающихся за творчеством концептов? Быть может, стоит остановиться лишь на том, что явно «прописано» в тексте? Делез отвечает, что если мы поступаем подобным образом, то подвергаем философию опасности превратиться в простую дискуссию. До тех пор пока кто-нибудь не покажет, как необходимость решения конкретной проблемы привела философа к сотворению конкретного концепта, последний будет восприниматься как заранее данная и неизменная сущность, готовое мнение, чего Делез категорически не приемлет: «Если проблема не найдена, философию невозможно понять, она остается абстрактной» [Там же, 75].

Этот абстрактный характер философии проявляется и в ее обращенности к самой себе. Философы общаются лишь между собой, употребляя неясные для других людей — не-философов — понятия, откуда, как следствие, вырастает неприятие их формы деятельности в обществе. О философах говорят как о тех, кто сравнивает разные мнения и, показывая их ошибочность, заменяет своими собственными верными представлениями. Ситуация осложняется еще и тем, что философы пользуются какими-то странными словами для обозначения совершенно повседневных вещей. А доступ в мир этих заумных бессмыслиц приобретает лишь тот, кто получил соответствующее — философское — образование.

Но для Делеза философия коренится в самой жизни и поэтому ничуть не отличается в этом плане от искусства, которое доступно для понимания всем людям в независимости от того, занимаются ли они им профессионально или нет: «Многие люди думают о философии как о чем-то очень абстрактном, о том, что она для специалистов. Но я твердо верю, что философия никак не связана со специалистами, это не специальность — или такая же специальность, как живопись

или музыка» [1, 69]. Настолько же абстрактно порой воспринимают философию и сами философы, не усматривая в ней возможности к одновременному двойному прочтению: «Хорошая философия есть нечто в высшей степени пригодное для специалистов, так как она состоит в создании концептов, — но она основополагающим образом и для неспециалистов, потому что концепты суть на самом деле чертежи чувственных интуиций» [3, 142].

Прочувствовать конкретность философии, т. е. ее непосредственную связь с жизнью, эти чувственные интуиции, можно лишь тогда, когда за концептом открывается соответствующая ему проблема. Так, например, Делез показывает, как концепт Идеи был создан Платоном для решения насущной для древнегреческого полиса проблемы выбора между бесчисленным количеством соперников, претендующих на право обладания чем-либо в различных жизненных ситуациях, будь то притязание влюбленного на руку и сердце своей возлюбленной или же притязание столяра на дерево как объект своей профессиональной деятельности. Критерием для правомерного выбора между притязающими и становится их максимально полное соответствие Идеи: «Именно Идея, то есть вещь в чистом состоянии, позволяет выбирать среди них, выбрать того, кто наиболее близок к ней» [1, 73]. Реальное устройство древнегреческого демократического полиса, основой функционирования которого выступал принцип соперничества, и стало основанием для постановки проблемы подобным образом: «Это цивилизация, в которой постоянно возникает конфронтация соперников: вот почему они изобрели гимнастику, Олимпийские игры, судебные иски — ибо никто не любит спорить больше, чем грек... Они — претенденты» [Там же, 74].

Следовательно, понять созданный Платоном концепт означает обнаружить, как сама жизнь стала непосредственным материалом для формулировки проблемы, для возникновения философии. Концепт — это огранка жизни, мысль, принявшая особую форму, отличную от форм перцепта и аффекта в искусстве и проспекта в науке, обрамляющих жизнь по своим канонам. Абстрагирование от проблем и фиксация на концептуальности изживает философию и превращает ее, с одной стороны, в бесплодную дискуссию о принципиально несводимых друг к другу предпосылках различных способов мышления, а с другой, в бессмысленную рефлексию, оторванную от жизни.

Противостоять тенденции к абстрагированию философии, по мысли Делеза, как раз и призван историк философии. Он должен разглядеть проблему, извлечь ее из глубин логически связанных между собой концептов и продемонстрировать окружающим, для чего философу необходимо было сотворить именно такой концепт, воплотить событие именно в такой форме. Абстрактное понятие превращается в конкретный, наполненный смыслом и поддающийся пониманию концепт, который оказывается тесно связанным с жизнью, а не скрыт от нее за нагромождением бессмысленных слов.

Историк философии изучает или созданные каким-либо философом концепты, или прослеживает историю одного концепта, к чьему созданию и постоянному обновлению причастны разные мыслители. Историко-философское исследование погружается внутрь текста и по ту сторону концепта обнаруживает проблему,

не проговоренную философом: «История философии не должна повторять то, что сказал какой-либо философ; она должна говорить о том, что он неизбежно подразумевал то, о чем он не говорил, но что, однако, присутствовало в том, что он говорил» [4, 177].

Но эта мысль Делеза о необходимости открытия за концептом проблемы приводит к заключению о том, что деятельность историка философии не носит подлинно творческого характера: раз концепт выступает логическим результатом развития внутреннего содержания проблемы, то работа историка философии заключается лишь в «вытаскивании» из концепта того, что в нем уже находилось. Он открывает, но не изобретает, находит, но не создает. Первым проблему изобретает философ, творя для нее в последующем концепт, а историк философии к ее формулировке и постановке отношения не имеет, он только делает ее видимой: «Заниматься историей философии — значит восстанавливать эти проблемы и через это открывать то новое, что заключено в этих концептах» [1, 75]. В данном случае на долю истории философии выпадает лишь демонстрация творческого характера философии.

Поскольку Делез полагает, что философия связана с подачей авторской позиции, которая берет свой исток в творчестве нового, а история философии — с демонстрацией позиции изучаемого мыслителя, то ему действительно свойственно традиционное представление о несводимости философии и истории философии друг к другу. В предисловии к английскому изданию «Различия и повторения» он пишет: «Существует большая разница между написанием истории философии и написанием философии. В одном случае мы изучаем стрелы или орудия великого мыслителя, его трофеи и добычу, открытые им континенты. В другом случае мы заостряем свои собственные стрелы — или собираем те, что нам кажутся наилучшими, — для того, чтобы попытаться запустить их в других направлениях, даже если то расстояние, которое им предстоит пролететь, отнюдь не астрономическое, а сравнительно небольшое» [12, xv].

Проиллюстрировать эту позицию можно и с помощью другой метафоры. Историк философии работает с философским текстом так, как с уликами на месте преступления работает детектив, стараясь отыскать за оставленными нам «подсказками» того, кто на самом деле совершил злодеяние. Только в случае с историей философии преступник уже известен (по крайней мере, имеется подозреваемый), не хватает лишь самого интеллектуального преступления — проблемы, к раскрытию которого нас должна привести концепт-улика. Улики — единственное, чем руководствуется историк философии, обнаруживая в конце своего расследования учиненное насилие над мыслью, но непосредственного отношения к нему он все же не имел.

Проблематизация симуляционного характера истории философии

Однако наряду с вышеизложенной точкой зрения Делеза на взаимоотношение философии и истории философии мы также можем обнаружить в его работах и иное понимание данной проблемы. Оно основывается на опровержении

предположения об отсутствии творчества в исследовании историка философии посредством задания иного измерения творчества в целом. Так, существенным значением обладает тот факт, что Делез нередко обращается к сравнению деятельности историка философии с работой художника, а еще точнее, с работой портретиста: «История философии — это, как и в живописи, некое искусство портрета. Рисуются портрет философа, но это — философский портрет философа» [1, 69], портрет ментальный, концептуальный, написанный словом.

Подобное сближение истории философии с искусством как раз и открывает возможность для ее интерпретации в ключе творческого создания реальности. Портрет философа, этот воплощенный творческий акт, безусловно, не будет выполнен в реалистичной манере, «ведь задача здесь — не “написать схоже”, то есть повторить сказанное философом, а создать сходство, одновременно показав учрежденный им план имманенции и сотворенные им новые концепты» [8, 66]. Создается это сходство благодаря тому, что историк философии не просто воспроизводит последовательность сотворенных философом концептов и выводит стоящую за ними проблему, которой явным образом в оригинале представлено не было, но благодаря тому, что параллельно этому описанному выше процессу конструируется и сама фигура философа, которая до завершения портрета существовала только в качестве имени, которым был подписан корпус текстов и находящиеся в них концепты: «Мы пытаемся говорить от нашего собственного имени только для того, чтобы выучить, что имя собственное означает не более чем результат работы — другими словами, концепты, которые мы открыли, при условии, что нам удалось наполнить их жизнью и выразить, используя все языковые возможности» [12, xv].

Именно в этом смысле историк философии настолько же причастен творчеству, насколько ему причастен собственно философ: помимо того, что в его задачу входит демонстрация проблемы, ведущей к конструированию концепта, он еще и в буквальном смысле создает фигуру философа, его философскую систему в целом. Но поскольку историк философии не творит из ничего, при создании портрета ему необходимо полностью доверять текстам изучаемого мыслителя, они его материал. Это требование предполагает не столько отказ от собственной позиции по отношению к поднимаемым философом вопросам и даваемым на них ответам, сколько осознание того, что фундаментом исследования выступает возможность включиться в план имманенции мыслителя даже в том случае, если образы мышления исследователя и исследуемого не совпадают. Эта включенность происходит в процессе обнаружения за концептом проблемы: «Необходимо, чтобы вы погрузились в эту проблему. Не имеет значения, согласны вы с проблемой или нет, это не наше дело. На время необходимо, чтобы вы сделали вид, будто согласны, даже если позже вы пересмотрите свое согласие» [11, 62–63].

Такое мнимое согласие с проблемой, поставленной философом, делает из историка философии притворщика, который выдает видимое за реальное, не желая в этом признаваться. То, что Делез говорит нам об этом почти в открытую, смущать не должно: это лишь совет тем, кто мечтал бы приблизиться к искусству написания историко-философских книг. Сам он часто утверждал, что первое

время действительно занимался историей философии и только затем приступил к занятиям собственно философией, что в целом подтверждает его позицию, рассмотренную нами ранее, о несводимости двух дисциплин друг к другу, — но далее, наоборот, отрешивался от того, чтобы его книги о Фуко или Лейбнице называли историко-философскими книгами, и заявлял, что не видит никакой разницы между написанием работы философского и историко-философского характера. И это не рассеянность профессора с мировой известностью, путающегося в своих утверждениях, и не зловерный обман. Так проявляет себя утверждаемая Делезом творческая природа экспериментирования с мыслью, оборотной стороной которого как раз и оказывается притворство.

В итоге Делез-притворщик сознательно растворяет философию в истории философии и историю философии в философии, хотя и не признается в этом. Поначалу перед нами возникает образ канонического историко-философского исследования, в котором важны строгость изложения, точность фактов, верность исследуемому мыслителю, воспроизведение всех его концептов, следование предложенному им образу мышления. Именно по этим критериям мы традиционно отличаем хорошее исследование от плохого, объективную реконструкцию философской системы от субъективной и с уверенностью говорим, что перед нами «подлинный Платон», «подлинный Хайдеггер» или «подлинный Ницше».

Но такая подлинность, добавляет затем Делез, скучна, это не исследование в критическом смысле этого слова, это элементарная доксография, которая слово в слово повторяет то, что уже было кем-то сказано. Ведь претендовать на подлинность имеет право лишь абсолютная тождественность, но она, к сожалению, лишена новизны и творческой силы: «История философии совершенно неинтересна, если не ставит перед собой задачу оживить дремлющий концепт, сыграть его заново на новой сцене, хотя бы и обернув его против него самого» [8, 97]. Повторять вслед за Платоном неинтересно и, более того, совершенно не нужно, ведь Платон уже сказал все, что мог, и сделать это лучше него мы все равно не сможем. Интересно как раз таки то, чего Платон не сказал в силу специфики того способа, каким он ставил свои проблемы, т. е. в силу особенностей своего плана имманенции.

Но выбраться из плана имманенции Платона можно, лишь учредив свой собственный, перенеся его проблемы и концепты на уже свою сцену. В таком случае оказывается, что при включении в план имманенции мыслителя историк философии обречен на создание копий, но как только он захочет представить интересного, нового Платона, обойтись без задания нового плана имманенции он не сможет. Ранее же, согласно первому делезианскому подходу, мы полагали, что на долю историка философии выпадает лишь открытие чужих планов, а разлиновка мысли в его задачу не входит. Теперь же у Делеза начинает исчезать эта грань между содержанием деятельности философа и содержанием деятельности историка философии: и тот и другой проводят планы имманенции, и тот и другой ставят проблемы, и тот и другой нуждаются в концептах. И если мы уже почти не способны отличить одного от другого, то нам необходимо признать, что и деятельность историка философии носит творческий характер, как его носит деятельность философа.

Творчество же состоит в продуцировании новизны, в создании новых возможностей для развертывания жизни, в предоставлении новой сцены для ее пьесы. Но новизна не возникает там, где обнаруживается тождество. И если мы ведем речь об историке философии, мечтающем продемонстрировать новый образ философа, то настоящим критерием оценивания его работы должно стать достигнутое им сходство с этим философом, а не отвоёванная у последнего тождественность. Под таким углом зрения цель историка философии будет определяться следующим образом: написать так, чтобы явно угадывалось сходство между реальным философом и его создаваемым образом.

Логично было бы предположить, что сходство, в отличие от абсолютной тождественности, лишенной творческого потенциала, должно нести в себе определенную долю различия, достигая которой Делез предлагает за счет смены плана имманенции изучаемого мыслителя на план имманенции самого историка философии. Однако при прочтении историко-философского произведения нам неизбежно придется сталкиваться с тем, что фигура исследуемого философа хотя и узнаваема, но наполнена какими-то странными и непривычными нам изменениями и смещениями.

Читатель, встречая такого непривычного ему философа, попытается понять, насколько это создание историка философии соответствует оригинальным текстам, на которые тот опирался. Однако Делез утверждает, что если и говорить об историко-философском произведении как о копии оригинала, то надо понимать, что речь идет не об обычной копии: для того, чтобы копия была хорошей, она должна быть абсолютно тождественной оригиналу в своей сущности, но в таком случае необходимость в ее существовании отпадает, она не несет в себе ничего нового. Историко-философскому произведению остается быть лишь плохой копией, т. е. такой копией, которая возникает благодаря работе принципа различия и за счет этого создает пространство для последующей работы мысли. Эта плохая копия в то же время есть идеальный двойник: «Следует, чтобы изложение истории философии действовало как подлинный двойник и включало присущее двойнику максимальное изменение» [6, 12].

Двойник, несомненно, обладает сходством с оригиналом, однако это сходство не носит онтологического характера, а возникает как эффект развертывания и переплетения между собой всевозможных отклонений и отличий от подлинника: «...подобие и тождество — лишь результаты этого различия, единственно изначального в системе. Следовательно, справедливо сказать, что система исключает определение начального и производного, как и первого, и второго раза, поскольку различие — единственное начало, независимо от всякого подобия побуждающее сосуществовать различное, соотношенное им с различным» [Там же, 158].

Идеального двойника творит принцип различия, и сам факт его существования подрывает привычное разделение на оригинал и копию. Двойник не отсылает к некоему прообразу, он обладает самостоятельным существованием и не может быть сведен к простому повторению первоначального образца, статусу вторичной по своему определению копии. Следовательно, историко-философское произведение, определяемое Делезом как идеальный двойник, и исследуемый философский

текст (или тексты) не соотносятся друг с другом в рамках генеалогической модели, так как историко-философское произведение всего лишь отсылает нас к некоему тексту, являющемуся материалом для его создания, но не является его порождением: «Каким бы малым ни было внутреннее различие между двумя рядами, между двумя историями, одна не воспроизводит другую, одна не служит моделью для другой; но подобие и тождество — лишь результаты действия этого различия, единственно изначального в системе» [6, 158].

Бергсон Делеза — это Бергсон измененный, Бергсон трансформированный, Бергсон искаленный и исковерканный, хотя все равно узнаваемый нами, и он настолько же реален, насколько реален и тот Бергсон, который когда-то жил и писал о концепте длительности. И для нас более не возникает вопроса о том, насколько историко-философский Бергсон соответствует или не соответствует Бергсону реальному, ибо само понятие реального претерпевает существенные изменения.

Реальное — это все то, что мы создаем, конструируем в творческом акте; оно не дано и не предзадано. Так, создаваемый историком философии образ философа — это, по сути, и есть единственно возможный вариант существования данного философа в пространстве мысли. Делез еще сильнее радикализирует эту идею, полагая, что говорить об объективности сконструированного образа философа невозможно в принципе, таких образов всегда множество и они равны между собой. Обнаруживается возможность этого принципиального многообразия благодаря тому, что каждый историк философии обращается к разным проблемам, конституирующим творчество концептов изучаемого ими мыслителя³.

В этом моменте позиция Делеза, которую можно назвать конструктивизмом, входит в значительное методологическое противоречие с герменевтическим подходом. Герменевтика видит своей задачей обретение понимания текста посредством расшифровки смыслов, находящихся в нем. Так как это смыслы, а не один смысл, то возможно наличие множественных интерпретаций, порой даже входящих в конфликт друг с другом. Для Делеза само словосочетание «интерпретация текста» в том значении, какое ему приписывают герменевтики, неприемлемо: не может быть интерпретации текста, интерпретации того смысла, который вложил в него философ, так как мы сами творим этот текст и этот смысл. Напечатанные типографской краской буквы на белом листе бумаги — это не текст со смысловым единством, это просто напечатанные типографской краской буквы на белом листе бумаги. Текст, а заодно с ним и фигура философа, которому этот текст приписывается, конструируется из раза в раз каждым историком философии, который к нему обращается.

Поэтому не существует и никогда не существовало Бергсона без того, кто его создает. И в этом аспекте подлинный Бергсон — это в той же мере Бергсон

---

³ В курсе лекций о Лейбнице от 1986–1987 гг. Делез говорит Ж. Контессу: «Я лишь допускаю, что ставлю у Лейбница в привилегированное положение ту или иную проблему, а ты ставишь в привилегированное положение другие проблемы, чтобы поддержать свою точку зрения, и используешь другие тексты, которые ты найдешь для подтверждения своей позиции, я этого отнюдь не исключаю» [3, 264]. Поводом для данных слов стало несогласие Контесса с утверждением Делеза о том, что к плану имманенции, разделяемому Лейбницем и Спинозой, не принадлежит Декарт.

неподлинный, так как разграничения между оригиналом и копией (адекватной оригиналу или нет) провести невозможно, оригинала нет, общепринятого и «правильного» понимания Бергсона нет. Бергсон существует только как постоянно творящийся образ Бергсона.

Различные проблемы, которые историки философии будут выдвигать на первый план в своих исследованиях, приведут к конструированию разных Бергсонов. И то же самое происходит в истории философии как целостном ретроспективном взгляде на существование философии с момента ее зарождения в Греции: не бывает единой Истории философии как некоей *Urdoxa*, т. е. единственного и непогрешимого мнения о том, как развивалась и развивается философия. Этим пустым мнением, которое «до сих пор можно найти во многих историях философии, где рассматриваются различные решения (скажем, субстанция по Аристотелю, Декарту, Лейбницу...), но так и не выясняется, в чем сама проблема, ибо она просто скалькирована с пропозиций, служащих ей ответами» [8, 94], во многом грешат учебники по философии.

Плохой историк философии, т. е. доксограф, производит хорошую копию, хороший же историк философии создает плохую копию. Последнюю Делез иначе называет симулякром — понятие, которое в своих истоках восходит к Платону. Но если для Платона симулякры были ложными претендентами на истину, которых любили создавать софисты, затуманивая разум юношей и не давая им приблизиться к постижению сути вещей, их Идей, то для Делеза «симулякр — не просто ложная копия... но он ставит под вопрос само понятие о копии и модели» [5, 333].

Понятие симулякра задает мир как фантазм, который творится в процессе развертывания принципа различия: «Достаточно оценить эту конститутивную *разнородность* саму по себе, не предполагая какого-то заранее данного тождества, и сделать разнородность единицей меры и коммуникации. Тогда сходство может мыслиться только как продукт внутреннего различия» [Там же, 341]. По Делезу, в мире изначально различие, разнородность, а тождество и подобие лишь следствия, которые не укоренены в бытии, так как «у Того же Самого и Подобного больше нет иной сущности, кроме *симуляции* — то есть выражения действия симулякра» [Там же, 342]. Это маски, за которыми кто-то скрывается, кто-то, обманывающий своим внешним видом, заставляющий поверить в то, что он и есть тот, кого представляет. Но почему возможен этот обман, почему мы видим сходство или тождество в том, что на самом деле ими не обладает?

Делез отвечает на этот вопрос следующим образом: «Возможность симулировать То же Самое и Подобное вовсе не означает, что они суть видимости или иллюзии. Симуляция обозначает силу, способную производить *эффект*» [Там же, 343]. Эффект — это маска, но за ней не скрывается подлинный субъект действия, ведь тогда этот маскарад был бы еще одной иллюзией, а не симуляцией — за ней всегда обнаруживается еще одна маска, а за ней другая и так до бесконечности. Эта бесконечная игра масок, за которыми нет никого, кроме них самих, резонирует с мыслью Ницше о вечном возвращении в той мере, в какой этот концепт получает трактовку у Делеза: возвращается всегда То же Самое и Подобное, но лишь потому, что не Тем же Самым и не Подобным они порождаются, потому что

«симулируются или создаются с помощью симуляции под действием симулякра (воли к власти)» [5, 345].

В вечном возвращении, понятом как созидающий, творящий хаос, не существует возможности установления иерархии, прочтения мира в категориях первичного и вторичного. Симулякр, сперва представившийся лишь безобидной ложной копией, оказывается в итоге мощной силой, переворачивающей отношения между оригиналом и копией, уничтожающей их без остатка. Он заставляет нас признать возможность низвержения платонизма — проекта, суть которого Делез видел в подрыве философии репрезентации. Симулякр не репрезентирует мир, хотя похож на него, он творит мир и делает это непрерывно.

Точно так же творит мир мысли, который мы по традиции называем философским, и история философии. Но такая тотальность истории философии оборачивается ее собственным уничтожением, уничтожением в своей противоположности (т. е. философии), которая вслед за гибелью своего двойника умирает тоже. Отныне историк философии создает симулякры, которые поглощают представления об оригинале и копии, о философе-первообразе и о его вторичном историко-философском двойнике. Историк философии более не репрезентирует философа, он не его представитель, не уполномоченный по правам Спинозы, Лейбница, Юма. Он и есть Спиноза, Лейбниц и Юм.

Историк философии — это Софист, которого уже невозможно отличить от философа Сократа, он существует в зоне неразличимости, там, где сама проблема разведения понятий истории философии и философии оказывается номинальной: «Таков конец *Софиста*: возможность триумфа симулякров, поскольку Сократ отличает себя от софиста, но софист себя от Сократа не отличает и ставит под сомнение законность такого отличения» [6, 162]. В этом мире симулякров, в этом мире фантазмов есть только подлинное творчество, которое всегда обращается с концептами и их совокупностями, подписанными чьим-то именем.

На эту невозможность разграничения между историей философии и философией указывает и А. С. Игнатенко, отмечая, что делезианский проект постмодернистской философии как раз таки предполагает стирание границы между историко-философским и философским текстом. Однако последующее утверждение о том, что «философский текст создается не с целью почтить Автора, переняв из его рук мудрость, а чтобы задать Концепт; и в этом деле задания концепта сам автор... лишь посредник, оператор, но не творец» [9], нам кажется несколько утрированным, так как для Делеза творчество — суть любой деятельности: «Философ — творец, он не рефлексивен» [4, 168]. Безусловно, творец понимается не как активный действующий субъект, личность с присущими ей свойствами, мнениями и жизненным опытом. Нет, речь идет о доличностном потоке жизни, включенном в становление мышления.

Творчество мысли, игра мысли, эксперимент мысли. М. Фуко дает философии самого Делеза название театра, на сцене которого за разными масками разыгрывает свой спектакль мысль, «генитальная мысль, интенсивная мысль, утверждающая мысль, акатегориальная мысль — у всего этого неузнаваемое лицо, маска, никогда прежде не виданная нами; различия, ожидать которых у нас не было основания,

но которые тем не менее ведут к возвращению — как масок своих масок — масок Платона, Дунса Скота, Спинозы, Лейбница, Канта и всех других философов» [10, 472].

Маски, симулякры — это создания историка философии, который без этих масок никогда не существовал и существовать не может. Снять маску с ее носителя не представляется возможным, ведь за маской снова маска. Такое наложение масок друг на друга и конституирует субъекта современного мира, одновременно являющегося его творцом, творцом еще одной и еще одной маски. Реальность философского мира полагается Делезом как реальность творимая, и история философии (которую мы уже не можем понимать как историю философии в привычном смысле, в ее противоположенности философии), эта некая квазиистория философии, оборачивающаяся квазифилософией, составляет сердцевину деятельности любого, кто воспринимает и оформляет мир в концептах.

В заключение можно указать на то, что традиционное понимание Делезом взаимоотношения истории философии и философии, базирующееся на их различном содержании, задачах и характере, не входит в противоречие с предложенным им же самим более новаторским подходом, в рамках которого история философии сама является творческим источником философии и симулирует сходство с изучаемым наследием посредством кардинального отличия от него. Вторая позиция является логическим следствием первой, ее углублением и одновременным выведением на свет пути к ее преодолению точно так же, как сам Платон указал путь низвержения платонизма [5, 333].

1. Алфавит Жиля Делеза с Клер Парне (стенограмма на основе субтитров) / пер. с фр. Д. А. Армацкой, Г. Коломийца, Д. Куренова, В. Лазарева и др. [Электронный ресурс]. URL: http://platonanet.org.ua/_ld/33/3397_DeleuzeParnetVo.pdf (дата обращения: 06.09.2015).
2. Бадью А. Манифест философии / сост. и пер. с фр. и послесл. В. Е. Лапицкого. СПб., 2012.
3. Делез Ж. Лекции о Лейбнице, 1980, 1986/1987 / пер. с фр. Б. Скуратова. М., 2015.
4. Делез Ж. Переговоры / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2004.
5. Делез Ж. Платон и симулякр // Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. Екатеринбург, 1998.
6. Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. СПб., 1998.
7. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского. М., 2001.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М., 2009.
9. Игнатенко А. С. Делез и Юм: конец истории философии [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/6727> (дата обращения: 02.10.2015).
10. Фуко М. *Theatrum philosophicum* // Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. Екатеринбург, 1998.
11. Deleuze G. El saber. Curso sobre Foucault. Tomo 1 / traducción y notas de Pablo Ires, Sebastián Puente. Buenos Aires, 2013.
12. Deleuze G. Preface to the English Edition // Deleuze G. Difference and repetition / transl. by Paul Patton. N. Y., 1994.

Рукопись поступила в редакцию 15 октября 2015 г.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ

УДК 114 + 125

Д. В. Пивоваров

ПРОСТРАНСТВО И ГРАНИЦА

Лекция

В лекции излагаются две важнейшие философские темы — тема пространства и тема границы. Вначале автор формулирует исходные определения понятий пространства, места, внешнего и внутреннего, имманентного и трансцендентного, трансцендентального, прерывного и непрерывного, конечного и бесконечного. Затем он описывает и сопоставляет три альтернативные концепции пространства — феноменологическую, субстанциальную и реляционную. Наконец, он анализирует онтологию границы, выявляет диалектические противоречия пограничного бытия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пространство, место, внешнее и внутреннее, имманентное и трансцендентное, трансцендентальное, прерывное и непрерывное, конечное и бесконечное, граница, пограничное бытие.

I. Дефиниция и аспекты понятия пространства

Выделяют две принципиально разные формы бытия — бытие протяженное и бытие непротяженное. Первую форму бытия в прежние века обозначали термином «распространенность», а теперь именуют «пространством». Непротяженное бытие ныне принято обозначать терминами «снятое», «идеальное», «виртуальное бытие», «духовная телесность» и др. *Пространство* — предельно абстрактная философская категория, обозначающая конечную либо бесконечную совокупность мест. *Место* (греч. *topos*, лат. *locus*) — непрерывная и ограничиваемая сторонами непосредственность направлений, путей, расстояний. Непосредственность места прямо задается в нашем чувственном опыте, ее невозможно адекватно отобразить связью понятий, неявно ее демонстрируют при помощи слов «здесь», «там», «этот», «тот» и др. Пространство — это не материальный либо духовный субстрат, не материя и не дух, а атрибут *расстояния*, проявляющийся в отношениях между материальными или духовными телами.

Место относительно постоянно, соотношение его сторон сохраняется некоторое время неизменным. Одно место непрерывно переходит в другое, отсюда многосвязность пространства. Топос имеет три измерения (длину, ширину, высоту), внутреннюю область и внешние границы, также он характеризуется соотношениями с другими местами (вправо, влево, выше, ниже и т. д.). Пространство, составленное единицами-топосами, есть состоявшееся единство таких его аспектов, как внутреннее и внешнее, непрерывное и прерывное, конечное и бесконечное. Кратко определим эти аспекты пространства.

Внешнее — то, что пребывает за границей предмета, а *внутреннее* — то, что заключено в самом предмете. Всякий предмет, взятый в его целостном виде, есть динамическое единство внутреннего и внешнего. Понятием внешнего описывают: а) поверхностную сторону предмета; б) особенности его функционирования; в) пограничные взаимодействия окружающих вещей; г) весь внешний мир; д) трансцендентные реальности. Понятием внутреннего характеризуют: а) строение предмета, связь его частей; б) самобытие, своеобразие вещи; в) сущность предмета как совокупность всех его отношений и возможностей; г) субъективную реальность организмов; д) имманентную абсолютную реальность.

Внешнее, как правило, служит необходимым условием существования и развития внутреннего. Внутреннее и внешнее вне отношения друг к другу логически бессмысленны, взаимопроникают и могут вступать между собой в диалектические противоречия. Граница между ними подвижна, иногда трудноуловима. О внутреннем часто можно судить по его внешним проявлениям. Внешнее так или иначе отражается во внутреннем. Категории внутреннего и внешнего конкретизируются в философии понятиями имманентного и трансцендентного. *Имманентное* (от лат. *immanentis* — пребывающий в чем-либо, свойственный чему-либо) — это то, что внутренне присуще предмету, свойственно качеству, характеризует самость изнутри. *Трансцендентное* (от лат. *transcendens* — перешагивающий, выходящий за пределы) есть то, что выходит за пределы возможного опыта и недостижимо через внешнее исследование.

Трансцендентальное (нем. *transzendental*) — то, что имманентно сознанию, ненаблюдаемо умом, связывает внутренний мир человека с предельными границами внешнего универсума и позволяет людям постигать трансцендентное. Кант пишет: «Я называю трансцендентальным всякое познание, которое занято не столько объектами, сколько нашим способом познания их, поскольку заранее допускается, что это познание должно быть возможным *a priori*» [5, 121]. Кант относит к трансцендентальным формам чувственности интуиции пространства и времени; к трансцендентальным формам рассудка — категории субстанции, причинности и др.; к трансцендентальным формам разума — такие регулятивные идеи чистого разума, как идеи Бога, души, мира как целого.

Прерывное и непрерывное — категории, обозначающие специфическую меру структурного и (или) процессуального единства между внешне или внутренне связанными вещами, явлениями, состояниями. Пример предельно мыслимой степени прерывности — абсолютная изолированность, а максимальная степень непрерывности — сплошность, монолитность, единое.

Прерывность выражает следующие основные моменты автономии и нарушения единства (тождества):

1) момент раздельности, отграниченности, обособленности существования взаимодействующих качеств; присущность качеству относительно непроницаемой извне границы, обеспечивающей ему сравнительно независимое бытие;

2) достижение порога дробимости целого (качества) на все более мелкие составные части, прекращение делимости и скачок из сферы анатомической в область атомарного (простейшей компоненты, функции);

3) приближение качества к пределу допустимого интенсивного или экстенсивного роста, существенная неоднородность различных фаз его развития, прекращение роста целостности;

4) внезапная потеря (случайно или закономерно) связи между целым и каким-либо его уровнем или подразделением;

5) нарушение плавности, постепенности, преемственности в процессе изменения — в процессах взаимодействия, воспроизводства, развития или эволюции.

Непрерывность — это: 1) неразрывная связь сосуществующих объектов; 2) плавный взаимопереход состояний в процессах становления. Понятие непрерывности обозначает относительную проницаемость границ между отдельными вещами, слитность разных предметов в нечто для них единое, приблизительную однородность структурной дробимости целого на всех его уровнях, постоянную плавность роста целого в том или ином направлении, сохранение постепенности и преемственности в процессах изменения. Непрерывные объекты не могут быть разложены на некие отдельно существующие составные части. Вместе с тем непрерывное далеко не всегда есть нечто монотонное и единообразное, но бывает многоцветным и многообразным.

Г. В. Лейбниц сформулировал всеобщий «закон непрерывности», согласно которому чувственно воспринимаемая природа никогда не делает скачков; в ней одно всегда плавно переходит в другое, и в этом континуитете не бывает никаких пустот и пробелов [7, 358–359]. Вместе с тем мысленно постигаемое бытие состоит из монад — неделимых метафизических субстанций. Так что, по Лейбницу, мир нам дан противоречиво: в чувственном опыте — как нечто непрерывное, а в разуме, наоборот, — как нечто прерывное.

Благодаря прерывности бытие множественно, состоит из несводимых друг к другу отдельных тел, мыслей, процессов; всякое качество есть дискретная определенность. Благодаря непрерывности бытие едино, в нем есть единство: в различиях между предметами обнаруживаются тождество, существенная общность, а изменяющаяся система сохраняет устойчивость и пребывает в рамках данной меры; количество же относительно безразлично к обособляющим границам. Сторонники диалектики ищут в прерывном непрерывное и наоборот. Например, в скачкообразном переходе от старого качества к новому они усматривают не только прерыв постепенности, но также и снятие (сохранение, наследование) прежнего качества в образовавшемся эмердженте. Метафизики (антидиалектики) же не замечают взаимопереходов прерывности и непрерывности, абсолютно противопоставляют друг другу дискретное и континуальное, скачок и постепенность.

Бесконечно ли пространство или «бесконечность» — это всего лишь фикция человеческого ума? Споры между сторонниками финитизма и инфинитизма мирового пространства никогда не прекращаются. Так, пифагорейцы сопрягали бытие с пределом, относили беспредельное к небытию, а Анаксагор, наоборот, защищал учение о бесконечности бытия. Предел — это: 1) протяженная или темпоральная граница чего-нибудь; 2) то, что ограничивает собой нечто (примеры: за пределами страны, в пределах часа, предел совершенства, предельная точка).

Конечное — 1) форма проявления бесконечного; 2) «свое иное» бесконечного; 3) то, что имеет пространственный и (или) временной конец, границу. Всякое нечто (качество, вещь и пр.) определяется как конечное. В понятии конечного мир представлен множеством дискретных предметов, отделенных границами друг от друга. Одно конечное со временем переходит в другое конечное; конечное постоянно меняется, отрицает себя, с необходимостью движется к своему концу. Поскольку граница между качествами не только разделяет их, но также связывает их воедино, то всякое конечное обладает альтернативными свойствами: в первом — разъединительном — отношении конечное можно описывать как нечто относительно автономное, обособленное, самостоятельное; во втором — соединительном — отношении всякое конечное следует понимать как то, что так или иначе зависит от иного бытия и не обладает полной автономией.

Бесконечное — «неконечное», не имеющее границ, отрицание конечности, беспредельное. Аристотель предложил различать два вида бесконечности: 1) интуитивно ясную потенциальную бесконечность сущего и 2) малопонятную актуальную бесконечность, т. е. бесконечность уже свершившуюся, реализованную [1, 112, 117–122]. Николай Кузанский учил, что в бесконечности между собой совпадают максимум и минимум, сливаются противоположности, сама же бесконечность «постигается непостигаемо», через «ученое незнание» [10]. По Гегелю, истинная бесконечность есть постоянная тенденция выхода конечного за свои периодически изменяющиеся границы; отсюда — внутри конечного пребывает истинная бесконечность [3, 202–216]. Математика нередко обнаруживает в конечном бесконечность, а в бесконечном — конечное. Так, если двигаться по поверхности шара, то мы не обнаружим его границ; в этом смысле шар безграничен, но конечен.

В естествознании и философии между собой постоянно конкурируют альтернативные модели «бесконечности вширь» и «конечности вширь»: 1) мир бесконечен в пространстве и во времени (пантеизм); 2) мир замкнут в конечную сферу, возник конечное число лет тому назад и когда-нибудь непременно погибнет (монотеизм). Противостоят друг другу на протяжении всей истории философии также две модели «бесконечности вглубь» и «конечности вглубь»: 1) всякий объект бесконечно делим, нет ничего истинно элементарного (учение Анаксагора, гипотеза бутстрапа в физике и др.); 2) существуют атомы в истинном смысле, и фундамент мира составлен принципиально неделимыми стихиями (учение Демокрита, гипотеза кварков в физике и др.).

Выдвигались и «смешанные» гипотезы. Еще древнегреческие атомисты учили, что всякая вещь построена из неделимых атомов (т. е. мир конечен «вглубь»), однако все бесконечное число атомов погружено в бесконечно протяженную

и бесконечно делимую пустоту. Любопытен тезис академика Г. И. Наана: мы знаем, что Вселенная бесконечна, но мы не знаем, в каком именно смысле она бесконечна [9, 65–66].

Пространство обладает метрическими и топологическими свойствами. Основная единица длины СИ — метр (фр. *mètre*, от греч. *metron* — мера). Метрика — формула или правило для определения расстояния между любыми двумя точками пространства. Топология изучает свойства фигур, не изменяемые при деформациях, производимых без разрывов и склеиваний. Например, окружность, эллипс, контур квадрата имеют одни и те же топологические свойства, так как эти линии могут быть трансформированы одна в другую. А вот кольцо и круг обладают разными топологическими свойствами, ибо круг ограничен одним контуром, а кольцо — двумя.

II. Альтернативные концепции пространства

В истории философии изначально противостоят три концепции пространства — феноменалистическая, субстанциальная и реляционная. В разные исторические периоды верх берет то одна, то другая.

1. Феноменалистический взгляд. Многие философы, вслед за Платоном, думают, что пространство не обладает собственным существованием, а абсолютное бытие не зависит от пространственных условий. По Платону, мир объективных идей составлен нигде не локализованными вечными объектами, а материя (хора), изначально бесформенная и незримая, служит источником множественности, чувственно воспринимаемой индивидуации. В диалоге «Тимей» Платон говорит, что хора — это «восприемница и как бы кормилица всякого рождения», она способна принимать любую геометрическую форму. Материя тождественна пространству, поскольку пространство есть возможность любых чувственно воспринимаемых геометрических фигур [14, 452].

Христианская философия, как и платонизм, не наделяет абсолютное бытие пространственными свойствами. Бог повсюду, но не занимает отдельного места. Бог скорее не в пространстве, а источник пространства. Все, что находится в пространстве, имеет границы; одно пространство исключает другое. Бог же, по определению, есть существо бесконечное, а потому вечно внепространственное. Протяженность — всего лишь частное проявление Абсолюта.

Дж. Беркли определил пространство и его трехмерность как порядок наших ощущений и утверждал, что «все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне духа» [2, 173]. И. Кант увязал природу пространства с особенностями человеческой чувственности и трактовал топос как априорную структуру субъекта. Читаем у Канта: «Таким образом, понятие пространства есть чистое созерцание, так как это понятие единичное, не составленное из ощущений; пространство — основная форма всякого внешнего ощущения» [6, 403]. Вещи кажутся людям протяженными и трехмерными вследствие заданных способностей их ума и особого устройства органов чувств. Другие разумные существа, с другой сенсорной организацией, возможно, постигали бы мир вне времени и пространства.

Пространство эмпирически реально, так как любой объект нам дан внутри него. Однако оно не вечно, а трансцендентально-идеально и есть чистое созерцание, полагал Кант. В пользу феноменалистической концепции свидетельствует открытый психофизиологией феномен врожденности всякому человеку «геометрического алфавита»: посредством геометрических единиц (круга, треугольника, квадрата и т. д. — таких единиц более двадцати, они опредмечиваются ребенком в каракулях) мы экстериоризируем образы вещей.

2. Субстанциальная концепция была впервые сформулирована атомистами. Демокрит ввел понятие особого вечного первоначала — пустоты как таковой (небытия, отсутствия атомов). Пустота неподвижна, беспредельна, не превращается в нечто телесное, не оказывает никакого воздействия на находящиеся в ней тела и безразлична к ним. Она едина, однородна, не имеет плотности, бесформенна, бесконечно делима. Пустота всегда разделяет атомы (бытие) и не дает им сливаться, каждый атом окружен вакуумом. Эпикур говорил, что если бы не было пустоты-вместилища, то где бы тела двигались и сквозь что? Атомы падают с отклонением в бездонном пространстве под воздействием своего веса, а пустота не оказывает им никакого сопротивления. Тит Лукреций Кар объясняет причину вечного движения материи бесконечностью пространства, у которого нет никакого низа, дна.

Эта концепция в Новое время была положена в основание классической физики. Для создания универсальной механики и расчета движения тел, считал И. Ньютон, нужна максимально стабильная система отсчета. Такой системой не могут быть Земля, Солнце или дальние звезды, поскольку они перемещаются и их движение также требует механического описания. Поиск мировой системы отсчета вынудил Ньютона ввести абстракцию нематериального абсолютного пространства. «Абсолютное пространство, по своей природе лишённое соотношения с чем-либо вне его, всегда остается подобным себе самому и неподвижным», — постулирует И. Ньютон [11, 30]. Такое пространство имеет метафизический смысл и принципиально отличается от физической протяженности тел. Протяженность — первичное и не требующее объяснения свойство атома (тела) занимать какое-либо место и совпадать с этим местом; положение тел и расстояния между ними определяются относительно других тел; следовательно, всякое физическое пространство относительно, изменчиво, неабсолютно.

Абсолютное пространство Ньютон называет (в Приложении к «Оптике») *sensorium Dei* (чувствилицем Бога); посредством этого органа бестелесный, но по-своему протяженный Господь Бог Вседержитель пребывает в любой точке (вездесущ), все видит и мудро управляет мировым порядком. Ньютон пишет: «И если эти вещи столь правильно устроены, не становится ли ясным из явлений, что есть бестелесное существо, живое, разумное, всемогущее, которое в бесконечном пространстве, как бы в своем чувствилище, видит все вещи вблизи, прозревает их насквозь и понимает их вполне благодаря их непосредственной близости к нему» [12, 280–281]. Из гипотезы об активном абсолютном пространстве вытекает принцип дальнего действия, согласно которому действие тел друг на друга передается мгновенно через пустоту на сколько угодно большие расстояния, а мир в целом мгновенно и всегда пребывает во всеединстве.

Тайну абсолютного пространства Ньютон считал в целом непостижимой, но ряд его свойств все-таки перечислил. Абсолютное пространство есть пустоеместилище тел; оно неподвижно, вечно, не зависит от времени, пронизуемо безо всякого сопротивления, не воздействует на материю и не испытывает ее влияний, трехмерно, прямолинейно, бесконечно вширь и вглубь, бесконечно делимо, непрерывно, связно, одинаково во всех точках и по всем направлениям (однородно и изотропно). Ньютон не соглашался с представлениями Декарта о тождестве пространства с материей и сплошной заполненности мирового пространства. Даже если бы все тела исчезли, то абсолютное пространство все равно осталось бы тем же, полагал Ньютон. Метафизическое учение Ньютона о пространстве господствовало в естествознании в XVII–XIX вв. Через школьный курс физики оно прочно закрепилось в массовом обыденном сознании. Большинству людей оно и по сей день представляется вполне естественным. Вместе с тем это учение не поддается прямой проверке. Невозможно ответить на вопрос: тела движутся или покоятся относительно абсолютной системы отсчета? Протяженность любых тел и расстояния между ними измеряются только линейкой-метром вне зависимости от того, движутся эти тела или покоятся.

3. Реляционная концепция пространства намечена Эмпедоклом, который отрицал пустоту и объяснял протяженность всякой вещи особой соположенностью четырех корней — воды, земли, огня и воздуха. В отличие от Платона, отождествлявшего пространство с материей, Аристотель определял протяженность не как сумму тел, а как сумму *мест* тел. По его мнению, не бывает протяжения, отличного от тел, отделимого от них и существующего актуально. «По-видимому, место есть нечто вроде сосуда; ведь сосуд есть [как бы] переносимое место, сам же он не имеет ничего от [содержащегося в нем] предмета» [1, 126]. Р. Декарт уравнивал пространство с материей, мыслил его заполненным без промежутков и тем самым начал геометризовать физику [4, 477–478, 220].

Согласно Г. В. Лейбницу пространство не есть самостоятельная реальность, независимая от материи; оно также не является свойством или органом Бога. Пространство всякий раз объективно составлено взаимным расположением множества отдельных тел и обусловлено действующими внутри них силами отталкивания. «Я неоднократно подчеркивал, — пишет Лейбниц, — что считаю пространство, как и время, чем-то чисто относительным... Когда видят несколько вещей вместе, то осознают порядок, в котором вещи находятся по отношению друг к другу. <...> Пространство представляет собой не что иное, как порядок сосуществования вещей, рассматриваемых в их одновременности...» [8, 441, 473]. Не следует понимать протяженность тела безотносительно к другим телам. Размер тела, следовательно, релятивен, динамичен, изменчив. Мы постигаем протяженность благодаря тому, говорил Лейбниц, что постигаем порядок в сосуществованиях; но мы не должны понимать протяженность — а также пространство — как некоторую субстанцию. Под местом Лейбниц понимает то, что присуще разным существованиям в разные времена, когда они совершенно совпадают в своих отношениях сосуществования с некоторым состоянием, предполагаемым в тот или иной момент фиксированным. Тогда пространство — это то, что получается из совокупности этих мест.

Реляционные воззрения на пространство так или иначе поддержали Дж. Толанд, Д. Дидро, Р. И. Бошкович, Г. В. Ф. Гегель и др.

Концепция Г. В. Лейбница в целом отвечает геометрической интуиции, хотя в XVII–XIX вв. она противоречила идее вакуума и представлению о невозможности неевклидовых геометрических отношений. Геометрия не знает пространства «вообще», но оперирует понятиями относительного пространства — треугольного, круглого, квадратного и т. п.; всякое особое геометрическое пространство (евклидово или неевклидово) образуется специфическим соотношением точек (абстракций от тел) и имеет не столько внешний, сколько внутренний характер; при изменении соотношения точек меняется вид или род пространства. Реляционная концепция Лейбница стала обретать реальный вес в науке после того, как изменилось (в связи с открытием поля) понятие вакуума, а Н. И. Лобачевский, Я. Бойаи и Б. Риман создали неевклидовы геометрии. Следуя Лейбницу, Лобачевский выводил геометрические свойства из действующих в телах физических сил. В XX в. теория относительности выдвинулась в физике на первый план, получила широкое распространение в философии. Так, руководствующийся ею диалектический материализм трактует пространство как атрибут, способ существования материи.

Из математических уравнений специальной и общей теории относительности А. Эйнштейна следует вывод о неразрывной связи пространства со временем и движущейся массой, а также о том, что длина тела сокращается при возрастании скорости его движения. Согласно формуле Х. А. Лоренца длина тела при его движении равна длине этого тела в покое, умноженной на квадратный корень, под которым стоит выражение « $1 - (v^2/c^2)$ », где v — скорость его движения; c — скорость света. Выходит, длина тела уменьшается при росте скорости его перемещения. А в общей теории относительности говорится, что при очень больших скоростях массы тел увеличиваются. Тело, перемещаясь, не оставляет после себя свою пустую форму. Чем больше напряженность гравитационного поля, тем криволинейнее становится реальное пространство, что считается в некоторой степени подтвержденным в 1919 г. астрономами, наблюдавшими солнечное затмение по особой методике. Космология выдвинула гипотезу о зависимости метрики пространства от средней плотности космической материи.

Современная теория относительности имеет прежде всего физический, а не метафизический характер (но заметим, что идея абсолютности скорости все-таки напоминает о Боге-Свете, включает в себя метафизический компонент). В этой теории пространство-время наделено следующими свойствами. Оно неоднородно, неодинаково в разных направлениях (анизотропно), изменчиво, компактно, криволинейно, может иметь более трех измерений. Это пространство риманово, а не евклидово. Возможно, оно прерывно в топологическом смысле, состоит из минимальных неделимых квантов-мест, сопряженных с наипростейшим уровнем материи (кварками).

Поскольку метрические свойства инерциальной системы зависят от скорости ее перемещения, то протяженность тел нужно измерять не универсальным метром, а геохронометрически, т. е. особой для каждой системы линейкой, снабженной

собственными часами; показания часов в разных инерциальных системах синхронизируются световым сигналом. В рамках реляционной концепции высказано предположение о существовании особых видов пространства — химического, биологического и социального, которые как-то надстраиваются над физическим пространством-временем. Теория относительности исходит из принципа близкого действия, согласно которому взаимодействие между удаленными друг от друга объектами осуществляется с помощью промежуточных звеньев (среды), передающих взаимодействие от точки к точке с конечной скоростью. В свете этого принципа вопрос об актуальном всеединстве материального мира становится весьма проблематичным.

Субстанциальную концепцию пространства нередко пытаются представить предельным случаем теории относительности в условиях, когда релятивистский эффект незаметен при очень малых скоростях движения тел. Если вести речь не о *sensorium Dei*, а о ньютоновском понятии физической протяженности, то погружение классической механики в неклассическую кажется логически правомерным. Однако вряд ли вся ньютоновская метафизика абсолютного пространства редуцируема к релятивистской физике относительного пространства-времени. Разрешимо ли вообще концептуальное противоречие между противоположными метафизическими принципами абсолютного и относительного, а тем более между метафизикой неизменной пустоты и физикой изменчивого пространства-как-рядоположенности? В это мало верится.

К тому же с конца XX в. теория относительности начала испытывать серьезный кризис. Не исключено, что субстанциальная концепция когда-нибудь вновь выдвинется на первый план. Возможно также, что субстанциализм и реляционизм на некоторое время — под влиянием постмодернизма — уступят место феноменалистическим воззрениям. Так или иначе все три концепции все еще способны эволюционировать и конкурировать друг с другом.

Субъективная перцепция пространства людьми является функцией их индивидуального и социального опыта. Например, деревенский житель воспринимает среду своего обитания во многом иначе, чем городской; путешественник относится к пространству не так, как заключенный; кочевой образ жизни, в отличие от оседлого земледелия, требует периодической смены места жительства. Характер родоплеменной или национальной культуры существенно связан с ее географией. Скажем, специфика русской культуры во многом определена евразийской обширностью России. Геополитика, описывающая политическое пространство, идеологически обосновывает право на сужение или расширение территории того или иного государства в зависимости от его историко-культурных особенностей. По способу восприятия выделяют следующие перцептивные образы пространства: а) аутическое, эгоцентрическое, проективное и евклидово; б) диффузное, концентрическое, расширяющееся и суживающееся.

К одним топосам люди относятся профанно, к другим — сакрально. Символ священного пространства есть представление о том, что именно «здесь» мистическое само себя открывает человеку. Храм, могила в лесу, монастырь, церковь или иное место поклонения — примеры такого пространства. Столбы или колонны

вокруг этих объектов указывают на границы святого места и также имеют значения сакральных знаков. Полны тайным смыслом доисторические места поклонения — Стоунхендж в Англии и иные мегалиты Европы, а также храмы Древнего Египта, Вавилона, Китая, Мексики. Сакральное пространство нередко принимают за картину мира. Куполы христианских церквей — символ рая, алтарь — символ Христа; святая святых в Иерусалимском храме — символ Яхве; ниши для молитв в мечетях символизируют присутствие Аллаха. Обобщенный образ пространства складывается под влиянием мифологии, религии, науки, морали и многих других социокультурных факторов.

III. Граница

Граница — начало и конец всякого определенного бытия; межа, отделяющая нечто от иного; место прямого соприкосновения, единения и взаимопроникновения смежно сосуществующих предметов [13, 144–147]. Все многообразие мира возникает только благодаря различным границам, внутри которых действует положительное (Ф. Шеллинг). Одни мыслители (например, Парменид) считают мир принципиально замкнутым, другие (например, Мелисс) — безграничным.

По мнению экзистенциалистов, предельное бытие полно противоречий, ужаса, страха и страданий, поэтому ограниченность бытия человека лучше всего описывать понятиями заботы, смерти, страха, тоски (К. Ясперс, Ж. П. Сартр и др.). В особых (пограничных) ситуациях индивид особенно остро ощущает конечность и неподлинность своего существования, ясно осознает жестокость и враждебность внешнего мира, наталкивается на непреодолимые преграды вины, случайности, борьбы. Когда человек пересекает границу предельного бытия и оказывается в запредельном, то все его противоречия и муки исчезают. Следовательно, полезно пересекать границы предельного бытия. В феномене свободы выявляется незавершенность личности и ее стремление преодолеть собственную замкнутость. Одно из важных свойств человеческой границы — служить ориентиром жизненного поиска.

По своей природе граница парадоксальна: а) разъединяя вещи, она в то же время объединяет их, становится основой их связи; пограничные контакты разных *A* и *B* чреваты эмерджентами, неожиданными новообразованиями; б) границе как конечности качества присуща также потенциальная бесконечность, поскольку, переходя через нее, данное качество становится иным, превращается в другое; в) будучи одним внешним нечто, каждая качественная определенность в то же время содержит в себе множество внутренних определенностей, граней, является единством многих признаков.

В каких бы ракурсах ни рассматривать границу, она всегда предстает чем-то неопределенным, амбивалентным, — эта существенная, истинно-диалектическая двойственность границы указывает на то, что именно неопределенность и есть то, что составляет качественную определенность пограничного бытия. Размышляя о феномене парадоксальности всякой границы и об отождествлении в ней любого своего и иного (бытия и небытия, космоса и хаоса, субъекта и объекта и т. д.),

классики философии обогатили концептуальные средства анализа абсолютной реальности.

Вот ряд концептов для измерения тождества предельных противоположностей: «универсальная субстанция» (Б. Спиноза), «тождество духа и природы» (Ф. В. Й. Шеллинг), «абсолютный дух» (Г. В. Ф. Гегель), «универсум» (Ф. Шлейермахер), «по ту сторону субъективности и объективности» (У. Джемс), «космическое целое» (Ст. Хокинг), «космическая личность» (Э. Ш. Брайтмен). Смысл этих предельных мерно-пограничных концептов соположен с «мистической априорностью» и открывается в интуиции.

Границы подразделяют на пространственные и временные, внешние и внутренние, качественные и количественные, существенные и несущественные, постоянные и изменчивые, преодолимые и непреодолимые и т. д. Вопрос о первопричинах пограничного бытия — одна из вечных загадок человечества. Например, в философии он может ставиться как вопрос о водоразделе бытия и ничто, в социологии — как проблема маргинальности, в социальной психологии — как проблема гендерной идентичности, в политике — как обсуждение геополитических реалий, в науковедении — как задача описания пограничных синтетических наук, в физике — как задачи о силах поверхностного натяжения или скин-эффекте.

Античные мыслители по-разному объясняли причину изначальной дискретности вещей, их отделенности друг от друга границами. Так, Демокрит усматривал предельную причину раздельности простейших качеств в принципиальной неделимости вечных атомов, а источник безграничности и бесконечной делимости видел в пустоте. Согласно Платону границы между материальными телами появляются благодаря действию бестелесных математических идей, сама же по себе материя есть непрерывное количество — что-то нерасчлененное и бескачественное. Лейбниц полагал, что все различия и границы в телесную субстанцию вносятся энтелехией, деятельностью разума; граница вещи есть ограниченность ее в отношении одних характеристик и не является границей в отношении каких-либо других признаков.

Наиболее полно диалектическое учение о границе представлено в работах Гегеля, в особенности в его «Науке логики» [3, 188–190, 257, 313]. Граница есть то, полагает Гегель, в чем ограничиваемые в той же мере суть, в какой и не суть. От границы неотделимы ее стороны — бытие и ничто, Бог и творение, положительное и отрицательное; все понятия философии могут служить примерами единства и нераздельности сторон границы.

Граница не пустое пространство и не чистое бытие, а синтетическое содержание. С одной стороны, граница — имманентное определение всякого нечто как конечного внутри-себя-бытия. С другой стороны, граница есть бытие-для-иного, т. е. это есть нечто со своим иным. В границе выдвигается небытие-для-иного, качественное отрицание иного. Противоречие сразу же имеется в том, считает Гегель, что граница как рефлексированное в себя отрицание данного нечто содержит в себе идеально моменты нечто и иного, и в то же время они как различные моменты положены в сфере наличного бытия как реально, качественно различные.

Граница — это опосредование, через которое нечто и иное есть и не есть; она одна на двоих, середина между нечто и иным, в которой они прекращаются. Они имеют свое наличное бытие по ту сторону друг друга и их границы; граница как небытие каждого из них есть иное обоих. В границе нечто и иное тождественны, у них есть общее им обоим единство и различие. Нечто — не то, что другое. Когда мы определяем нечто как предел, мы тем самым уже выходим за его предел. Нечто имеет свое наличное бытие только в границе. Другое определение, говорит Гегель, — беспокойство, присущее всякому нечто и состоящее в том, что в своей границе, в которой оно имманентно, нечто есть противоречие, заставляющее его выходить за свои пределы. Граница в самом определении существует как предел. Граница существует, и должно переступить границу.

В границе взаимооборачиваются активное и пассивное, субъектное и объектное. Согласно Гегелю, будучи ограничивающим, нечто, правда, низводится до того, что само оказывается ограничиваемым, однако его граница как прекращение иного в нем в то же время есть лишь бытие этого нечто: благодаря ей нечто есть то, что оно есть, имеет в ней свое качество. Качественная граница — это конец некоего данного качества; качество есть такое бытие и непосредственность, в котором граница и определенность тождественны с бытием. Количественная граница — это что-то вроде поля, а не линии; это безразличие данного нечто к своей внешней границе, но это безразличие относительное, в рамках своей меры. Мера — интервал (промежуток между границами) постоянства качественной определенности, количественные границы которого постепенно изменяются.

Конечное естьдвигающееся к своему концу из-за изменения своих внутренних границ. Противоречия внутри нечто гонят это нечто дальше себя. Граница становится, укрепляется, отрицается. Становящаяся граница есть, по Гегелю, отталкивание определенности от самой себя, порождение не того, что равно самому себе, выход за свои пределы. В этом выхождении граница вновь возникает, снимая себя и выводя себя к следующей границе и так далее до бесконечности. Гегель различает границу и определенность. Определенность, как таковая, принадлежит к бытию и качественному; она не граница, так что не относится к чему-то иному как к своему потустороннему, а всецело остается при самобытии. Когда граница отрицается, то происходит выход за определенность. В отличие от качества с его относительно устойчивой внешней границей, сущность есть такое бытие, которое не терпит никаких границ, безразлично к границе. В самой сущности определенности нет, но определенность только положена самой сущностью. Граница сама может иметь промежутки, интервалы, переходные моменты. Она может иметь и характер ничто, и характер меры.

В наличном бытии ничто становится границей, через посредство которой нечто все же соотносится с чем-то иным вне его. Если мера как интервал сравнительно устойчива, то на самой границе меры (при переходе к иной мере) наименьшая устойчивость. Небытие предмета — те границы, за которыми данный предмет еще или уже не существует. Проблема границы между отдельными вещами предполагает также решение вопроса о пределе делимости пространства и времени: отделены ли контактирующие вещи квантами длины и времени или граница

объединяет их без атомарных промежутков? Эта проблема пока не имеет своего обоснованного решения.

-
1. *Аристотель*. Физика // Соч. : в 4 т. Т. 3. М., 1981.
  2. *Беркли Дж.* Трактат о принципах человеческого познания // Соч. М., 1978.
  3. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики : в 3 т. Т. 1. М., 1970.
  4. *Декарт Р.* Избранные произведения. М., 1950.
  5. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. Т. 3. М., 1964.
  6. *Кант И.* О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Там же. Т. 2.
  7. *Лейбниц Г. В.* Часть третья опытов о справедливости Бога, свободе человека и начале зла // Соч. : в 4 т. Т. 4. М., 1989.
  8. *Лейбниц Г. В.* Переписка с Кларком // Там же. Т. 1. М., 1982.
  9. *Наан Г. И.* Понятие бесконечности в математике и космологии // Бесконечность и Вселенная. М., 1969.
  10. *Николай Кузанский.* Об ученом незнании. М., 2011.
  11. *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. М., 1989.
  12. *Ньютон И.* Оптика. М., 1954.
  13. *Пивоваров Д. В.* Граница // Современный философский словарь. 4-е изд. М., 2015.
  14. *Платон.* Тимей // Соч. : в 4 т. Т. 3. М., 1994.

Рукопись поступила в редакцию 31 августа 2015 г.

ИЗ ИСТОРИИ ДЕПАРТАМЕНТОВ

УДК 378.14 + 378-057.175:1 + 378.244.5:165

Н. И. Савцова

ИЗ ИСТОРИИ АСПИРАНТУРЫ КАФЕДРЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

В ноябре 2015 г. исполнилось 50 лет со времени создания философского факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Его деятельность была связана и с деятельностью аспирантуры, целью которой была формирование уральской философской научной школы, подготовка профессиональных научных и преподавательских кадров. Статья посвящена истории аспирантуры кафедры диалектического материализма философского факультета.

К л ю ч е в ы е с л о в а: философский факультет, научная школа, кафедра диалектического материализма, аспирантура, теория познания.

Философскому факультету Уральского государственного университета им. А. М. Горького — 50 лет. За эти годы он сформировался в один из ведущих центров страны по подготовке профессиональных педагогических и научных философских кадров. Уральская философская школа и ее достижения известны далеко за пределами Урала. Ее выпускники работают преподавателями, возглавляют кафедры философии по всей России. История факультета — это труд как его создателей, так и выпускников, которые своей деятельностью развивали то лучшее, что они получили на факультете: знания, творческие навыки, способность к самостоятельным научным исследованиям, ответственность. История факультета пишется его выпускниками. Мои воспоминания касаются только одной из многообразных сторон в деятельности факультета — деятельности аспирантуры кафедры диалектического материализма, куда я поступила в 1967 году.

Философский факультет был создан в 1965 году на базе кафедры философии Уральского государственного университета им. А. М. Горького. До этого времени философские факультеты в Российской Федерации были только в Московском и Ленинградском государственных университетах. Оба факультета имели

длительную историю своего существования, сложившиеся научные школы и направления исследования, международный авторитет. Философский факультет Уральского университета был самым молодым факультетом в Советском Союзе в то время. Данное обстоятельство накладывало особую ответственность на коллектив ученых и преподавателей, которые связали свою жизнь и судьбу с факультетом.

Мне действительно повезло в жизни учиться, работать на факультете, который создавали, развивали и сделали известным не только в стране, но и за рубежом люди, которых отличали лучшие человеческие качества: профессионализм, воля, честность, порядочность, бережное отношение к людям. Особо хотелось бы подчеркнуть культ студентов и аспирантов, он определял атмосферу, в которой формировались будущие профессиональные философы. Он создавался на основе трепетного отношения к науке философии, которая определяла содержание всей деятельности на факультете.

Понять историю факультета и аспирантуры невозможно без понимания особенностей того времени, что не могло не сказаться на причинах появления третьего философского факультета в стране, формировании научной школы, как и той когорты людей, которые стояли у их истоков, в первую очередь первого декана — М. Н. Руткевича. Конечно, это 60-е годы, которые являются одним из важнейших периодов новейшей истории нашей страны. Они были связаны с пониманием невозможности существования страны в ее прежних социальных, политических и экономических реалиях, с пониманием необходимости социальных и политических реформ. Без этого невозможны были бы практические шаги к реальной демократизации общественной жизни, которая стала общественной необходимостью. В первую очередь необходимы были изменения в духовной жизни общества, в общественном сознании. Но они невозможны без свободы интеллектуальной деятельности, обсуждения и публикации ее результатов.

Особенно активно проблемы необходимости демократизации общественной жизни страны обсуждались в среде профессиональных философов и социологов, которые прекрасно понимали потребность в освобождении от догматизма той философской системы, которая была господствующей в стране, — марксистской философии и социологии. Сейчас об этой ситуации можно писать свободно, но в 60-е годы дискуссии носили особый характер. Люди не могли понять и принять ставшими неприемлемыми для жизни идеологические установки. Я думаю, что необходимость в профессиональных кадрах, которые могли бы не только теоретически, но и практически менять устаревшие общественные структуры и их идеологическое обеспечение, была одной из причин того, что довольно быстро было дано согласие на открытие в Свердловске в Уральском государственном университете им. А. М. Горького философского факультета.

К этому времени наш город был одним из развитых культурных центров обширного края: 15 высших учебных заведений, Уральский филиал Академии наук (УФАН), теперь РАН, известные в стране и за рубежом научные школы в области естественных и технических наук. Но явным было отставание в области социальных и гуманитарных наук. Тому доказательство — отсутствие в системе

УФАН институтов гуманитарного профиля, хотя в то время не только в Уральском университете, но и в большинстве вузов Урала, и особенно Свердловска, работали известные в стране специалисты в области социальных и гуманитарных наук. Подготовка специалистов по дисциплинам философского цикла — собственно философии, логике, религиоведению, эстетике, этике, истории философии, философии науки — не велась. Потребность же в них была огромной. К тому же в Уральском государственном университете к этому времени сложился один из сильнейших в стране творческих коллективов — кафедра философии, которой с 1949 по 1953 год руководил сосланный в Свердловск М. Т. Иовчук, член-корреспондент АН СССР, а после его возвращения в Москву — М. Н. Руткевич.

Под руководством М. Н. Руткевича кафедра философии Уральского государственного университета сформировалась как один из центров научной и педагогической деятельности на Урале. В ее составе возникло несколько направлений исследовательской деятельности.

Кроме исследователей фундаментальных проблем философии, в первую очередь онтологии и теории познания, философских проблем естествознания, логики и методологии науки, истории философии, на кафедре философии были ученые, исследования которых были связаны с социальными проблемами общества, этики, эстетики: Л. М. Архангельский, А. Ф. Еремеев, В. К. Бакшуттов, С. Г. Чаплыгина, В. Г. Мордкович, В. П. Гоголюхин. Исследования этих ученых послужили основой для создания кафедры исторического материализма, затем и кафедры этики и эстетики. Была создана социологическая лаборатория. Данное обстоятельство послужило основанием для открытия уже на факультете специализаций по социологии, этике, эстетике.

Я поступила в аспирантуру кафедры диалектического материализма философского факультета, когда факультету было всего три года. В то время это был самый молодой факультет в структуре Уральского государственного университета. Первое, что бросалось в глаза, — это грамотно организованная работа всех структур факультета, в первую очередь кафедр и деканата. Я удивилась, обнаружив достаточно хорошо оснащенный кабинет с научной и учебной литературой, которой пользовались аспиранты и студенты, социологическую лабораторию. Ведущие философские журналы страны, в то время это «Вопросы философии», «Философские науки», были представлены в научном фонде кабинета. В настоящее время, кроме указанных, факультет имеет возможность выписывать еще восемь философских журналов: «Эпистемиология и философия науки», «Философия науки», «Логос», «Человек», «Alma mater», «Религиоведение», «Религия и право», «Теория моды».

До поступления в аспирантуру кафедры диалектического материализма я два года работала ассистентом кафедры общественных наук филиала Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова в г. Свердловске. Теперь это экономический университет. В то время отдельной кафедры философии в филиале института не было. Курс лекций студентам по диалектическому и историческому материализму читал приглашенный руководством института доцент кафедры философии Уральского государственного университета Е. Ф. Малевич,

один из лучших преподавателей кафедры философии. Я вела семинарские занятия на дневном отделении и читала курс диалектического и исторического материализма на вечернем и заочном.

К этому времени определились мои научные интересы. Я познакомилась с югославской философией. Муж несколько лет выписывал газету «Политика», одну из самых влиятельных и популярных газет в Югославии, где довольно широко была представлена культурная и научная жизнь страны. Обращало на себя внимание постоянное обсуждение философских проблем, которые волновали югославскую интеллигенцию. Югославская «Политика» — одна из самых первых ежедневных газет Европы. Ее первый номер вышел 25 января 1904 года. И сегодня, после распада Югославии, газета — одна из самых влиятельных ежедневных газет, теперь уже Сербии. В Сербии в настоящее время выходит 2300 газет, включая 20 ежедневников. «Политика» выходит ежедневно тиражом около 200 тыс. экземпляров, состоит из нескольких тематических тетрадок на 48 цветных полосах. Научные и философские проблемы и сейчас активно обсуждаются на ее страницах.

Благодаря публикациям в «Политике» я познакомилась с течениями философской мысли в Югославии, узнала о группе «Праксис». Было интересно, что философские проблемы широко представлены в газете. Впервые узнала о возможности критического отношения к марксизму и его философии — диалектическому и историческому материализму. В «Политике» обсуждались проблемы смысла и перспектив социализма, анализировались его различные формы. Обращало на себя внимание большое количество философских журналов в Югославии. Собственные философские журналы были во всех университетах в республиках Югославии. На философском факультете Белградского университета выходило два философских журнала — «Философия» и «Диалектика», которые занимали альтернативные позиции в принципиальных вопросах марксистской философии. Проблемы истории марксизма, обсуждение содержания его различных вариантов, критика диалектического материализма, обсуждение смысла и перспектив социализма — вот неполный круг вопросов, которые постоянно обсуждались в печати. Поэтому естественен был мой интерес к философской жизни Югославии того времени. Поступлению в аспирантуру предшествовало собеседование с деканом факультета. Я не была лично знакома с М. Н. Руткевичем, хотя присутствовала на его выступлении перед студентами исторического факультета, когда он вернулся с Международного философского конгресса в Мексике, и имела представление о нем как об ученом. В беседе с М. Н. Руткевичем я рассказала о желании исследовать круг философских проблем, которые особенно актуальны для югославской философии 60-х годов XX века. Он порекомендовал мне сосредоточить свое внимание на исследовании деятельности довольно влиятельной в 60–70-х годах группы философов, которые объединились вокруг журнала «Праксис». Журнал выходил в г. Загребе (Хорватия).

М. Н. Руткевич целенаправленно создавал и развивал инфраструктуру духовной жизни и деятельности факультета. В первую очередь это было фундаментальное образование. Но особое значение он придавал аспирантуре. С большинством будущих аспирантов М. Н. Руткевич беседовал лично, знал их научные

интересы, хотя у всех были свои научные руководители. Я не думаю, что это было излишней опекой. Поступить в аспирантуру могли далеко не все претенденты. Конкурс всегда был огромный. Нужно было представить свой научный интерес и его обосновать.

Целью М. Н. Руткевича было формирование философской школы на Урале. Аспирантура была одним из ее источников. Факультет давал возможность готовить кадры, которые в дальнейшем составляли основу уральской философской школы. Аспирантура способствовала расширению границ уральской философской научной школы. Многие вузы Урала и Сибири получили возможность готовить высококвалифицированные научные кадры на кафедрах философского факультета. Потребность в них была велика.

До открытия аспирантуры на философском факультете Уральского государственного университета научные кадры для Урала, Сибири, Дальнего Востока готовились на кафедрах Московского и Ленинградского университетов. Понятно, что не у всех преподавателей была возможность уехать на несколько лет в Москву или Ленинград, чтобы на философских кафедрах этих университетов готовить, а затем защищать кандидатские диссертации. Поэтому большую группу наших аспирантов составляли аспиранты с целевым направлением на кафедры факультета от вузов Урала и Сибири. Вместе со мной над диссертациями работали аспиранты из вузов Владивостока, Хабаровска, Читы, Тюмени, Омска, Кургана, Челябинска.

Собеседованию предшествовало посещение курса лекций для аспирантов, которые читали ведущие ученые всех кафедр: К. Н. Любутин, И. Я. Лойфман, Л. М. Архангельский, Е. Ф. Малевич, Г. П. Орлов, А. Ф. Еремеев, П. П. Чупин, В. К. Бакшуттов и др. Причем каждый из них знакомил будущих аспирантов с проблемами, которые были связаны с его научно-исследовательской деятельностью. Таким образом, мы имели возможность включаться в исследовательскую деятельность кафедры. Это был уже другой уровень, не студенческий.

Все аспиранты должны были сдавать вступительный экзамен по диалектическому и историческому материализму. Программа экзамена была обширной. Нужно было хорошо знать историю философии. Список первоисточников к экзамену был довольно внушительным. Будущие аспиранты должны были хорошо представлять содержание фундаментальных философских проблем в области онтологии, теории познания, диалектики, историко-философскую традицию при анализе их содержания. Обычно перед экзаменом будущие аспиранты имели возможность знакомиться с экзаменационными вопросами. На факультете была принята другая практика. Вопросы давались прямо на экзамене. К вступительному экзамену нужно было хорошо готовиться. Да и экзаменационная комиссия была довольно представительной. В ее состав входили ведущие ученые всех кафедр: К. Н. Любутин, И. Я. Лойфман, Л. М. Архангельский, В. К. Бакшуттов, П. П. Чупин, Е. Ф. Малевич, В. В. Ким. Аспиранты М. Н. Руткевича сдавали экзамен ему лично.

Философская подготовка аспирантов не заканчивалась предварительным собеседованием с научными руководителями, определением программ научных исследований, чтением лекций по актуальным проблемам философской науки

того времени, подготовкой и сдачей вступительных и кандидатских экзаменов. Каждый месяц на факультете практиковались совместные заседания кафедр, методологические семинары для аспирантов, где с теоретическими докладами выступали преподаватели всех кафедр факультета.

Но особый интерес для меня, естественно, представляла работа кафедры диалектического материализма. М. Н. Руткевич, К. Н. Любутин, И. Я. Лойфман, Е. Ф. Малевич, П. П. Чупин, В. В. Ким — каждый из них зримо представлял уральскую философскую школу. На кафедре диалектического материализма было и самое большое количество аспирантов, исследования которых представляли довольно обширный круг фундаментальных философских проблем, поэтому выступления ведущих ученых кафедры и факультета значительно расширяли научный кругозор всех аспирантов кафедры. Проблемы онтологии (Л. И. Уколова), теории познания (Н. И. Савцова), логики (В. Н. Николко), философские проблемы естествознания, в первую очередь физики (Л. В. Удачина, Н. М. Пономарева), математики (Т. Н. Бадкова), химии (Т. И. Бурдина), биологии (Л. Е. Даниленко), геологии (Л. Н. Кудрина), астрономии, кибернетики — вот не полный перечень проблем, которые стали предметом исследования того аспирантского набора, в который была зачислена и я. До отделения кафедры истории философии в самостоятельное структурное подразделение факультета аспиранты К. Н. Любутина входили в состав кафедры диалектического материализма (И. В. Владимирова, В. Д. Мухачев, А. Г. Кутлунин, М. А. Малышев и др.). Их подготовка отличалась хорошим знанием истории философии, фундаментальных историко-философских проблем. Предварительное обсуждение готовых к защите кандидатских диссертаций аспирантов на заседаниях кафедры давало возможность знать научные интересы всех аспирантов кафедры, способствовало развитию нашей философской культуры и научного кругозора.

Хорошей школой для аспирантов были методологические семинары, где выступали с научными докладами и спецкурсами крупные философы Москвы и Ленинграда, Перми и других городов, когда они приезжали в качестве научных оппонентов на защиты кандидатских и докторских диссертаций на ученом совете факультета. Выступали они с докладами и на заседаниях кафедры. Особенно запомнилось выступление доктора философских наук, профессора философского факультета МГУ, позднее старшего научного сотрудника Института истории естествознания и техники и Института философии АН СССР Н. Ф. Овчинникова на одном из заседаний кафедры. Он в это же время был авторитетом в области методологии науки, редактором серии книг по истории и методологии науки. В связи с философским анализом научного знания Н. Ф. Овчинников предпринял попытку рассмотрения содержания методологических принципов, реализующих коммуникацию между философией и специальными научными исследованиями. Ему принадлежали исследования принципов инвариантности и симметрии в структуре научных теорий, принципа сохранения симметрии в истории научных исследований, уровней эпистемиологического анализа научного знания. Философские работы Н. Ф. Овчинникова отличала способность быстро вводить любого начинающего их изучение в наиболее острые и дискуссионные вопросы

современной философии и философии науки. Широко были известны его переводы классических работ В. Гейзенберга и особенно К. Поппера.

Дискуссия на кафедре началась при обсуждении проблемы источников развития научного знания. Н. В. Овчинников обосновывал идею адверсивных поворотов в истории знания, которые представляли, по его мнению, как точки роста, так и источники формирования новых научных идей. Принцип адверсии был представлен и развернут Н. В. Овчинниковым как обобщение философского понятия рефлексии применительно к научному знанию.

Позиции М. Н. Руткевича и Н. В. Овчинникова в отношении источников и методологии исследования научного знания не совпадали. Они были представителями разных направлений в философии науки. Для М. Н. Руткевича сомнение в существовании единственно верной философской истины было неприемлемо. М. Н. Руткевич отбрасывал его с порога. Для него, когда речь шла об источниках развития научного знания, таковым была общественно-историческая практика. В. Н. Овчинников не сомневался в принципе влияния практики на научно-теоретическую деятельность. Расхождения касались проблемы непосредственного взаимодействия практики и научно-теоретической деятельности, и особенно когда речь шла о практике как о критерии научной истины. Это была довольно жесткая дискуссия, в которой обе стороны не отступали от своих исходных позиций. Дискуссия двух крупных ученых, их аргументы в обосновании своей точки зрения для нас, аспирантов, были школой живой научной дискуссии, показали значение и необходимость собственной позиции при решении теоретических проблем, умения ее обосновать и отстаивать.

На научных конференциях, при защитах кандидатских и докторских диссертаций острые научные дискуссии были постоянным явлением. На философском факультете они культивировались и носили довольно жесткий характер. При защите докторской диссертации Н. А. Аитова дискуссия о существенных изменениях в структуре рабочего класса на промышленных предприятиях была показателем практической значимости социологии для практики социалистического общества. Аудитория ученого совета, где проходила защита докторской диссертации Н. А. Аитова, была полна до отказа. Оппоненты Н. А. Аитова упрекали его в отступлении от принятых марксистских установок в постулировании творческих возможностей рабочего класса. Н. А. Аитов настаивал на том, что под влиянием научно-технической революции необходимо менять представление об этих возможностях.

Теоретические проблемы философии и социологии выходили за границы научных аудиторий факультета. Я вспоминаю полные аудитории Института марксизма-ленинизма при горкоме КПСС, где выступали все ведущие ученые факультета. Аспиранты вели там семинары. Постоянные методологические семинары на всех факультетах Уральского государственного университета, в академических институтах Уральского филиала АН СССР пользовались большой популярностью среди ученых. Деятельность КУЮМА (Комсомольского университета юного марксиста) была известна в городе, пользовалась особым вниманием у старшеклассников города. Знаменитая 425-я аудитория факультета всегда была полна по субботам.

Многие из школьников становились студентами факультета. Примечательно, что организаторами и преподавателями в КУЮМе были студенты и аспиранты.

Значительно расширяли научный кругозор аспирантов встречи с учеными Уральского отделения Академии наук. Доклады академиков А. Т. Мокроносова, основателя уральской школы физиологии растений, С. С. Шварца, основоположника уральской научной школы в области популяционной и эволюционной экологии, Н. Н. Красовского, основателя уральской школы по теории устойчивости движения и математической теории управления вводили нас, аспирантов, в современную науку, в содержание ее основных проблем. Выступления ученых отличали блестящая научная эрудиция, знание и понимание значения философии для науки и, что хотелось бы отметить особо, публицистическая доступность. Знакомство с создателями научных школ и направлений давало возможность понять значение личности ученого, его вклада в развитие научного знания.

Обязательными были научные командировки аспирантов в библиотеки Москвы и Ленинграда. Для работы над диссертацией мне необходимы были труды югославских философов, которые находились в спецхранах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Библиотеки общественных наук, Библиотеки иностранной литературы, Библиотеки Института философии Академии наук г. Москвы. Научные командировки давали возможность чтения югославских книг и журналов, в которых широко была представлена философская жизнь Югославии. В Москве по рекомендации М. Н. Руткевича я познакомилась с югославскими философами С. Брайовичем и Э. Йово. Они в то время были старшими научными сотрудниками Института философии АН СССР. Оба — участники Второй мировой войны. С. Брайович в годы Второй мировой войны — участник партизанского движения в Югославии. В 1949 году подвергся репрессиям за несогласие с политикой И. Б. Тито, до 1956 года находился в концлагере «Голый остров» в Югославии, затем — эмиграция в СССР. Окончил философский факультет МГУ, защитил кандидатскую и докторскую диссертации в Институте философии АН СССР. Участником партизанского движения был и Э. Йово. Э. Йово тоже получил образование в МГУ, только на отделении журналистики филологического факультета. С работой Э. Йово «Практика как всеобщий критерий истины» я познакомилась в библиотеке Института философии. В то время Э. Йово работал над проблемой теории отражения, обосновывая применимость принципа отражения к анализу всех форм и продуктов человеческого познания. Обращала внимание убежденность и аргументированность позиции Э. Йовы. С. Брайович познакомил меня со своей работой, посвященной анализу философских течений в Югославии 60–80-х годов.

На библиотеке Института философии Академии наук СССР хотелось бы остановиться особо. Она занимала небольшое помещение, но там была возможность знакомиться с новейшей философской литературой, которая выходила на Западе. Каждый понедельник ученые института могли изучать работы зарубежных философов, которые поступали в библиотеку. В Институте философии существовала реферативная группа сотрудников, знающих обычно несколько иностранных языков, которая готовила материалы для служебного пользования сотрудников

Института философии. Большинство необходимых для исследователей научных работ, которые выходили на Западе, можно было заказывать. Институт философии Академии наук СССР имел соответствующие финансовые ресурсы. За пределами Москвы таковых возможностей практически не было или они были значительно ограничены, поэтому и были предусмотрены научные командировки аспирантов, затем и студентов философского факультета.

Так как библиотека находилась в здании Института философии, который в то время располагался в центре Москвы, я имела возможность присутствовать на лекциях ученых института, которые читали их для аспирантов Института философии. Лекции регулярно проходили по средам в здании Института философии на Волхонке. Так я прослушала лекции Н. В. Мотрошиловой, Э. В. Ильенкова, Г. С. Батищева. Лекция Н. В. Мотрошиловой была посвящена теории государства Платона. Это был не экскурс в историю античной философии, а серьезный анализ теоретической модели государства Платона. Для меня, воспитанной в духе классического марксизма, лекция Н. В. Мотрошиловой была открытием. Критика теории государства марксизма философами «Праксиса» уступала аргументированному анализу Н. В. Мотрошиловой.

Имя Э. В. Ильенкова было тогда широко известно не только в среде профессиональных философов. В то время это был один из известнейших философов страны. «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” К. Маркса» и особенно работа «Идолы и идеалы» были известны всем, кто занимался профессионально философией. Его эрудиция, особенно в области культуры и искусства, оригинальность мышления, неординарность личности привлекали к нему московскую интеллигенцию, его лекции, доклады собирали большие аудитории. С восхищением об Э. В. Ильенкове как о личности и философе неоднократно отзывался К. Н. Любутин. Если учесть, что К. Н. Любутин отличается критическим отношением к людям и от него крайне редко можно было услышать восхищение личностью человека, его талантом, неординарностью, то, естественно, при первой возможности я поспешила на лекцию Э. В. Ильенкова. Проблемы диалектической логики и проблемы идеального были предметом обсуждения в Институте философии и на философском факультете МГУ, вызывали широкие дискуссии в среде философов.

Лекция Э. В. Ильенкова была посвящена проблеме диалектического противоречия. Ее название звучало так: «Противоречие как категория диалектической логики». Но в самом начале лекции Э. В. Ильенков четко обозначил проблему, которая для меня в то время была нова: философия должна быть методологической основой только науки и не более того. В лекции Э. В. Ильенков представил доказательство своей позиции на примере анализа проблемы стоимости К. Марксом, показал, почему использование диалектики только как метода мышления (диалектическая логика) дало К. Марксу возможность открыть противоречия в структуре стоимости и на основе этого создать новую теорию стоимости — теорию прибавочной стоимости. Если формальная логика стремится избежать противоречия, то для диалектической логики обнаружение противоречия — способ поиска научного решения проблемы. Такова была суть позиции Э. В. Ильенкова. Диалектическая

логика как способ мышления требует постоянных творческих усилий. «Творчество», в понимании Э. В. Ильенкова, — содержание интеллектуальной деятельности, которая не имеет устойчивого алгоритма. Отсюда признание «творчества» одной из существенных структур научного и философского познания, которое опирается только на свои собственные ресурсы, а диалектическая логика — это метод реализации их ресурсов. Э. В. Ильенков в своем имманентно-философском подходе к проблеме диалектического противоречия опирался в первую очередь на категориальные ресурсы самой философии.

Г. С. Батищев — ученик Э. В. Ильенкова. Тема его лекции — «Категория диалектического противоречия в познании». Он демонстрировал возможности диалектической логики и ограниченность метафизики в познании. Речь шла о критике теории отражения как основы метафизической традиции, которая была определяющей в теории познания диалектического материализма.

Я ограничилась кратким описанием тех проблем, которые были представлены в этих трех лекциях. Лекции были одной из форм, в которой живая мысль философии находила свое выражение. Почему я придаю такое значение лекциям в формировании научного кругозора аспирантов и студентов? Из истории науки известно, что многие идеи, понятия, концепции рождались в ходе чтения лекций. То, как создавался новый курс диалектического материализма, на основе которого был разработан М. Н. Руткевичем первый в стране учебник для студентов философского факультета, было тому свидетельством.

Рецензирование докторских и кандидатских диссертаций — обязательный момент в нашей аспирантской деятельности на кафедре, что, естественно, требовало больших усилий и отнимало время от работы над собственной диссертацией. Но это была хорошая школа и в то же время ответственное мероприятие для аспиранта и его научного руководителя. Так, аспирантка первого года обучения Л. В. Удачина выступала рецензентом докторской диссертации В. Н. Сагатовского, философские исследования которого по философским проблемам естественных наук были хорошо известны в стране. Я помню волнения Л. В. Удачиной и усилия научного руководителя И. Я. Лойфмана по вселению в нее уверенности. Будучи впоследствии профессором, заведующей кафедрой и проректором по науке института культуры в г. Краснодаре, она вспоминает этот эпизод как определяющий в ее становлении как исследователя и в последующем научного руководителя аспирантов.

Аспиранты представляли уральскую философскую школу, которая еще только формировалась, на всех научных конференциях. И то внимание, которым были окружены эти выступления, говорило о признании школы научным сообществом. Это многочисленные всесоюзные и международные конференции в стране и за рубежом. Помню свое участие в Международной философской конференции в Москве в 1971 году. В ней принимало участие несколько философов из Белградского университета. Мое знакомство с М. Лековичем, профессором философского факультета, началось с обсуждения моей, опубликованной в журнале «Вопросы философии» совместно с М. Н. Руткевичем, рецензии на переработанный для печати курс «Диалектического материализма» двух югославских

философов — А. Стойковича и Б. Шешича. Курс читался на философском факультете Белградского университета. Можно понять мое удивление, когда я узнала о том, что М. Лекович знаком с рецензией. Моя беседа с ним носила предметный характер. Речь шла о разных моделях курса диалектического материализма — той, которая была представлена в работе А. Шешича и Б. Стойковича, и той, которая культивировалась на нашем факультете. Югославские философы не только знали о существовании философского факультета на Урале, но были хорошо знакомы с его деятельностью.

Работа над диссертационным исследованием была определяющим фактором в деятельности аспирантур всех кафедр факультета. защите диссертаций вовремя придавалось особое значение. Но через полтора года пребывания в аспирантуре на кафедре диалектического материализма я стала ассистентом кафедры, что было обусловлено необходимостью учебного процесса. Поэтому диссертацию я защитила в 1971 году. Первые и последующие выпускники философского факультета пришли на кафедру уже сложившимися исследователями. С первого курса обучения на факультете создавалась система, которая развивала их способности. С именами Д. В. Пивоварова, М. В. Горбунова, А. В. Аверина, А. В. Гайды, Л. А. Закса, И. И. Субботина, В. Т. Маклакова, Ю. И. Мирошникова, Н. В. Бряник, Н. В. Суслова, А. В. Перцева, В. О. Лобовикова, В. В. Скоробогатского, Л. Д. Андриюхиной и многих других связаны развитие уральской философской школы, ее авторитет.

Будучи аспирантами кафедр философских факультетов МГУ и ЛГУ, наши выпускники отличались не только высокой теоретической подготовкой, но и самостоятельностью при работе над своими исследованиями. Практически все выпускники поступали в аспирантуру с публикациями своих работ в научных сборниках кафедр, хорошими заделами диссертаций. А. М. Коршунов, заведующий кафедрой диалектического материализма гуманитарных факультетов МГУ, в частной беседе отмечал, что выпускники нашего факультета составляли ядро аспирантов этой кафедры. Он пошутил, сказав, что видит своих аспирантов, а их у него было девять, трижды за время их пребывания на кафедре: при поступлении в аспирантуру, при обсуждении первого варианта диссертации и на защите. И он говорил правду. Ни в какой опеке они не нуждались.

Я не останавливаюсь на общественной работе аспирантов. Самые ответственные ее участки ложились на плечи аспирантов и молодых преподавателей. Им был присущ ген творчества, что и являлось залогом практического успеха. А. В. Гайда, Г. Э. Бурбулис, В. И. Южаков, Н. В. Воронин, В. Д. Ушаков и многие другие сформировались как политические и государственные лидеры.

Если говорить о возможности для занятия исследовательской научной деятельностью у нас, аспирантов того времени, и у современных аспирантов, то преимущества, которые дают современное общество, современные технологии, в первую очередь Интернет, несравнимы. Интернет расширяет границы научного поиска. Возможности научной коммуникации впечатляют. Но они не смогут заменить живой научный диалог, обмен живой научной информацией на заседаниях кафедр, научных конференциях, симпозиумах. И конечно, на философских кафедрах. Это научный факт. Радует, что научные конференции, которые проводит

факультет в последнее время, собирают все большее количество участников. Радует и то, что так много молодых ученых и студентов среди участников. Это свидетельство того, что у уральской философской школы большое будущее.

Мне бы хотелось обратить внимание на деятельность факультета в новых условиях. Если говорить о молодежной политике, то, когда распался Советский Союз, создание филиалов факультета в малых городах Урала явилось той реальной социальной помощью факультета при безработице, особенно среди молодежи, которая в то время носила массовый характер. Закрывались предприятия, не было работы, не было возможности поехать учиться в Екатеринбург. Нужно отдать должное А. В. Перцеву и его способностям по организации филиалов факультета и их функционированию. Отдать должное и преподавателям и аспирантам, которые на протяжении двадцати лет несли философскую культуру в массы, определили судьбы выпускников факультета. Научная философская школа Урала и в практических жизненных реалиях всегда находила самые действенные методы реализации тех идей, которые определяют ее содержание.

У меня не было цели написать историю уральской философской научной школы. Это воспоминания о первых годах аспирантуры кафедры диалектического материализма, с которыми связаны самые счастливые годы моей жизни.

Рукопись поступила в редакцию 1 октября 2015 г.

НЕКРОЛОГИ

Редакция с прискорбием извещает, что 7 января ушел из жизни один из постоянных авторов нашего журнала Даниил Валентинович Пивоваров, известный российский философ и религиовед, заведующий кафедрой религиоведения департамента философии Института социальных и политических наук УрФУ, профессор, доктор философских наук. Мы выражаем самые глубокие соболезнования родным и близким покойного, оригинального мыслителя и яркого преподавателя.

21 января после тяжелой болезни скончалась Галина Борисовна Кораблева, российский социолог, заведующая кафедрой теории и истории социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук нашего университета, профессор, доктор социологических наук. Редакция выражает глубочайшие соболезнования родным и близким Галины Борисовны, которая останется в нашей памяти как крупный ученый и талантливый педагог.

АВТОРЫ НОМЕРА

АСТАФЬЕВА Екатерина Михайловна — ученый секретарь Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения Российской академии наук (Москва), научный сотрудник. E-mail: katy-ast@yandex.ru

ВАЛИАХМЕТОВА Гюльнара Ниловна — профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: vgulnara@mail.ru

ВЛАСКИН Виктор Юрьевич — аспирант кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета. E-mail: wvy-mulino@mail.ru

ЗАМОВ Эдуард Александрович — доцент кафедры востоковедения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ZamovEA@yandex.ru

ЗАМОЩАНСКИЙ Иван Игоревич — доцент кафедры философии Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: ivanz.79@mail.ru

ЗАХАРОВА Людмила Николаевна — заведующая кафедрой психологии управления факультета социальных наук Нижегородского государственного университета, профессор, доктор психологических наук. E-mail: zlnnnov@mail.ru

ЗВИРЕВИЧ Витольд Титович — профессор кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: zwirewi4@yandex.ru

КАМЫНИН Владимир Дмитриевич — профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: kamyninv@yandex.ru

КОВАЛЕВ Юрий Юрьевич — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ukowaljow@pochta.ru

КОЗЫРЕВА Ольга Александровна — магистрант кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: olgakozyreva@mail.ru

КОНАШКОВА Алена Михайловна — доцент кафедры философии Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: a_konashkova@mail.ru

КОНДРАШОВ Петр Николаевич — старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, кандидат философских наук. E-mail: stif.lo@rambler.ru

КРАСАВИН Игорь Вячеславович — доцент кафедры социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: Krasavin.I@gmail.com

ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович — главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: vlobovikov@mail.ru

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — доцент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

ПИВОВАРОВ Даниил Валентинович — заведующий кафедрой религиоведения департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: daniil-pivovarov@yandex.ru

ПЫРЬЯНОВА Ольга Анатольевна — доцент кафедры философии Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: pyryanova@mail.ru

САВЦОВА Надежда Ивановна — доцент кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: n.savtsova@mail.ru

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна — заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: zara@fsn.unn.ru

ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА Ксения Михайловна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат филологических наук. E-mail: kmromanova@mail.ru

SUMMARY

EPISTEMOLOGY AND LOGIC

Lobovikov V. O. Axiomatic System of Epistemology 5

Such a system of axioms of philosophical theory of knowledge is submitted which gives a possibility to accomplish a logically consistent synthesis of empiricism and rationalistic a-priori-sm. The one conceptual scheme uniting the rationalism and empiricism by precise defining and inter-limiting the domains of their applicability is graphically modeled by means of logical square and hexagon of opposition of epistemic modalities: “knowledge that p”; “a priori knowledge that p”; “empirical knowledge that p”; “nonbeing of knowledge that p”.

Key words: being, knowledge, a-priori, empirical, necessary, contingent, true, provable, good, obligatory.

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Kamyinin V. D. Understanding Development of Modern Historical Knowledge 20

The article discusses reflections of the historians’ community in Russia on the development of scientific knowledge in the postmodern situation characterized by pluralism of opinions. The author identifies basic paradigms of historical explanation such as objectivist, synthetic and multiconceptual (or tolerant) approaches and analyzes the possibility of coexistence of numerous theories from their respective standpoint. The advantages of multiconceptual paradigm, developed in the early 1990s by B. V. Lichman, professor of the Ural Polytechnic Institute (USTU — UPI), are demonstrated.

Key words: historical science, scientific pluralism, multiconceptuality, B. V. Lichman.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Zamoshchanskii I. I., Konashkova A. M., Krasavin I. V., Pyryanova O. A. Scientific Communication: A Scientist in Modern Society 30

Contemporary social communicative practices in scientific community are considered. Necessity of scientific communications update is justified in the context of contemporary society. Communicative properties of contemporary scientific community are given. Importance of scientific communications is discovered in the context of new approach to academical staff training.

Key words: Scientific communication, scientific community, scientific knowledge, scientific publications, scientific discourse, communication strategies, commercialization of education.

Sarialieva Z. H.-M., Zakharova L. N., Vlaskin V. U. Career Choice and Organizational Values of Military Service Conscripts 41

The paper analyses limitations and opportunities for the future professional career that emerge from conscription to military service. The paper empirically tests the hypothesis which claims that there are contradictions

between military service values and the values required for employment in modern enterprises characterized by innovation and flexibility. The paper presents the results of empirical survey of conscripts' job orientation and professional values. It was discovered that 90 % of conscripts see their future employment in civil organizations; however, almost a third do not have any specific career plans. Most conscripts (80 %) have values similar to those of low-level organizational culture, which is based on personal relationships and hierarchies; these value orientations conflict with the civil labor requirements to prospective employees. Recommendations to optimize work counseling are provided in the final part.

Key words: conscripts, professional orientation, professional self-determination, modern enterprise, labor market, organizational values, organizational culture.

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

Astafieva E. M. Nation-Building in a Heterogeneous Society: Choosing the Nation's Path 52

The article surveys the work of Russian and foreign researchers, which aims at defining such concepts as "ethnic group," "nation" and "people" in the context of nation-building in a heterogeneous society. The article briefly describes the main features of nation-building as they are seen from the standpoint of nationalism, multiculturalism, politics of identity and republican citizenship. The author offers an approach to interpreting nation-building in Singapore on the basis of analyzed concepts and viewpoints.

Key words: nation-building, ethnicity, nation, nationalism, multiculturalism, politics of identity, republican citizenship, Singapore.

Tabarintseva-Romanova K. M. European Union's Cultural Policy in the Mediterranean Region 67

The article analyzes the main projects and programs of the EU's cultural policy beyond its borders. An overview of the major conference on cultural cooperation in the Mediterranean basin (in chronological order) is presented. The main objectives of the programs that operate in the Mediterranean region are summarized. The role of the region in EU's cultural politics is assessed in the conclusion.

Key words: EU cultural policy, European Union, Mediterranean region, "Creative Culture" program, "Culture" program, Euro-Mediterranean Partnership.

Zamov E. A. Two Trends in Political Thought of Modern Turkey 74

The article analyzes political views of the political leaders of Turkey, namely, Fethullah Gülen and Recep Tayyip Erdoğan. The programs of the Party of Justice and Development, books, articles and interviews of the Turkish leaders were surveyed. Historical sources of their views are traced. The reform plans of the Party of Justice and Development and the Movement "Khizmet" are assessed.

Key words: Turkey, Islam, Party of Justice and Development, Movement "Khizmet".

INTERNATIONAL RELATIONS

Valiakmetova G. N. Syrian Crisis as a Reflection of Trends in Global Energy Politics 81

The article discusses the role and place of the energy factor in the genesis of the Syrian crisis. The author comes to the conclusion that Syrian conflict is an outcome of the global energy politics in the 21st century. Analysis of an energy factor in the development of the Syrian crisis allows us to realize the stakes of major geopolitical players and numerous other actors engaged in the Middle East politics. The research is based on interdisciplinary methodology.

Key words: Syria, Middle East, energy policy, conflict of interests, oil, gas, transit, the USA, Russia.

Kovalev Y. Y. Outcomes of the UN Climate Summit in Paris: Instability of Regional Systems and New Risks of Regional Development 91

The article discusses the environmental, socio-economic and political aspects of global climate change. The causes and consequences of global warming are assessed from the perspective of the theory of territorial systems.

The features of global climate discourse are analyzed. Possible scenarios and risks of territorial development in various regions of the world are described. Some strategies to counter climate change are considered.

Key words: Global climate change summit in Paris, instability of territorial system, climate discourse, regional development risks, “green” capitalism.

Muhametov R. S. Evolution of Russian-Ukrainian Relations 108

The article deals with the interstate relations of Russia and Ukraine. The author showed that in 2010–2013 relations between Moscow and Kiev could be generally described as a pragmatic and constructive interaction, a normal bilateral dialogue. Ascent of P. Poroshenko to power in Ukraine led to a stark deterioration of relations between Moscow and Kiev. The author concludes that the main reason for the deterioration of Russian-Ukrainian relations lies in the change of the ruling elite in Ukraine in a coup in February 2014.

Key words: Russia, Ukraine, Yanukovich, Poroshenko, a coup.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Zvirevich V. T. Macrobius On Vergil The Philosopher 117

In “Saturnalia” and “Comments on ‘Dream of Scipio’” Macrobius creates an image of Vergil who is not only a poet but a philosopher. Macrobius cites Vergil’s poetic verses for describing and explaining certain natural phenomena as well as for interpreting philosophical issues. A supplementary source — commentary on the writings of Vergil by grammarian Servius — was also used in our analysis.

Key words: Macrobius, Vergil, Servius, poetry and philosophy.

Kondrashov P. N. Existential Historicity of Being in Karl Marx’s Philosophy 125

The article examines the concept of existential historicity of being from a Marxist perspective. Analyzing the texts of Marx, the author concludes that Marx’s notion of existence should be understood as an intimate emotional relationship of man to the world (nature, culture, others and the self), rooted in the essential human ability, as a suffering being, to relate to the world and in the unique historicity whose specific historical social and individual biographical conditions shape the existence of the individual.

Key words: Karl Marx’s philosophy, existence, the essence of man, existential not-indifference, historicity.

Kozyreva O. A. Gilles Deleuze on the Problematic Relationship between History of Philosophy and Philosophy 138

G. Deleuze points out creative nature of philosophy and reminds us that history of philosophy lacks it. Thereby the traditional idea of the irreducibility of these disciplines to each other is corroborated. However, in Deleuze’s works, we can discover the possibility of a more radical approach, in which historical-philosophical work is understood as simulacrum. This view obliterates the distinction between original and copy and subsequently between philosophical and historical-philosophical types of research.

Key words: Deleuze, philosophy, history of philosophy, creation, simulacrum.

UNIVERSITY LECTURE

Pivovarov D. V. Space and Border 152

The lecture outlines the two major philosophical themes — the theme of space and the theme of the border. At first, the author formulates basic definitions of the concepts of space, place, external and internal, immanent and transcendent, transcendental, continuity and discontinuity, finite and infinite. Then three alternative concepts of space such as phenomenological, substantial and relational are described and compared. Finally, the author analyzes the ontology of the border, reveals the dialectical contradictions of being borderline.

Key words: space, place, external and internal, immanent and transcendent, transcendental, continuity and discontinuity, finite and infinite, border, being borderline.

 HISTORY OF DEPARTMENTS

<i>Savtsova N. I.</i> To the History of Ural Philosophical School	165
---	-----

In November 2015, a fifty-year anniversary was celebrated since the Department of Philosophy was established at the Ural State University. The Department was engaged in fostering future generations of scholars in its PhD program (aspirantura), which trained highly qualified professionals for academia and non-academic institutions. In the course of these educational and research activities the Ural philosophical school was taking shape. The article focuses on the history and achievements of PhD program in dialectical materialism.

Key words: Ural, philosophy, academic community, scholar school, dialectical materialism, epistemology, methodology.

OBITUARIES

Pivovarov Daniil	177
Korableva Galina	178

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3
Общественные науки
2016
№ 1 (149)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 25.03.2016. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 15,1. Усл.-печ. л. 15,28. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 104.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13. Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2291;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **филологии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.
2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).
3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. Автором статья предоставляется в редакцию вместе с положительной внешней (по отношению к месту работы автора и по отношению к журналу) рецензией.
2. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.
3. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносит решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.
4. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом, при принятии решения о необходимости доработки текста или его отклонении, к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

5. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

6. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

7. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

8. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

- а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;
- б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

- в) инициалы и фамилия автора на русском языке;
- г) заголовок статьи на русском языке;
- д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

- конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;
- научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;
- основные этапы анализа или аргументации;
- главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

- е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);
- ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;
- з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;
- и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. **Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.**

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Философский факультет.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: urgufo2005@yandex.ru